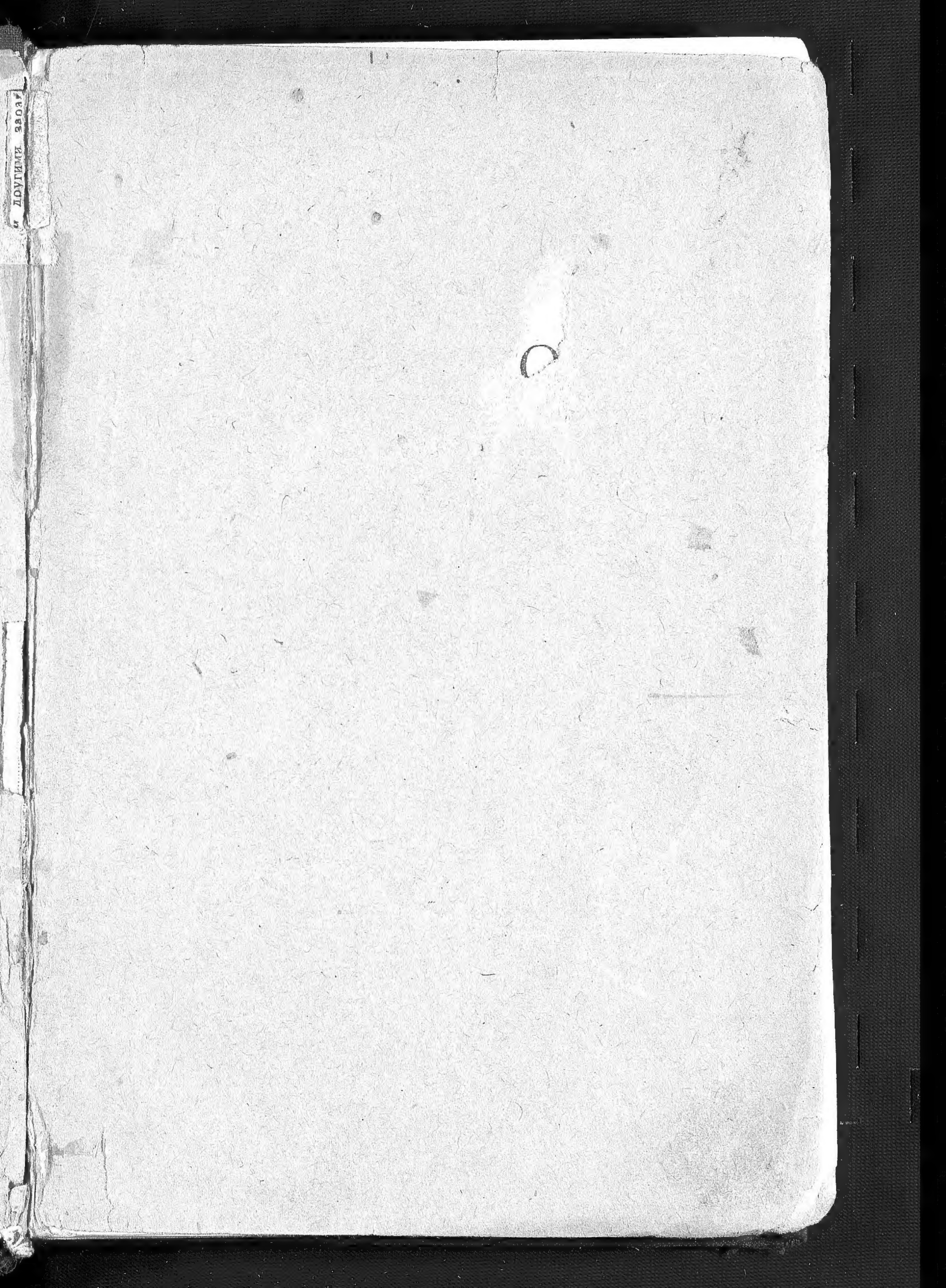
С. П. ШЕСТЕРНИН

ПЕРЕЖИТОЕ

ОГИЗ
МОСКВА — ИВАНОВО



С. П. ШЕСТЕРНИН

ПЕРЕЖИТОЕ

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО И РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

1880 — 1900 гг.

Под редакцией и с предисловием

О. А. Варенцовой и М. А. Багаева

Ивановское областное государственное издательство

1 9 4 0

С. П. ШЕСТЕРНИН
(снимок 1894 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воспоминания С. П. Шестернина «Пережитое» охватывают значительный период, начиная с 80-х годов прошлого столетия до начала XX века, и тесно связаны с веяниями и течениями в общественной жизни того времени. Читатель найдет в книге и отражение мрачной реакции 80-х годов, и развитие в 90-х годах марксистского движения, и ожесточенную борьбу марксизма с народнической идеологией и народовольческой тактикой. Автор ярко изображает картину полного бесправия и ужасающей эксплоатации, которой подвергались крестьяне и рабочие бывшей Владимирской губ. в царской России. Подробное освещение автором быта и условий жизни крестьян и рабочих в прошлом представляет богатый материал для сопоставления прошлого с прекрасным настоящим и дает читателю возможность глубже и полнее понять великие победы социализма в нашей стране.

Чрезвычайно интересно описание стачечного движения орехово-зуевских и ивановских ткачей и прядильщиков, которые в этом отношении шли впереди других рабочих края и своей упорной борьбой заставили царское правительство пойти на уступки в виде издания фабричных законов. С большой теплотой С. П. Шестернин рассказывает о своей первой встрече с В. И. Лениным и его кружком в начале 1894 г. в Петербурге. Эта встреча имела решающее значение для дальнейшей политической деятельности автора «Пережитого», тесно связав его с основателями «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Автор далее знакомит читателей с возникновением и деятельностью первых марксистских кружков в таких крупных промышленных центрах того времени, как Орехово-Зуево, Шуя, Иваново-Вознесенск, Кохма, и дает характеристики их основателей и деятелей, подчеркивая, при каких тяжелых условиях им приходилось вести свою революционную работу.

Выразительно и ярко даны в книге характеристика суда в царской России и способы расправы самодержавия с револю-

ционерами, причем все это подкрепляется простыми и убедительными фактами, приведенными автором и из своей судейской практики.

Книга С. П. Шестернина, написанная простым языком и доступная массовому читателю, представляет ценный вклад в мемуарную историко-революционную литературу. Она поможет молодому поколению сравнить настоящее с тяжелым прошлым, правильнее оценить то и другое и крепче полюбить свою замечательную социалистическую родину. Книга призывает беспощадно бороться со всякими попытками возврата к капитализму, со всевозможными происками притаившихся еще кое-где врагов нашего счастливого народа.

О. А. Варенцова.

М. А. Багаев.

Посвящается светлой памяти
дорогого друга
товарища Н. Н. Кудряшева

МОЕ ДЕТСТВО И БЫТ ДЕРЕВНИ В 70-х ГОДАХ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ

Родился я 26 (14) октября 1864 г. в г. Гродно, в семье мелкого служащего. Отец мой[1] в последние годы своей жизни работал в Московской сохранной казне и получал жалованья всего 28 рублей в месяц, а мать в свободное от домашней работы время шила белье на магазин и зарабатывала в месяц рублей двенадцать. Вот на эти сорок рублей в месяц и жила наша семья, состоявшая из отца, матери и нас, троих сыновей — Николая, Сергея и Дмитрия. Жили мы бедно и скудно. В детстве я не имел ни одной, даже десятикопеечной, игрушки. Большую радость доставил мне перочинный ножичек, который я однажды нашел на улице. Положение наше еще более ухудшилось, когда отец, страдавший туберкулезом, слег в постель и в марте 1873 г. умер. В то время старшему брату было тринадцать лет, мне — восемь и младшему пять лет. Царское правительство не обеспечивало своих мелких служащих. Несмотря на двадцатилетнюю работу отца в государственных учреждениях, мать получила только небольшое единовременное пособие, а в пенсии ей было отказано.

Жить в Москве с троими детьми на свой скудный заработок мать не могла и потому отправила меня и старшего брата к своей матери в дер. Высоково, Переславского уезда (ныне Ярославской области), Владимирской губ., а сама с младшим сыном осталась в Москве. В течение всей продолжительной болезни отца о нашем ученье нечего было и думать: старший брат дома научился читать, но в школу ни он, ни я не ходили. Бабушка решила отдать нас учиться. Поблизости школ не было, и нас

[1] Павел Александрович Шестернин родился в 1831 г. в г. Ярославле, где кончил гимназию и затем поступил в Московский университет. Через два года, за неимением средств, он должен был оставить ученье и поступить на казенную службу. Помимо службы он принимал участие в литературной работе. Так, например, в „Ярославских губернских ведомостях" он поместил свою работу „Опыт областного словаря Ярославской губернии" (№№ 2, 3, 9 и 33 за 1853 г.). Одно время был редактором „Владимирских губернских ведомостей".

отвезли в с. Бехтышево (ныне Переславского района, Ярославской области), где меня приняли в первое, а брата — в третье отделение начальной школы.

На квартиру бабушка поместила нас к вдове Марье Ивановне, чистоплотной и аккуратной женщине. Небольшая крестьянская изба в одну комнату с русской печью привлекала своей чистотой и аккуратностью. У Марьи Ивановны были два сына: старший, парень лет 17, работал у бехтышевских помещиков Самсоновых, а младший, Вася, учился вместе со мной в первом отделении. Кроме нас у Марьи Ивановны жили кузнец Митрич и молотобоец Михайло. Бабушка привезла для нашего пропитания ржаной муки, крупы, масла, а остальной приварок — картошка, капуста — добавляла Марья Ивановна. Она готовила всем нам пищу и получала за помещение с отоплением, за приварок и услуги по 1 рублю с человека в месяц.

Жили мы просто. Кроватей и матрасов у нас не было: мы с братом спали на полатях, где иногда бывало душно, а остальные члены нашего «коллектива» спали на печи, на «голубце» (деревянная лежаночка возле печи) и на скамьях. Ели мы кашу и щи из общего блюда. Мяса никогда не было. Чай пили только один раз в неделю, в воскресенье. Утром в этот день мы все шли в церковь, а затем начиналось торжественное чаепитие. После чая мы с братом и Васей бежали на улицу или в лес, ловили синиц в силки и, полюбовавшись птичками, выпускали их: у нас не было клетки. А зимой мы с братом и Васей лазили по сугробам, приходили домой мокрые, и Марья Ивановна, пожурив нас, забирала нашу мокрую одежду и развешивала сушить. В нашем «коллективе» был полный порядок: за весь учебный год я не слыхал ни одного бранного слова, никто в избе не курил и не пил водки. Никаких книг у Митрича и Михайлы не было, и я никогда не видал, чтобы они что-либо читали. Когда я подучился, то мы с братом стали читать вслух наш учебник «Родное слово», а остальные члены нашего «коллектива» внимательно слушали.

Спать обычно мы ложились рано, как только начинало темнеть. Осенью дни становились все короче и короче. Вспоминая, что у нас в Москве по вечерам зажигали сальные свечи, которые сильно коптели и обтекали, я попросил Марью Ивановну зажечь сальную свечу. «Что ты, Сережа, какие у нас в деревне сальные свечи? У нас свои свечи, растут они на березах». Я подивился ее словам. Был я в лесу много раз, но никогда никаких свечей на березах не видал. Между тем Марья Ивановна из чулана принесла «светец» (деревянный столбик с подставкой внизу и с железными рожками вверху), на подставку поставила выдолбленное из дерева корытце и налила в него воды. Затем, взяв сухое березовое полено, стала щепать из него лучину и вставлять ее в светец между железными рожками. «Вот и свечи наши», — сказала Марья Ивановна. Спички она имела

тоже «свои». Из лучины строгала длинные, тонкие спицы и концы их обмакивала в растопленную серу, что вытекает из сосен и елей. Эти спицы назывались «серенками» и делали их в деревне сами крестьяне. Стоило такую серенку приложить к горячему углю, и она тотчас же загоралась. А горячие угли вместе с золой выгребали из печи в горнушку на шестке, и здесь они тлели до утра, когда ими снова растапливали печь. Вот такой серенкой Марья Ивановна зажгла лучину, вставленную в светец. Изба слабо осветилась метра на два кругом светца. Угли от сгоравшей лучины падали в корытце с водой, шипели и гасли. После сжигания лучины в течение двух-трех часов под потолком скоплялось серо-голубое облако дыма. Читать и работать можно было только около светца, дальше был полумрак. а в углах избы совсем темно. Так, при помощи лучины освещались все избы в селе Бехтышеве в 1873 г., т. е. 67 лет тому назад. Города от сальных свечей перешли к стеариновым, которые горели ярче сальных, не коптили и не оплывали, а деревня, по своей бедности, в зимние вечера продолжала работать при лучине и петь грустные песни:

Извела меня кручина,
Подколодная змея.
Догорай моя лучина,
Догорю с тобой и я.

Еще Пушкин отметил былое значение лучины в крестьянском быту:

В избушке, распевая, дева
Прядет, и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней.

От лучины, минуя дорогие по тому времени сальные и стеариновые свечи, деревня перешла к керосину. Керосин первое время назывался «фотогеном», что в переводе на русский язык означает «источник света», но лампочек со стеклами долго не было. Керосин наливался в маленькие жестянки, в них вставлялся фитиль из хлопчатой бумаги. Эти «ночники» страшно коптили и давали мало света. Затем их заменили маленькими лампочками со стеклами, и это явилось большим достижением в деревенском быту. А теперь во многих деревнях не только в домах, но даже на колхозных конюшнях и на скотных дворах горит яркий электрический свет.

Как добывали огонь на улице, я увидел потом. Молотобоец Михайло тихонько от Марьи Ивановны покуривал. Как-то он вынул кисет, в котором лежали: небольшая металлическая пластинка — «огниво», кремень и кусок мягкого трута (грибковый нарост на дереве). Отщипнув маленький кусочек трута, Михайло положил его на кремень и сильно ударил огнивом по кремню: появилась искра, трут загорелся. «Огниво», кремень и трут — эти древние орудия, при помощи которых человечество, быть мо-

жет, в течение тысячелетий добывало огонь, — лежали в кисете с табаком у каждого курильщика.

Для характеристики прежнего быта скажу еще несколько слов о крестьянских избах того времени. Печь в избе Марьи Ивановны топилась «по-белому», т. е. имела кирпичную трубу, и дым выходил на волю. Но как в с. Бехтышеве, так и в деревне Высокове было еще много домов, печи которых тогда топились «по-черному». Печь не имела кирпичной трубы, а дым из печки выходил на волю через небольшое отверстие, которое было сделано в стене и после топки затыкалось тряпкой. Снаружи избы у этого отверстия для тяги устраивалась деревянная труба, но тяга была плохая, особенно когда на улице было сыро: едкий дым наполнял всю избу, копоть оседала на стенах избы, и они становились совершенно черными. От людей и от вещей пахло копотью. Все это свидетельствовало о страшной бедности большинства крестьян, не имевших возможности купить кирпичей, чтобы сложить трубу и избавиться от едкого мучительного дыма. Хорошо помню, как приезжавшие в деревню сваты говорили родителям невесты: «семья жениха живет хорошо, топится печь по-белому». Это являлось одним из признаков достатка.

Одевались тогда крестьяне бедно: рубахи и штаны для мужчин шили из своего холста, иногда окрашенного в синий цвет. Женщины шили юбки из того же окрашенного холста, по которому ходившие по деревням «набоешники» набивали незатейливые белые и желтые цветы. Только изредка на женщинах, и то лишь на молодых, можно было видеть ситцевые платья. Девушки, выходившие замуж, перед «венцом» волосы заплетали в две косы, надевали на голову «повойник», который на всю жизнь скрывал волосы от постороннего взора: по деревенскому обычаю женщины никогда не должны были обнажать головы. В этом повойнике и хоронили женщин. В холодное время мужчины и женщины надевали коричневые кафтаны, сшитые из домотканной шерстяной материи, а зимой носили шубы, сшитые из овчин. Женщины сверх повойника повязывали платки, а мужчины надевали свалянные из шерсти высокие, суживающиеся кверху шляпы с небольшими полями. Овчины и шерсть были домашние, со своих овец. Летом все ходили босиком, а весной и осенью надевали «ступни», сплетенные из бересты; зимой надевали лапти, сплетенные из лыка, а частью— валенки, скатанные из домашней шерсти. Были и кожаные сапоги, и женские полусапожки, но они служили больше для украшения, чем для носки. Летом по воскресеньям можно было наблюдать такую картину: из деревни направляется в село группа мужчин и женщин «помолиться в церкви». Мужчины перекидывают через плечо кожаные сапоги, женщины берут в руки полусапожки и до села идут босиком. Доходят до сельской околицы, обуваются и в церкви стоят в обуви. Обратный

путь от церкви до деревни опять идут босиком. Шили кожаную обувь очень редко, и часто обладатели сапог получали их по наследству от отца.

Так все, что нужно было в простом крестьянском хозяйстве — лучина, спички, одежда, обувь — все приготовлялось самими крестьянами. Как общее правило, самоваров в деревне не было, чай крестьяне тогда не пили, его заменял квас. По праздникам варили «брагу» (слабое пиво). Питались крестьяне скудно: щи, каша с льняным маслом, картошка, а работали с утра до поздней ночи. Такой неприглядной была жизнь крестьян 60—65 лет тому назад. На причинах крестьянской бедности мой детский ум тогда не останавливался.

Возвращусь к моей школьной жизни в Бехтышеве. На рождественские праздники мы с братом приехали в деревню к бабушке, где брат внезапно заболел и через три дня умер. Причина смерти осталась невыясненной: врача, жившего в Переславле — в 33 километрах от деревни, не вызывали к больному. Смерть отца и старшего брата в течение одного года тяжело отразилась на мне. Под влиянием, очевидно, тяжелой жизни в детстве я вообще не отличался веселостью и жизнерадостностью, а после смерти отца и брата еще больше замкнулся в себя, зато увеличилась моя наблюдательность и более серьезное отношение к жизни. После праздников я возвратился в школу, где Марья Ивановна и мои сожвартиранты, узнав о моем несчастии, отнеслись ко мне с большой теплотой и сочувствием, всячески стараясь обласкать меня.

Весною 1874 г. я сдал экзамен, перешел во второе отделение с похвальным листом и поехал на лето к бабушке. Энергичная старушка решила, во что бы то ни стало, поместить меня в среднюю школу (гимназию), которая находилась в 100 километрах от деревни — в г. Владимире. Мужская гимназия была одна на всю Владимирскую губернию. При ней имелся пансион (общежитие), куда бабушка и хотела поместить меня. С большим трудом бабушке удалось осуществить свое намерение.

Директор гимназии Н. А. Закс согласился принять меня в пансион и зачислить в младшее отделение приготовительного класса. Я получил гимназическую форму. В гимназии тогда были младшее и старшее отделения приготовительного класса и восемь основных классов, а всего предстояло пробыть в гимназии десять лет. Видя перед собою застенчивого мальчика с деревенскими манерами, пансионеры дразнили меня «деревенщиной» и всячески издевались надо мной. В возне и драках я не принимал участия, так как, по заключению врача, у меня был какой-то недостаток в сердце, и я был даже освобожден от гимнастики. Вся гимназическая обстановка очень угнетала меня, и я, уйдя куда-нибудь в угол, долго плакал и с грустью вспоминал Марью Ивановну, Митрича и Михайла, которые всегда относились ко мне с нежной любовью.

Вскоре меня вызвали к директору. У него сидел какой-то «толстый барин» с отвисшей губой. Потом я узнал, что это был губернский предводитель дворянства Кожин. Они говорили обо мне.

Из их разговора я понял, что в пансионе могут жить только дворяне, а я, оказывается, не дворянин и потому должен быть удален из пансиона. Узнав, что моя матушка с младшим братом проживает в Москве, «толстый барин» предложил директору написать моей матери, чтобы скорее взяла меня из пансиона, но мать моя, конечно, не торопилась ехать за мной: двоих детей она содержать не могла. Раньше я совсем не знал, что существуют какие-то дворяне, дети которых могут жить в пансионе, а я почему-то не могу, хотя учусь хорошо и веду себя лучше других. Тут впервые зародились во мне враждебные чувства к дворянству. После этого разговора Кожин еще несколько раз приезжал в гимназию, вызывал меня и спрашивал директора, писал ли он моей матери, и какой имеется ответ. «Писал, писал несколько раз, — говорил директор, — но ответа нет», а на вопрос Кожина, куда же девать мальчика, отвечал: «Я думаю, что можно его оставить до конца учебного года в пансионе». Директор Закс был добрый человек, при мне он был в гимназии три года и всегда хорошо относился ко мне. Думаю, что он лукавил перед «толстым барином» и не слишком надоедал моей матери своими требованиями взять меня из пансиона. Так Кожину и не удалось очистить свое дворянское стадо от случайно забредшего в него деревенского мальчика.

Кончился учебный год. Осенью уже не было никакой надежды снова поместить меня в пансион. Пришлось матери оставить Москву и вместе с младшим братом и мною поселиться во Владимире. Зная наше материальное положение, директор Закс выдал мне полное гимназическое обмундирование и все учебники. Жить нам, конечно, было очень тяжело, пришлось подрабатывать. Когда я перешел во второй класс, учитель немецкого языка Геринг пригласил меня заниматься с его сыном — учеником приготовительного класса. Прямо из гимназии я шел к Герингам, обедал у них и затем занимался с мальчиком. Возвращался домой в 7-м часу вечера. За спиной, по тогдашним правилам, был у меня ранец из грубой телячьей кожи с книгами. Встречные мальчики кричали мне: «безобедник, безобедник», а я с гордостью мысленно говорил им: «Дуралеи вы, дуралеи, вы едите отцовский хлеб, а я сам кормлю себя». Помню, с какой радостью я передал матери три рубля, полученные мною за первый месяц моего труда.

С тех пор я постоянно давал уроки и возвращался домой не раньше 8 часов вечера.

С четвертого класса мне дали единственную в нашей гимназии стипендию в размере 150 рублей в год. Так был решен для нашей семьи вопрос о нашем материальном существовании.

ВЛАДИМИРСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРУЖОК МОЛОДЕЖИ (1880—1884 гг.) И ЕГО СНОШЕНИЯ С ШУЙСКИМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ КРУЖКОМ

Жизнь в нашем тихом городке текла спокойно, а между тем кругом совершались такие события, которые докатывались до нас, гимназистов, и заставляли обо многом подумать.

В 1876 г. восстали за свою свободу против турецкого владычества босняки и герцоговинцы (южные славяне). Мы живо откликнулись на эти события, собирали деньги для восставших. Потом началась русско-турецкая война, как нам объясняли — в защиту славян, а в действительности цель войны заключалась в том, чтобы обеспечить русской буржуазии новые рынки для сбыта товаров на Балканах. Внутри России тоже было неспокойно: происходили неоднократные покушения на царя, на улицах Петербурга один революционер убил шефа жандармов Мезенцева и т. д.

До нас доходят известия о казнях революционеров (Осинского, Лизогуба, Чубарова и многих других), об арестах. Начинаются аресты и в самом Владимире. Будучи во втором-третьем классах, мы услышали, что арестованы бывший наш гимназист— Орест Аппельберг (студент-медик пятого курса), С. Л. Миловзоров, Н. И. Иванов-Охлонин и др. Эти аресты, а затем ссылка арестованных в Сибирь произвели на нас, подростков, большое впечатление. Мы сочувствовали арестованным, но в то время совсем не знали, почему и за что их арестовали.

Происходившие события нас сильно встряхнули: хотелось знать, за что же в самом деле борются революционеры, которые, как мы слышали, не страшились ни арестов, ни каторги, ни виселицы. Людей, могущих все это объяснить, около нас не было. Мы решили обратиться к книгам, но во Владимире в то время не было ни одной публичной библиотеки, если не считать так называемой епархиальной библиотеки, в которой были книги, главным образом, религиозного направления. Однажды я с товарищами зашел в эту библиотеку и спросил какую-то научную книгу, чуть ли не по политической экономии. «Батя» в рясе, заведывавший выдачей книг, опасливо посмотрел на нас, точно боялся заразиться от нас какой-либо прилипчивой болезнью.

Наша гимназическая библиотека была настолько скудна, что в ней не было ни Тургенева, ни Толстого. Своих книг товарищи тоже не имели. Поэтому в 1880 г. мы, четвероклассники, решили образовать кружок, целью которого — помимо присущего юношеству стремления к товарищескому общению — было желание, во что бы то ни стало, иметь свою тайную библиотеку. Такую библиотеку мы создали, и она стала предметом нашей горячей любви, неустанных забот и тревожных опасений, как бы наше любимое детище не попало в руки гимназического начальства, а еще более — в лапы жандармов.

В те годы во Владимирской гимназии насчитывалось не более 200 человек учащихся, и хотя наш кружок объединял 15—20 человек, тем не менее наша библиотека с каждым месяцем увеличивалась. Бедняки вносили на покупку книг последние гроши, а более состоятельные товарищи давали уроки и весь свой заработок передавали на пополнение библиотеки. Приобретать книги было тоже нелегко. Книжных магазинов во Владимире не было: для покупок пользовались случайными поездками в Москву, главными же нашими поставщиками были два-три московских букиниста. Они ежегодно приезжали к нам весною на ярмарку и раскидывали свои палатки с книгами. С увлечением мы перебирали привезенные книги, разыскивая среди них «Что делать?» Чернышевского, «Политическую экономию» Милля с примечаниями Чернышевского, «Положение рабочего класса» Флеровского, «Шаг за шагом» Омулевского, «Знамения времени» Мордовцева и другие любимые книги, которые мы не только перечитывали по нескольку раз, но иногда даже переписывали, ибо каждая такая книга ценилась в 25 рублей, что при нашем нищенском бюджете составляло целый капитал. Через три года настойчивых трудов у нас оказалась солидная по тем временам библиотека в 3000 томов. Хранить такую библиотеку в конспиративных условиях было делом нелегким, и мы решили превратить ее в публичную, но наши планы не осуществились: губернатор не утвердил врача А. Н. Златовратскую-Харламову, сестру писателя-народника Н. Н. Златовратского, ответственным лицом по библиотеке, а другого подходящего лица мы подыскать не могли.

Основным ядром нашего кружка были гимназисты старших классов, но к нам примыкали и некоторые мелкие служащие. Поддерживали связь с кружком также бывшие наши гимназисты, московские студенты, которые привозили нам из Москвы нелегальные издания — «Земля и воля», «Черный передел», «Народная воля». Женщин в нашем кружке не было. Среди гимназистов того времени считалось предосудительным пройтись с гимназисткой по бульвару: такой гимназист подвергался злым насмешкам со стороны товарищей. Исключение составляли две гимназистки, примкнувшие к нам, когда мы и они были уже в восьмом классе (мужская и женская гимназии существовали отдельно). Это были — В. Н. Златовратская и Ольга Афанасьевна Варенцова, кончавшая восьмой класс гимназии во Владимире после Иваново-Вознесенской семиклассной гимназии. Между ними была громадная разница: первая — веселая, жизнерадостная, с ярким румянцем на щеках, а вторая — бледная, худая, серьезная, в своем сером гимназическом платье похожая скорее на монашенку.

Варенцова любила спорить и в спорах помахивала рукой (как она это делает и сейчас), а ее прекрасные лучистые глаза светились ярким сиянием.

Родилась Варенцова в 1862 г. в г. Иваново-Вознесенске в состоятельной семье, была старше нас и очень начитана.

Порою мы, гимназисты, сливались с семинаристами, учениками духовной семинарии, которая, кроме общеобразовательных, имела еще два богословских класса, выпускавших будущих служителей культа. Тогда наш кружок состоял из пятидесяти — шестидесяти юношей. Наша библиотека иногда объединялась с тайной семинарской библиотекой, и тогда получался большой запас книг, но это можно было делать только при наличии подходящего помещения. В этом отношении нам однажды посчастливилось. Отец состоявших в кружке братьев Н. и А. Филаретовых имел на Троицкой улице дом, в котором и предоставил детям полуподвальный этаж, состоящий из трех больших комнат с отдельным ходом. В этом изолированном помещении и хранилась наша библиотека. Здесь мы и проводили вечера в спорах и разговорах.

Так мы благоденствовали года полтора. Но однажды во время уроков увидали дым над тем местом на Троицкой улице, где была наша библиотека. Мы, гимназисты, с одной стороны Большой улицы, а семинаристы — с другой стороны этой же улицы (гимназия и семинария были на одной улице, но в разных концах) бросились на пожарище: действительно, горел дом архитектора Филаретова. Собралось человек пятьдесят членов кружка. Несмотря на сильный огонь, мы все-таки спасли нашу библиотеку, вытащили книги в сад. А вечером запрягли филаретовского ослика и приступили к спешной перевозке книг в другое помещение, охраняя маленькую тележку с обеих сторон, чтобы не растерять книги. Пришлось проезжать мимо полицейской части, но, к счастью, никто из начальства не видел этого торжественного передвижения библиотеки на ослике. А при других обстоятельствах могло бы возникнуть дело с участием... ослика в качестве свидетеля, а пожалуй и обвиняемого.

Так эта библиотека и оставалась до середины 90-х годов прошлого столетия в положении нелегальной, пока не была захвачена жандармами 14 мая 1895 г. в квартире М. Л. Сергиевского. По распоряжению губернатора наши книги и книжные шкафы были проданы с аукциона. К счастию, их приобрела только что незадолго перед тем открытая городская библиотека. Жандармами было создано многотомное дело об участниках кружка последнего десятилетия (1884—1894 гг.).

В новом доме не было такого обширного помещения, и нам приходилось переносить наши собрания за город, в овраги к Юрьевской заставе, где теперь кирпичный завод, а весной и осенью мы иногда брали лодки и ехали вверх по реке Клязьме до песчаного холма с сосновым лесом, там раскладывали теплину, пили чай, беседовали и пели песни.

Любопытно отметить, что даже в дни нашей юности мы пели преимущественно грустные песни.

Нищета, гнет и произвол царизма не могли породить веселых и бодрых песен. В своих песнях мы часто поминали могилу, слезы, стон русского народа и грустно тянули:

Быстры, как волны,
Дни нашей жизни;
Что час, то короче
К могиле наш путь.

Или не менее унылую:

Не осенний мелкий дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман.
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.

Частенько распевали «Долю бедняка»:

Ах ты, доля, моя доля,
Доля горькая моя.
И зачем меня ты, доля,
До Сибири довела...

Любили мы петь и из Некрасова, но опять только все грустное. Когда до нас доходила грустная весть о казни революционеров, мы пели величественный похоронный марш:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали все, что могли за него,
За жизнь его, честь и свободу.
Порой изнывали вы в тюрьмах сырых;
Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи изрекли, и на казнь
Пошли вы, гремя кандалами.
А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Чертит уж рука роковая.
Настанет пора — и проснется народ,
Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Ваш доблестный путь благородный.

Это уныние русских песен, порожденное деспотизмом царизма, отметил еще Пушкин. В стихотворении «Домик в Коломне» он писал:

От ямщика до первого поэта,
Мы все поем уныло. Грустный вой —
Песнь русская. Известная примета!
Начав за здравие, за упокой
Сведем как раз...

Теперь, в наше счастливое время, молодежь не поет грустных песен, ибо «в нашей стране теперь даже камни поют» (Горький).

Под влиянием товарищеских бесед, казней революционеров

и изредка попадавших к нам нелегальных газет у нас все более и более развивалось критическое отношение к существовавшему тогда политическому строю. Главным виновником всех бед и несчастий, упадавших на русский трудовой народ, мы считали царя и правительство. «Не надо нам царя, — раздавались голоса, — пусть управляют страной народные выборные, пусть все хозяйство будет у нас общее, социалистическое». Не примыкая к какой-либо партии, мы уже в пятнадцать-шестнадцать лет становились социалистами и республиканцами. Помню, утром 2 марта 1881 г. к нам на квартиру пришел булочник Иван Егорыч и сказал: «Ну, ребята, случилось большое дело: вчера убили царя Александра; в магазинах выставлены телеграммы». Мы побежали к магазинам и с радостью стали читать телеграммы. «Так и надо тебе, царь-вешатель», — думали мы про себя, а вечером этого же дня мы, пятиклассники, на собрании кружка с восторгом говорили о героях, расправившихся так удачно с тираном-самодержцем.

Мы еще не понимали тогда, что путь террора, путь борьбы одиночек не сможет привести к изменению существующего строя. Лишь позднее мы поняли, что эту задачу может выполнить только рабочий класс во главе со своей революционной партией, опирающейся на великое учение Маркса — Энгельса.

В гимназии — настоящее смятение: учителя пришли с заплаканными глазами, но ни у кого из гимназистов я не видал слез. Начались заупокойные обедни и панихиды. Ученики были довольны этим перерывом занятий. В церковь должны были ходить не только православные ученики, но даже и евреи, которых, правда, у нас было очень мало. Во время одной панихиды произошел инцидент, сильно встревоживший все гимназическое начальство. Когда гимназисты стояли на коленях и должны были петь «со святыми упокой», ученик шестого класса, еврей Александр Браудо, тихо запел: «ах вы, Сашки, канашки мои, разменяйте мне бумажки мои». Стоявший впереди Браудо ученик пятого класса Александр Лупандин (впоследствии был земским начальником) обернулся и ударил Браудо по щеке. Получился скандал. Немедленно собрался педагогический совет и исключил Браудо из гимназии. Но так как отец у Браудо был популярный во Владимире врач, то сына исключили с правом поступления в другую гимназию. В то же время на классной доске в пансионе появилась надпись «месть — священное дело», приведшая гимназическое начальство в трепет. Стали сличать почерки. В конце концов дознались, что надпись сделал маленький гимназист Буланов без всякого умысла, оказывается, эта фраза принадлежала одному из индейских вождей и взята из только что прочитанной мальчиком книги Густава Эмара.

В женской гимназии обнаружена была еще бо́льшая «крамола». На панихиде по царю присутствовали не только ученицы, но и некоторые из родителей. Когда после панихиды все рас-

ходились, одна девочка-подросток спросила свою товарку: «А когда же повесят нового царя?». Эти слова услыхали «патриотические уши», сообщили жандармам. Начались допросы. В результате выяснилось, что девочка интересовалась, когда будет повешен портрет нового царя.

Позднее стало известно, что царь казнен по приговору исполнительного комитета «Народной воли», и что главные участники казни арестованы. Мы уже кое-что знали об этой партии; наши симпатии целиком были отданы ей, хотя мы и не знали тогда в точности, в чем заключается программа этой партии. 26—29 марта 1881 г. состоялся суд над «цареубийцами». Отчет о суде был опубликован, и все мы, читая этот отчет, восторгались мужественным поведением на суде А. И. Желябова и С. Л. Перовской. Также мужественно они вошли и на эшафот вместе со своими товарищами Кибальчичем и Михайловым.

Для современной молодежи, особенно для учеников старших классов теперешней средней школы, думаю, интересно будет знать, что читала молодежь пятьдесят—шестьдесят лет тому назад.

Наша тайная библиотека все расширялась, главным образом за счет наилучших сочинений того времени. Читали мы прежде всего русскую художественную литературу: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, но особенно нам нравился Некрасов с его песнями о страданиях крестьян. В художественной литературе мы искали те идеальные типы, которым мы могли бы подражать в своей жизни, но, к сожалению, таких не находили. В литературе, как и в жизни, чаще встречались «лишние» люди: во время царизма они не могли найти дела, которое соответствовало бы их идеальным стремлениям. Онегин и Печорин были нам совершенно чужды, Рудин дорог был нам только своей смертью на баррикадах. Нежданов из «Нови» Тургенева был всего ближе к нашему миросозерцанию, но в нем не было ни силы, ни веры в свою работу. Тургеневский Базаров и герои романа Чернышевского Лопухов и Кирсанов были умные индивидуалисты и тоже не могли быть нашими героями. По цензурным условиям художественная литература того времени не могла отразить образы героев-революционеров 70—80 годов прошлого столетия. Теперь, когда наша жизнь бьет ключом и каждый день родит новых героев, художники могут свободно создавать такие идеальные типы, как Павел Власов, Павел Корчагин и др.

Помимо классиков мы с увлечением читали: «Что делать?» Чернышевского, «Шаг за шагом» Омулевского, «Знамения времени» Мордовцева, «Сказки», «Ташкентцы», «Господа Головлевы» и «Современную идиллию» Салтыкова-Щедрина, «Подлиповцы» Решетникова, сочинения Златовратского, Глеба Успенского, Гаршина, Наумова и др.

Разобраться в литературе нам помогала критика: сочинения Белинского, главным образом, статьи о Пушкине, статьи Добролюбова о Гончарове, Тургеневе и Островском, статьи Писарева, которого мы читали с упоением и одно время под его влиянием «не признавали Пушкина». Иностранная литература тоже привлекала наше внимание: «Углекопы» Золя, «93-й год» и «Несчастные» В. Гюго, «Один в поле не воин» Шпильгагена, «Эмма» Швейцера, «Принц-собачка» и «Париж в Америке» Лабуле и особенно «Историю одного крестьянина» Эркмана-Шатриана мы читали с увлечением.

Из научных книг по экономике с особым интересом тогда читались — «Положение рабочего класса в России» Флеровского и «Основания политической экономии» Милля с примечаниями и дополнениями Чернышевского. К. Маркс высоко ценил обе эти книги. По поводу работы Флеровского Маркс писал: «Это настоящее открытие для Европы... Это — труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса. Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века» (письмо К. Маркса от 24 марта 1870 г. членам Комитета Русской Секции Интернационала). Имелся в нашей библиотеке и I том «Капитала» Маркса, который мы попросту похитили из библиотеки дворянского клуба: для дворян, по нашему мнению, эта книга совсем была не нужна. Правда, и у нас она в то время больше стояла на полке и почти не читалась: нас отпугивали первые три главы этого труда.

По истории Западной Европы у нас были: «История цивилизации в Англии» Бокля, «История умственного развития в Европе» Дрэпера, «История возникновения и влияния рационализма в Европе» Лекки, «История крестьянской войны в Германии» Циммермана, «Пролетариат во Франции» Михайлова-Шеллера, «Гражданская война во Франции» Маркса (литографированное издание) и др. По русской истории мы читали то, что главным образом относилось к политическому устройству древней Руси и к крестьянскому движению: «Бунт Стеньки Разина» и «Северно-русские народоправства» Костомарова, «Вече и князь» Сергеевича. В древней Руси был верховный орган «вече» (собрание народа), который заведовал всеми государственными делами, нанимал для своей охраны князей и их дружинников, порою прогонял их, говоря неугодному князю: «путь тебе чист, пошел вон». Чтение таких книг заставляло нас думать, что теперь тем более государственными делами могут заведовать только народные выборные, никакие цари нам не нужны.

По естествознанию и по первобытной культуре у нас были: «Происхождение видов» и «Происхождение человека» Дарвина и «Первобытная культура» Тэйлора.

Здесь, конечно, перечислены далеко не все книги, которые у нас были. Указанные книги особенно рекомендовались, и каждый член кружка считал необходимым прочесть их в четырех старших классах гимназии, а если не успевал этого сделать в гимназии, то заканчивал чтение книг по приведенному списку уже в высшем учебном заведении.

Читали мы очень много, а на собраниях о прочитанном много говорили, спорили о судьбах России и обсуждали доклады (рефераты), написанные на заранее заданную тему. Помню, Варенцова читала доклад о пролетариате во Франции (по Михайлову), а я о социалисте-утописте Роберте Оуэне.

Книги мы покупали и читали по рекомендации более старших и опытных товарищей. Большую пользу оказал нам изданный правительством в секретном порядке «Список книг, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и читальнях». Раз правительство запрещает известные книги, значит, их следует читать, догадывались мы. Так список запрещенных книг превратился у нас в свою противоположность — в список рекомендуемых книг. Маленькая курьезная подробность: этот «список» мы получили от помощника исправника Смирнова, сын которого — хороший товарищ — был деятельным членом нашего кружка. Сам Смирнов был большой оригинал: он смертельно боялся всякого оружия и ходил всегда без присвоенного его полицейской должности револьвера, а когда по делам службы являлся к губернатору, то вкладывал в кобуру вместо револьвера деревяшку, окрашенную в коричневый цвет. Мы не могли без смеха смотреть на этот вид оружия.

Мы, гимназисты и семинаристы, не всегда варились в своем собственном соку: были посторонние лица, оказывавшие на наш кружок громадное влияние. Здесь, на первом месте по времени, надо поставить писателя-народника Николая Николаевича Златовратского, сестра которого была членом нашего кружка. Через нее мы и познакомились с писателем. Н. Н. Златовратский постоянно жил в Москве, но периодически наезжал во Владимир к сестрам. В то время Златовратский был единственным писателем во Владимире, и потому, в наших глазах, он был окружен каким-то особенным ореолом, ибо до сих пор мы никогда не видали писателей, а знали о них только по книгам.

Маленький домик семьи Златовратских на одной из Ильинских улиц, где мы часто собирались, обладал особо притягательной силой для молодежи. В те дни, когда писатель появлялся во Владимире, он был постоянно окружен семинаристами и гимназистами. Нередко темными осенними вечерами мы пробирались по грязным неосвещенным улицам к Златовратскому, который неизменно встречал нас с особой радостью. Делясь

своими деревенскими впечатлениями и наблюдениями, он горячо призывал нас итти в народ, на помощь к крестьянину.

«Он страдает от нищеты и бесправия, — говорил Златовратский, — но настоящая правда находится только в деревне: община правильно распределяет землю между всеми членами и никого не оставляет без земли; земля периодически распределяется в соответствии с количеством членов в каждой семье. В городах всеми делами заведуют чиновники, а в городских думах сидят богатые люди. В деревне, наоборот, все взрослое население выбирает из своей среды сельских старост, волостных старшин и других должностных лиц. Всякие споры между членами общины разрешает мир, старики. Таковы устои деревенской жизни. Крестьяне — основная производительная сила, а община послужит основой будущего социалистического строя. Мы все живем за счет крестьян и своим трудом на пользу деревне должны уплатить свой долг народу».

Прошло с тех пор более пятидесяти лет, а я, как сейчас, вижу перед собой сутуловатую фигуру Николая Николаевича, лет 45, с большой окладистой бородой и русыми волосами, упадающими на плечи, с оживленным розовым лицом и со страстной речью. Он быстро ходил по комнате, частенько закидывал волосы назад, а мы с затаенным дыханием слушали его и клялись в своей душе отдать все силы деревне. Несомненно, Златовратский привил всем нам значительную долю народолюбия, но никакой политической программы у него не было. Таков был этот певец деревенских «устоев», искренний идеализатор деревни, видевший в ней только одно хорошее.

У Златовратского была недурная библиотека. Из нее мы беспрепятственно пользовались книгами, а самое главное — от Николая Николаевича мы получали журнал «Отечественные записки», с увлечением читали в нем статьи Михайловского, Глеба Успенского, Щедрина и самого Златовратского. Помню также, с каким наслаждением я читал мелкую, как бисер, рукопись «Золотых сердец» Златовратского.

Познакомившись поближе с сочинениями Глеба Успенского, в которых ярче отражалось разложение деревенских устоев, чем у Златовратского, мы увидали, что деревня не такова, как ее изображал Златовратский. В деревне происходило расслоение крестьян на разные хозяйственные группы, поэтому нельзя было говорить о крестьянстве, как об однородной массе. Не только правительство и землевладельцы угнетали крестьян, но из крестьянской бедноты усиленно сосали кровь кулаки, скупщики и ростовщики. Община с ее круговой порукой связывала крестьян и не давала им возможности отказаться от земельного надела. Разорившиеся крестьяне, ушедшие из деревни на фабрики или на отхожие промыслы, должны были платить подати за землю (которою фактически не пользовались), потому что иначе им не давали паспортов. В сельские старосты и особенно в волостные

старшины, под давлением высшего начальства, избирались не защитники мира, а кулаки-мироеды. В волостных судах выборные судьи из состоятельных крестьян нередко приговаривали своих соседей бедняков к позорному телесному наказанию и часто решали дела в пользу того, кто выставит судьям побольше угощения. Такова была действительная деревня того времени. Мы были очень благодарны Глебу Успенскому за его показ действительной деревни. Впоследствии и наши личные наблюдения в деревне подтвердили, что Гл. Успенский дал более правильное изображение деревни, чем многие другие писатели того времени.

К концу моего гимназического курса (1883—1884 гг.) Златовратский перестал бывать во Владимире. В это время в нашем кружке появилась новая сильная личность — писатель-статистик Николай Александрович Добротворский.

Добротворский — сын священника, учился во Владимирской духовной семинарии, но курса не окончил. Будучи семинаристом, он обвинялся в покушении на жизнь владимирского полицейского пристава, но дело было прекращено по заключению экспертизы, установившей, что покушение было совершено в состоянии аффекта, т. е. в ненормальном состоянии умственных способностей. Тем не менее, как «неблагонадежный», Добротворский в административном порядке был сослан на три года в Вятку, где занимался статистикой и писательством. После ссылки он вскоре приехал во Владимир.

Еще со времени Герцена г. Владимир, находящийся в близком расстоянии от Москвы, служил местом жительства для ссыльных и поднадзорных, которым запрещалось проживание в Москве. Через семинаристов мы скоро узнали о приезде во Владимир нового писателя и притом только что вернувшегося из ссылки. Нам захотелось познакомиться с ним. Добротворский, человек бурного и страстного темперамента, тоже не мог усидеть дома и рвался к пропаганде и агитации среди молодежи. Ему нужна была аудитория, и он нашел ее в нашем кружке. Мы быстро познакомились. Добротворскому было в то время лет 25—27. Высокий, худой, стройный, с небольшой черной бородкой, некрупными, но правильными чертами лица, с белым высоким лбом, Добротворский был подвижен, как ртуть. Он ходил в высоких смазных сапогах, красной рубашке «на выпуск» и в черной шляпе с широкими полями. Костюм этот был не особенно конспиративен, но так одевались все тогдашние радикалы, а некоторые при этом надевали темные очки. В маленьком номерочке грязной гостиницы, близ вокзала, мы часто собирались у Добротворского. Я и сейчас живо представляю тесную комнату, слабо освещенную маленькой керосиновой лампой, переполненную учащейся молодежью. От большого количества выкуриваемых папирос скапливалось столько дыма, и порою в номере становилось так душно, что приходилось откры-

вать двери в коридор, нарушая правила конспирации, но в пылу увлечения мы мало думали об этом.

Передать дословно все разговоры, которые тогда велись у Добротворского, конечно, невозможно, но общая их схема, отдельные речи Добротворского хорошо сохранились в моей памяти. Добротворский был ярый народоволец и террорист. «Мы — социалисты и народники, — говорил Добротворский. — Мы глубоко верим, что только социалистический строй даст счастье всему народу и каждой отдельной личности. Крестьянство в своей массе с его общиной, самоуправлением и артелями является носителем социалистических идеалов. Наши предшественники — члены общества «Земля и воля» — в семидесятых годах двинулись в деревню с проповедью социализма, но, к сожалению, народ, порабощенный и задавленный нуждой, не отозвался на проповедь социализма и не поднялся на восстание. Было арестовано до 2000 землевольцев, долго они сидели по тюрьмам, а потом их отправили в Петербург. 193 человека было отдано под суд. Многие из них были осуждены на каторгу даже за мирную пропаганду социалистических идей. Результаты революционной работы в деревне оказались незначительными. Поэтому теперь, в ближайшее время, мы не можем рассчитывать на восстание крестьян, не можем создавать среди них революционных кружков. Мы можем путем пропаганды привлекать к себе только отдельных крестьян, а также связанных с землей фабричных рабочих, чтобы через них влиять на крестьянство. Но самые большие надежды мы возлагаем на интеллигенцию и в частности на молодежь, поэтому мы должны развивать революционный дух молодежи и объединять молодежь в тайные кружки. Россия должна покрыться тайными революционными кружками, которые объединятся вокруг своего центра, исполнительного комитета, поднимут восстание и захватят власть. Только наша партия, партия «Народной воли», осуществит народные чаяния и может захватить власть. А потом мы созовем народных выборных, которые и установят у нас социалистический строй. Для организации восстания и захвата власти все-таки нужно время, а пока мы будем мстить правительству за наших товарищей, погибших на царских виселицах, будем расстраивать ряды бюрократов во главе с царем. У нас, народовольцев, есть могущественное оружие — террор, к которому мы так успешно прибегаем».

Вот, в общем, та платформа, та программа, которую развивал перед юнцами пылкий Добротворский. Мы не могли в то время критически отнестись к его страстным речам. Потом, когда мы познакомились с революционным марксизмом, когда почитали Маркса, Энгельса, а затем Ленина, — мы ясно увидали, как много вредной и наивной мешанины было в программе «Народной воли».

Царская Россия, как и всякое другое буржуазное государ-

ство, была классовым государством, и царское правительство являлось органом командующих классов для угнетения и подавления трудящихся масс. Власть была в руках дворян и царя — первого дворянина и самого богатого помещика. Капиталистов (фабрикантов, заводчиков, купцов) непосредственно при царском троне не было, но Россия уже вошла в оборот мирового хозяйства и встала прочно на путь капиталистического развития. В руках буржуазии находились экономические рычаги народного хозяйства — фабрики, заводы, рудники, железные дороги. Дворянское правительство вынуждено было всеми средствами поддерживать и защищать капиталистов. Поэтому правительство опиралось не только на штыки и дворянство, но и на капиталистов и представляло большую классовую силу. Бессмысленно было говорить, что с этой силой могла справиться партия заговорщиков, опирающаяся главным образом на интеллигенцию. Отнять у помещиков и капиталистов власть — это значит: отобрать у них все орудия производства: землю, фабрики и заводы. А это может сделать только другой класс, идущий на смену дворян и капиталистов, — класс пролетариев в союзе с крестьянством, руководимый пролетарской массовой партией. Следовательно, захват власти и всех орудий производства возможен только в результате упорной классовой борьбы под руководством пролетарской партии.

Идея народовольцев о возможности захвата власти партией заговорщиков, не имеющей корней в массах, являлась утопией, затемняющей классовое самосознание рабочих и крестьян. Также неправилен был и метод действия народовольцев — индивидуальный террор. Он обрекал на бездействие массы, превознося отдельные личности — террористов.

Таким путем можно устранить отдельных, наиболее свирепых слуг царского правительства, но для классовой борьбы пролетариата этот метод борьбы вреден, ибо террор препятствовал созданию массовой рабочей организации, отвлекал от борьбы с общим врагом, классом эксплоататоров, отвлекал от массовой агитационно-пропагандистской работы. Но тогда страстные речи Добротворского произвели свое действие. Мы заплатили дань своему времени и стали считать себя народовольцами.

Правда, разделяя народовольческие идеи, мы ни в какую народовольческую организацию не входили.

Теперь, в качестве молодых народовольцев, мы уже более бодро пели:

Смело, друзья, не теряйте
Бодрость в неравном бою;
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою.

Если ж погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых,
Дело всегда отзовется
На поколеньях живых.

Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытают огнем,
Пусть в рудники нас ссылают,
Пусть,— мы все казни пройдем.
Если ж погибнуть придется
и т. д.

Стонет и тяжко страдает
Бедный наш русский народ,
Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовет.
Если ж погибнуть придется
и т. д.

Час обновленья настанет,
Воли добьется народ,
Добрым нас словом помянет,
К нам на могилу придет.
Если ж погибнуть придется
и т. д.

О марксизме в то время никто из нас и не думал, ибо сама группа «Освобождение труда», теоретически основавшая социал-демократию в России, только что возникла заграницей в 1883 г. Плеханов, стоявший во главе группы «Освобождение труда», в своих первых произведениях «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» резко и основательно критиковал народнические теории и дал правильный анализ экономического развития России. Но в первой программе этой группы, опубликованной в 1884 г., Плеханов сделал уступку народовольцам, признавая террор как средство политической борьбы. Группа «Освобождение труда» была слабо связана с Россией, и ее произведения в те годы до нас не доходили.

Помимо Добротворского, были в нашем кружке более развитые товарищи, которые также оказывали на нас большое влияние. Нашими, так сказать, верховодами были В. Н. Буякович и Г. Ф. Кудрявцев, которого за его сутуловатость и мешковатость почему-то называли «Еропкой». Оба они были умные, материально обеспеченные, не бегали по урокам и поэтому имели возможность много читать. Буякович — сын важного чиновника, а Кудрявцев — сын священника, но был на иждивении своего брата — инженера. Оба они были старше меня классом. Среди бедноты заметную роль играл в нашем кружке Н. Г. Знаменский, обладавший прекрасным ораторским талантом. У семинаристов большим влиянием пользовались А. И. Добронравов и И. О. Силантьев (впоследствии известный статистик). На сходках, особенно за городом, происходили у нас настоящие словесные бои между Добронравовым и Силантьевым — с одной стороны, и Кудрявцевым и Знаменским — с другой. Отмечу еще нашего товарища Ф. А. Козлова, сына купца. Козлов отличался необыкновенно стойким характером, был против террора и не раз спо-

рил с Добротворским. «В революционной деятельности, — говорил Козлов, — надо опираться на массу, надо заслужить ее доверие, а для этого надо итти в деревню, пахать землю и жить так, как живут крестьяне». Он стал ограничивать свои потребности, питался только черным хлебом и огурцами, а по окончании гимназии «сел на землю», как тогда говорили, и целых десять лет занимался трудом хлебопашца, а потом все-таки не выдержал: поступил в университет и получил медицинское образование.

Когда я был в седьмом классе, к нам в кружок влилась целая группа шуян, окончивших шестиклассную Шуйскую прогимназию. Оказалось, что и у шуян был довольно большой кружок, по своему мировоззрению склонявшийся тоже к народовольчеству. В шуйский кружок входили гимназисты, группа народных учителей и мелких служащих. Во главе кружка стоял смотритель земской больницы И. П. Предтеченский. В целях объединения этих кружков во время рождественских каникул 1883/1884 г. в Шуе был назначен съезд представителей кружков, состоявшийся в квартире Предтеченского при земской больнице. На этом съезде, кроме шуян, был также представитель Иваново-Вознесенска, а мы послали на съезд—Добротворского, Буяковича, Кудрявцева (последние двое в то время были уже студентами) и мелкого городского служащего Яковлева. На съезде говорили об объединении кружков, а Добротворский — о задачах деятельности «Народной воли».

После съезда жизнь нашего кружка еще более оживилась. Мы решили перейти к практической революционной работе — готовить и распространять прокламации во Владимире, Шуе и Иваново-Вознесенске. Еще на съезде в Шуе было решено, что в Шуе и Иванове будут собираться сведения о жизни рабочих, а мы, владимирцы, будем печатать их сначала на гектографе, а затем на литографском камне. Для покупки камня мы собрали 200 рублей и поручили покупку одному из наших товарищей, но он нигде не мог купить этого камня нелегально. Для легальной же покупки требовалось особое полицейское разрешение. Получить разрешение нечего было и думать. Так нам и не удалось устроить свою литографию, пришлось ограничиться печатанием только на гектографе.

Скоро представился случай приступить к печатанию. 16 декабря 1883 г. в Петербурге штабс-капитаном С. П. Дегаевым был убит старший инспектор петербургской полиции по секретной части, жандармский подполковник Судейкин.

Тотчас же после убийства Судейкина на улицах всех городов России, в том числе и в тихом Владимире, появились правительственные объявления с шестью фотографическими карточками Дегаева в разных видах. В этих объявлениях правительство предлагало от 5 до 10 тысяч рублей тем лицам, которые будут содействовать задержанию Дегаева или только ука-

жут его местожительство. Таких розыскных объявлений с карточками никогда не было как до этого времени, так и впоследствии. Правительство высоко ценило своего верного пса.

В марте 1884 г. мы получили из Петербурга одну из книжек «Отечественных записок». В ней оказался маленький листок, на котором было напечатано: «Правительство назначило денежную награду в несколько тысяч рублей тому, кто предаст лиц, казнивших начальника тайной полиции подполковника Судейкина. Исполнительный комитет объявляет, что смерть грозит каждому предателю. СПБ 26 февраля 1884 г.».

Мы решили отпечатать и распространить полученную прокламацию. Купив желатина и глицерина, мы стали приготовлять массу для гектографа. Варку производили в гостинице, где жил Яковлев. В номере Яковлева печи не было, и готовить гектографическую массу пришлось в печке коридора. К счастью, никто не видал нашей стряпни. Переписав прокламацию печатными буквами, мы изготовили несколько сот гектографированных экземпляров. Затем мы собрались в Вокзальной роще (за губернской тюрьмой) и передали часть прокламаций Варенцовой для Иваново-Вознесенска и другую часть — гимназистам-шуянам, уезжавшим на пасхальные каникулы в Шую. Было условлено, что прокламации должны появиться во Владимире и в Шуе одновременно в пасхальную темную ночь, когда население обычно бывает на улице до 3—4 часов утра. Так мы, владимирцы, и сделали. В пасхальную ночь, разбившись на группы по два человека, один с прокламациями, а другой с клейстером и кистью, рассеялись по городу и стали расклеивать прокламации по заборам. Никто из нас не был задержан, и мы возвратились домой с сознанием исполненного революционного долга. В Шуе прокламации расклеили в ту же ночь. Одновременное появление прокламаций в двух городах всполошило жандармерию. В Иваново-Вознесенске листовки почему-то не были расклеены на улицах, а раздавались по рукам И. О. Слуховским и другими. В Шуе и Иваново-Вознесенске также никто не попался с прокламациями. Мы торжествовали, а жандармы усиленно разыскивали виновников, но никого не нашли.

После распространения прокламаций по поводу казни Судейкина мы, владимирцы, напечатали и расклеили еще две-три прокламации, к сожалению, я не помню их содержания. Припоминаю, что делали перепечатки из нелегальной газеты «Народная воля». Распространение последующих прокламаций прошло для нас так же благополучно, как и распространение первой прокламации.

Впоследствии мы узнали, при каких условиях был казнен Судейкин. По какому-то важному делу был арестован член партии «Народной воли» штабс-капитан Дегаев. Ему угрожала виселица, и он выдал Судейкину целый ряд своих товарищей-революционеров. В результате Судейкин завязал отношения

с Дегаевым. Завербовал его тайным агентом полиции. Часто бывал у него в гостях. Предательство Дегаева стало известно исполнительному комитету «Народной воли». Дегаеву угрожал смертный приговор, и он предпочел «чистосердечно» раскаяться и искупить свою вину любой ценой. Исполнительный комитет предложил Дегаеву казнить Судейкина, что он, при содействии народовольцев Конашевича и Стародворского, и выполнил в своей квартире 16(28) декабря 1883 г. По требованию исполнительного комитета Дегаев немедленно уехал за границу, чтобы более не принимать никакого участия в революционной работе.

Скажу еще коротко о шуйском революционном кружке молодежи, с которым у нас была установлена постоянная связь. Руководитель шуйского кружка, Иван Петрович Предтеченский, родился в 1857 г. в бедной семье церковного причетника (низший служитель культа). Он окончил четырехклассное «духовное училище», но по бедности не мог перейти в духовную семинарию. Работая библиотекарем в Иваново-Вознесенской публичной библиотеке, Предтеченский попал под надзор полиции и переехал на жительство в Шую, где, в качестве поднадзорного, страшно бедствовал, не имея никакого заработка. Наконец ему удалось получить место смотрителя земской больницы. Быстро познакомившись с шуйской молодежью, он начал устраивать собрания в своей квартире при больнице. С появлением Предтеченского в Шуе среди молодежи стали распространяться издания «Народной воли», нелегальные книги и брошюры: «Подпольная Россия» Степняка, «Гражданская война во Франции» Маркса, «Будущность социализма» Лаврова, «В защиту правды» В. Либкнехта, сочинения Чернышевского, Лассаля и Луи Блана.

Из других наиболее деятельных членов кружка следует отметить народного учителя С. А. Никольского и гимназистов Ф. В. Ильина, А. Н. Максимовского и Н. А. Листратова, который всю свою довольно значительную библиотеку передал в организованную тогда тайную гимназическую библиотеку. Был в шуйском кружке и еще один член, в высшей степени оригинальный человек, впоследствии замученный правительством.

Приблизительно в 1882 г. на улицах Шуи стал появляться высокий, красивый, с голубыми глазами и длинными волосами молодой человек. Голову он никогда не покрывал, летом и зимой ходил всегда босой. Вся его одежда состояла из рубахи и штанов, сшитых из грубой сарпинки синего цвета, а в холодное время на плечах его висела простыня с вышитыми на ней черными нитками начальными буквами «Д. Н. С. Д.». Эти буквы означали: «Друг народа Сметкин-демократ». Его рубаха часто вместо ремня была опоясана тяжелой железной цепью, которая должна была напоминать о «тяжелой жизни бесправного и экономически порабощенного народа». Цепь позвякивала при его торопливой походке. Мальчишки бежали за ним, но он

шел спокойно и не обращал никакого внимания на окружающих, с любопытством оглядывавших этого «юродивого». Однако Сметкин совсем не походил на тех юродивых, которых прежде так часто можно было встретить на улицах при всяком скоплении народа — во время ярмарок, крестных ходов и пр. С евангелием или другой религиозной книгой в руках Сметкин-«демократ» шел в заречную фабричную часть г. Шуи и в пригородные деревни, где жило много рабочих. Здесь он читал книги и, давая объяснения, постоянно останавливался на тяжелой жизни рабочих и крестьян, говорил об эксплоатации бедноты богачами и о союзе бедняков для борьбы с капиталистами.

Образ жизни молодого человека был тоже очень странный: он жил в саду у своего дяди Сметкина-Рассадина, в большой бочке, где читал книги и писал стихи. Стенки бочки были исписаны стихами из Некрасова, Никитина и своего собственного сочинения. Таков был «Яша Рассадин», как его звали.

Гимназисты скоро познакомились с ним и стали давать ему книги радикального направления. Он быстро читал их и в своих беседах с рабочими стал говорить о несправедливости политического и экономического строя, дающего богачам все материальные блага, тогда как беднота умирает с голода. Яшу Рассадина ввели в кружок молодежи. Он был также и на вышеупомянутом собрании кружка, проходившем с участием представителей из Иваново-Вознесенска и Владимира. Летом 1884 г. один из частых собеседников Рассадина сделал на него донос, и жандармерия подняла дело о противоправительственном кружке, о расклейке прокламаций и пр. Скоро Рассадин и Предтеченский были арестованы. Начались обыски, бесконечные допросы участников кружка. Шуйский жандармский подполковник Завьялов захотел отличиться и создал многотомное политическое дело. Рассадин был помещен в сырую и полутемную камеру, против которой возвышалась стена другого здания. Из окна камеры не было видно ни клочка неба, солнечный луч никогда не заглядывал в эту темницу. Рассадин сидел один, без книг и прогулок.

Измученный допросами и угнетенный тюремной обстановкой, он не выдержал, начал давать откровенные показания, чем помог Завьялову в раскрытии деятельности кружка. По делу было привлечено двадцать семь человек, в том числе наши представители — Добротворский, Кудрявцев, Буякович и Яковлев. Но как ни старался жандармский подполковник, из этого дела ничего не вышло. Участники в расклейке прокламаций в пасхальную ночь так и не были обнаружены. Между тем Рассадин и Предтеченский продолжали сидеть, и тюремное начальство в Шуе и Владимире (куда впоследствии был переведен Предтеченский) стремилось просто уморить заключенных. Они долго сидели в вонючих и сырых камерах, были лишены прогулок и книг. Предтеченский осаждал прокуратуру и губернатора

требованиями о прогулках, но получал отказ. Здоровье того и другого таяло: у Предтеченского развился туберкулез, а Рассадин терял умственные способности. Наконец губернатор разрешил прогулки Предтеченскому, когда он уже лежал в постели и не мог воспользоваться этой запоздалой «милостью». Предтеченского перевели в больницу, но было поздно: он был настолько слаб, что не мог сам принимать пищу и умер от туберкулеза в начале 1886 г., просидевши в невыносимых тюремных условиях полтора года. Несомненно, и Предтеченский, и Рассадин были сознательно замучены царским правительством, ибо не только губернатор, но и министерство юстиции в Петербурге знало о тяжелом положении заключенных. Так жестоко расправлялось царское правительство с революционерами.

За смертью Предтеченского и ввиду психического заболевания Рассадина, главных обвиняемых по шуйскому делу, пришлось прекратить следствие и в отношении остальных двадцати пяти привлеченных лиц.

В тот день, когда скорбная весть о смерти Предтеченского дошла до Шуи, один из его ближайших друзей Н. И. Крутовский, потрясенный этим известием, явился к жандармскому подполковнику Завьялову, главному и непосредственному виновнику смерти Предтеченского, и в присутствии посторонних ударил Завьялова по лицу. Крутовский был немедленно арестован, а затем в административном порядке на три года сослан в г. Березов, Тобольской губернии. В акте, составленном Завьяловым, было отмечено, что потерпевший будто бы успел отклониться от удара, и потому рука Крутовского не коснулась «священного» лица жандармского подполковника. Крутовский был недоволен этой редакцией и приписал в конце акта, что, напротив, он ударил Завьялова по лицу так, что отпечаток пальцев остался на лице жандарма. Правительство наградило Завьялова за ретивость по делу и за полученный удар по лицу он был произведен в полковники и переведен подальше от Шуи, в другой город, где не могли знать о полученной им пощечине.

Крутовского я хорошо знал. Он был из купеческой семьи, не окончил реального училища, имел звание сельского учителя, но занимался статистикой и немного литераторством. Он обладал прекрасной памятью и знал наизусть всего Некрасова. Мы на спор раскрывали сочинения Некрасова и говорили ему первую попавшуюся на глаза строчку. Он обдумывал полминуты и затем продолжал стихотворение. Это был прекраснейший человек, готовый все сделать для товарища; он был душою нашей компании. За его громадную окладистую бороду мы его называли «лешаком», и он без всякой обиды отзывался на это прозвище.

В связи с делом Предтеченского к товарищу прокурора Владимирского окружного суда Коптеву приглашали и меня. Дело в том, что Предтеченский, сидя в тюрьме, крайне нуждался, но у него не было родственников, от имени которых ему

можно было бы отослать деньги. От имени фиктивного лица, как мы предполагали, послать денег было нельзя.

У меня среди тюремных стражей был знакомый, и мне казалось, что я могу убедить его передать деньги Предтеченскому. Мои планы не осуществились. Тюремный страж взял деньги для передачи, а о моих действиях было сообщено товарищу прокурора Коптеву, наблюдавшему за владимирской тюрьмой. Меня вызвали в прокуратуру, допрашивали о Предтеченском. Я сказал, что деньги были получены мною по почте в конверте, в котором будто бы была анонимная записка с просьбой о передаче денег Предтеченскому. «Предтеченского я совсем не знаю,— сказал я, — и записку с конвертом уничтожил». «Эх, молодой человек, — заявил мне Коптев, — вы поступили очень неосторожно. Никакого дела против вас я возбуждать не буду, но в будущем рекомендую вам крайнюю осторожность; полученные от вас деньги будут переданы Предтеченскому». Так благополучно для меня кончилось первое свидание с представителем прокурорского надзора.

Забегая несколько вперед, скажу, что по Шуйскому делу меня допрашивал жандармский полковник в Москве в конце 1884 г. В то время, в связи со студенческим движением и с Шуйским делом, сидел в московской Бутырской тюрьме наш товарищ Буякович, и для его оправдания нужно было подтвердить какой-то придуманный нами факт, согласовав его с показаниями Добротворского. У нас была связь с московской тюрьмой, и Буякович просил меня съездить в Курск, где в то время работал Добротворский (в земской статистике), войти в соглашение с ним и затем подтвердить этот факт перед жандармами. Я съездил в Курск, условился с Добротворским, а затем, по просьбе Буяковича, был вызван в жандармское управление на Малой Никитской и подтвердил все то, что нужно было для оправдания Буяковича, который вскоре после этого был освобожден.

Таким образом 1883/1884 г. окончился для нашего владимирского кружка сравнительно благополучно, но уже в следующем учебном году, правда, по студенческому делу, был арестован вторично В. Н. Буякович и сослан на три года в г. Сольвычегодск, Вологодской губернии. Другой член кружка Г. Ф. Кудрявцев, будучи студентом военно-медицинской академии в Питере, попал в засаду, шесть месяцев просидел в доме предварительного заключения, а затем был выслан на родину под особый надзор полиции. Отбыв воинскую повинность на положении поднадзорного и изучив самостоятельно юридические науки, он сдал в Казанском университете выпускной экзамен за юридический факультет и стал заниматься адвокатурой. Но тотчас же снова был арестован: его адрес оказался у революционера возвращавшегося из-за границы. И этого было достаточно, чтобы отправить Кудрявцева на четыре года в Усть-Сы-

сольск, Вологодской губ. (ныне г. Сыктывкар, области Коми). Через два с половиной года Кудрявцев, по его просьбе, был переведен в Западную Сибирь, где и закончил срок ссылки. У третьего члена кружка Д. И. Яковлева, не помню по какому поводу, был произведен обыск, в результате чего он был арестован и сослан в Сибирь, где и умер от туберкулеза.

Любопытно отметить, что с общим нашим развитием рассеивался религиозный туман, в котором мы находились до пятого-шестого классов. Переходу к атеизму, помимо чтения книг, в значительной степени содействовали сведения о всевозможных проделках церковников с целью обирания доверчивого религиозного люда.

В качестве иллюстрации приведу факт, имевший место во владимирском успенском соборе. Среди разных древностей церковники там показывали, между прочим, почерневший железный шлем и копье, которые будто бы пролежали в могиле какого-то святого несколько столетий и обладали — по словам церковников — чудодейственною силою: стоило в шлеме и с копьем в руках помолиться, как больной получал исцеление от своих болезней. Верующие, чаще всего деревенские женщины, верили этой сказке. И во время праздничных богослужений мы, маленькие гимназисты, видели, как женщины по очереди надевали шлем, брали в руки копье и усердно молились, уплачивая церковникам мзду за пользование такой «благодатью». Мы, малыши, тихонько посмеивались, оглядывая со всех сторон женщин в воинских доспехах. После мы узнали следующее. Однажды осматривал соборные древности приехавший из Москвы знаменитый археолог. Один из церковников показал ему упомянутые выше доспехи. Ученый муж повертел шлем и сказал: «Он сделан кузнецом из старого железа не более двадцати лет тому назад». Церковник смутился и забормотал: «Действительно, это не настоящий шлем, а только копия для простолюдинов, настоящий же шлем мы храним в ризнице».

Этот разговор с церковником происходил в присутствии нашего старшего товарища, сопровождавшего археолога во время осмотра последним владимирских древностей. После этого церковники, боясь разоблачения их обмана, ни шлема, ни копья не выдавали крестьянкам.

2 июня 1884 г. я кончил гимназию и получил так называемый «аттестат зрелости». Это давало мне право поступить без экзамена в любой университет.

Гимназию мы покинули без всякого сожаления: сухая гимназическая наука, отнявшая у каждого десять лет, дала слишком мало. Учителя, за исключением трех-четырех человек, были невежественные тупицы. Если бы не товарищеский кружок и не наша тайная библиотека, сыгравшие решающую роль в нашем культурном и политическом развитии, мы вышли бы из гимназии недоучками.

По окончании гимназии нам, «созревшим» юношам, предстояло выбрать тот или другой факультет (отделение) университета. В гимназии я мечтал о том, что пройду медицинский факультет, поеду в деревню и буду лечить крестьян. К сожалению, эту мечту пришлось оставить: беготня по урокам, усиленное чтение, собрания и сходки до поздней ночи тяжело отразились на моем довольно слабом организме. С осени 1883 г. у меня пошла горлом кровь, начались сильные сердцебиения, и вообще я как-то ослаб. Начинался туберкулез, полученный отчасти по наследству от отца, умершего от туберкулеза. Пришлось поэтому отказаться от медицинского и поступить на юридический факультет Московского университета. Да и вообще получить в то время желаемую профессию было делом нелегким.

Недавние гимназисты, мы с большой радостью сняли гимназическую форму, надели черные шляпы с широчайшими полями (такова была мода) и поехали в Москву. С поступлением в университет мои связи с владимирским кружком значительно ослабли.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ 1884 и 1887 гг.

Жестокая реакция при Александре III с каждым годом возрастала и не могла не коснуться и студенчества. В 1884 г., в первый год моего учения в Московском университете, был введен новый университетский устав. Всех студентов одели в темнозеленые мундиры с синими воротниками. Наш курс был освобожден от ношения формы, так как прием нас в студенты был окончен 20 августа 1884 г., а университетский устав был утвержден царем 23 августа того же года, после нашего приема.

Освобожденные от ношения новой формы, мы все равно были ограничены и в частном костюме, так как студентов в черных высоких сапогах, с толстыми палками в руках, в рубашках на выпуск, — и особенно в рубашках с вышитыми красной бумагой воротниками, — в университет не пускали, но черные шляпы с широкими полями и шерстяные шали (пледы) на плечах еще терпелись. Но, самое главное, новый устав лишал студентов права на самоуправление и запрещал всякие студенческие организации. Еще осенью 1884 г. в переулке сзади Московского университета (ныне улица Белинского) была столовая, организованная студентами и управляемая особым, выборным из студентов, правлением. Обед из двух блюд стоил 6 руб. 60 коп. в месяц, но можно было взять одно блюдо, а самые бедные студенты приходили в столовую и бесплатно получали хлеб и хороший квас. Отвечая прямому своему назначению, столовая в то время являлась нашим клубом, где студенты по зем-

лячествам устраивали собрания и обсуждали свои нужды. Стены в столовой были увешены разными объявлениями об уроках, о покупке и продаже книг и другого имущества, о розыске сожителей для совместного проживания в комнате и пр. Тут же в столовой можно было получить кое-что из нелегальной литературы. Доходы столовой шли на оплату обедов за студентов, которые не имели денег даже на питание.

Университетское начальство в лице инспектора А. А. Брызгалова, в целях разъединения студентов, прежде всего закрыло студенческую столовую и открыло свою, казенную, где уже нельзя было устраивать собраний. Она была переполнена шпиками и не посещалась студентами.

Одним из главных инициаторов и вдохновителей по проведению всяких реакционных мер был известный мракобес М. Н. Катков, редактор «Московских ведомостей». Он первый поднял вопрос о несовместимости студенческого самоуправления с самодержавием и об издании нового реакционного университетского устава. Каткова мы ненавидели и решили на собраниях, проведенных в нашей столовой, отомстить ему. Было решено собраться на демонстрацию вечером 2 октября 1884 г. на Нарышкинском сквере и выбить стекла в квартире Каткова, жившего на углу Большой Дмитровки (ныне Пушкинская улица) и проезда Нарышкинского сквера. В назначенное время собралось 300—400 студентов университета и несколько петровцев (студентов Петровской, ныне Тимирязевской, сельскохозяйственной академии). Говорили, что обещались притти рабочие. У студентов в руках были камни, металлические гирьки и пр. Начали петь «Ах, ты, воля, моя воля» без патриотических куплетов. Видно было, что никакого организационного руководящего ядра среди студентов не было. Долго ходили в ожидании прихода рабочих, которые почему-то так и не явились, и не приступали к решительным действиям. А в это время полиция и конный жандармский дивизион стали окружать Нарышкинский сквер. Демонстранты бросились в разные стороны. Группа владимирцев, в числе их и я, побежала по направлению к Екатерининской больнице, где не оказалось ни полиции, ни жандармов. Но всем разбежаться не удалось: около ста человек были арестованы и просидели под арестом две недели. Несмотря на то, что в демонстрации участвовало не более одной десятой части студенчества, несмотря на ее неудачный исход, демонстрация все-таки произвела большое впечатление на студенческую среду и общество. В Москве было много разговоров об этой демонстрации. Собирали деньги для оказания помощи заключенным.

На рождественские праздники я поехал во Владимир. Там мне стало известно, что в местечке Никольском на фабрике Саввы Морозова происходит, как говорили тогда, «бунт рабочих», а 13 января 1885 г. я был очевидцем картины, которая и сейчас стоит передо мной, как живая. Был сильный мороз. От вок-

зала в гору на Большую улицу поднималась громадная толпа в несколько сот человек, окруженная плотным кольцом солдат с ружьями на плечах. Это были морозовские рабочие, отправляемые во владимирскую тюрьму. Легко одетые, подгоняемые морозом, они быстро шли. Их худые лица были бледны. Я проводил эту процессию чуть не до губернской тюрьмы, находившейся на краю города, и возвратился домой глубоко потрясенный. С тех пор морозовские рабочие как-то особенно близки стали мне: я начал собирать сведения о морозовской стачке и впоследствии написал брошюру «Десятилетие морозовской стачки».

Реакция все усиливалась. Устраивать собрания в Москве стало невозможно: за молодежью следили не только жандармы, полиция, но и дворники, в большинстве завербованные полицией.

При университетах была учреждена должность «инспектора студентов». В действительности эти инспекторы исполняли полицейские функции. Таким инспектором был в Московском университете Брызгалов. Он всячески разлагал студентов. В значительной степени от него зависело получение университетских стипендий и пособий; их выдавали только тем студентам, которые соглашались шпионить за товарищами. Создалась тяжелая обстановка: студенты не доверяли друг другу, часто подозревая в шпионстве невиновных в этом своих товарищей. Помню, как с одним студентом из Рязани в ляпинском общежитии случился обморок. Когда привели его в чувство, он признался, что голод заставил его принять пособие от Брызгалова и стать шпионом. Предательство так угнетало его, что он решил покончить с собой, но для совершения самоубийства, очевидно, нехватало воли. Он истерически плакал и просил прощения у товарищей. Что было делать?.. Обсудили положение, собрали денег и отправили его в Рязань, чтобы избавить раскаявшегося от тлетворного влияния Брызгалова.

Реакционная политика министерства просвещения создала напряженное положение в учебных заведениях Москвы, которое вскоре разразилось бурей. 22 ноября 1887 г., когда я был уже на четвертом курсе, в зале дворянского собрания (ныне Дом Союзов) был концерт в пользу студентов. Брызгалов сидел в первом ряду кресел. Во время антракта к Брызгалову сзади подошел студент третьего курса юридического факультета Синявский, и когда тот обернулся, Синявский ударил его по лицу. Брызгалов чуть не упал в обморок, и его бледного, как смерть, вывели из зала, а Синявского немедленно арестовали. Произошло замешательство. Публика бросилась вон из зала. Концерт прекратился. Это событие, точно электрическая искра, потрясло студентов, которых было в то время на всех факультетах Московского университета более пяти тысяч человек. Как и всегда, во время так называемых студенческих волнений пришли в движение сначала младшие курсы, но скоро к ним присоединились и студенты старших курсов. Начались сходки на

университетском дворе и на улице перед зданием университета. Участники собраний подвергались нападению казаков, пускавших в ход нагайки. Казаки, студенты, охотнорядцы, полицейские — все это смешалось в один клубок. Били нас нагайками, били мясники из Охотного ряда — «опора престола и отечества», прибежавшие на помощь казакам, били по голове, по лицу, куда попало.

Требования студентов сводились к восстановлению корпоративных прав, уничтоженных университетским уставом 1884 г., — право иметь свою столовую, кассу взаимопомощи, организация землячеств, распределение пособий и стипендий по усмотрению студентов, а не по произволу инспекции и пр. Но было еще одно требование, которое особенно объединяло всю студенческую массу, это — убрать из университета инспектора Брызгалова, в противном случае студенты объявляют забастовку и возвращают университетские билеты. Помню, все мы выкладывали билеты и затем большими кипами сдавали их в университетскую канцелярию. Так продолжалось несколько дней. Правительство увидело, что при таком сильном возбуждении студентов нельзя дальше оставлять в университете ненавистного всем Брызгалова. Движение успокоилось только тогда, когда было объявлено об увольнении Брызгалова и о назначении на его место доктора Доброва. Требование студентов об освобождении Синявского начальство отклонило и отправило его в дисциплинарный батальон. Высланные из Москвы несколько десятков студентов были скоро возвращены, все они получили обратно свои университетские билеты. В результате из нескольких тысяч студентов, принимавших участие в забастовке, пострадал только один Синявский. Ненавистный нам университетский устав 1884 г., конечно, остался.

За время реакции студенческая масса опустилась: студенты мало читали, играли в карты и переполняли пивные. Некоторые студенты закладывали последнюю подушку. Я говорю об общей массе студенчества, но отдельные товарищи упорно работали над собой и много читали. Таковы были М. А. Плотников (впоследствии известный статистик в Нижнем-Новгороде), А. И. Гуковский, Н. П. Ашешев и Арк. Ив. Рязанов. Впоследствии Ашешев стал литератором — написал биографии Перовской, Желябова и др. революционеров. Рязанов, сын рязанского рабочего — наборщика, терпел большую нужду и, несмотря на постоянный шум, стоявший в ляпинском общежитии, много читал. Когда я по окончании университета уезжал из Москвы, то Рязанов каким-то путем добыл «Капитал» Маркса и вплотную засел за него. Впоследствии он стал марксистом, вошел в московскую марксистскую группу и был арестован. Но таких насчитывались единицы...

Московская студенческая история повлияла на высшие

учебные заведения и других городов. 4 декабря 1887 г. произошли студенческие волнения в Казани — в университете и в ветеринарном институте. Там тоже произошло столкновение, во время которого студент первого курса юридического факультета К. А. Алексеев ударил инспектора Потапова, тоже насаждавшего шпионаж в университете. Казанские студенты предъявили такие же требования, как и в Москве, пополнив их требованием об отмене циркуляра министра народного просвещения Делянова от 18 июня 1887 г. о воспрещении принимать в средние школы, а стало быть и в университеты, детей крестьян, мещан и пр.

В казанской забастовке горячее участие принял В. И. Ульянов, тогда семнадцатилетний юноша, студент первого курса Казанского университета. За это вместе с сотней других товарищей он был исключен из университета, выслан из Казани и подчинен негласному надзору полиции.

После «Брызгаловской истории» студенческая атмосфера в Москве несколько освежилась: мы точно освободились от пресса, который давил нас. Создалось убеждение, что теперь нет уже студентов-шпионов в нашей среде. Прекратившие было свое существование землячества стали оживать. Начались земляческие собрания, правда по десять-двенадцать человек, так как маленькие студенческие комнатки не могли вместить большего количества. Появилась тяга к объединению: каждое землячество избрало своего представителя, и из этих представителей образовался студенческий союз. От владимирского землячества в этот союз входил я. Стали выписывать журналы вскладчину, ибо в Москве чувствовался большой книжный голод. Для посещения публичной библиотеки, из-за лекций, нехватало времени, а брать книги на дом из частных библиотек не могли за отсутствием средств у громадного большинства студентов. Появилась и нелегальная литература. Среди студентов началось распространение литографированного издания книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и напечатанной в какой-то подпольной типографии книжки о процессе 21-го народовольца (Лопатина и др.), судившихся в 1887 г. По этому делу военный суд вынес четырнадцать смертных приговоров.

Хотя мы по своим убеждениям продолжали оставаться народовольцами, но уже прежнего гимназического энтузиазма и веры в спасительность террора у нас не было. «Народная воля» была раздавлена правительством, которое жестоко расправилось с народовольцами. Процессы следовали один за другим. В том же 1887 г. по приговору сената были повешены Александр Ульянов — брат В. И. Ленина, Петр Шевырев, Пахомий Андреюшкин, Василий Генералов и Василий Осипанов за организацию покушения на Александра III.

Это было время самой дикой, самой жестокой реакции и

идейного опустошения. Народовольчество умирало, а новое — марксистское — направление у нас в Москве только что зарождалось.

Мы с О. А. Варенцовой за время своего студенчества вплоть до 1888 г. не видали в Москве ни одной новой марксистской книги, как мы к этому ни стремились. А ведь группа «Освобождения труда» стала издавать свои книги с 1883 г.

Для меня обстоятельства ухудшились еще мотивами личного порядка. Здоровье мое не улучшалось, в течение первого и второго курсов туберкулез продолжал меня тревожить, а материальное положение, по сравнению с Владимиром, значительно ухудшилось. Во Владимире я был обеспечен уроками, которые по тогдашнему времени недурно оплачивались. В Москве у большинства студентов никаких знакомств не было, и, следовательно, получить какой-либо даже грошовый урок было необычайно трудно. За время учения на первом и втором курсах, несмотря на крайнюю нужду, мне не удалось найти ни одного урока, и я жил на 13 рублей, ежемесячно получаемых от своего брата Дмитрия. Брат к тому времени подрос, состоял членом владимирского кружка молодежи и, подобно мне, тоже бегал по урокам. Здоровье его оказалось хуже моего: от чрезмерной работы туберкулез у него развивался быстрее, и он умер в 1886 г. при переходе в восьмой класс гимназии. В этом же году скончалась и моя бабушка.

После смерти брата мне стало жить в Москве еще труднее. При 13-рублевом месячном бюджете я все-таки имел обед за 6 руб. 60 коп., на полкомнаты 5 руб. и 1 руб. 40 коп. на черный хлеб и огурцы. А когда студенческая столовая освобождала меня от платы за обед (что было два раза, так как столовую скоро закрыли), то я чувствовал себя богачом и мог купить сахару и чаю. После смерти брата я уже не имел и этих 13 рублей. Приходилось жить в общежитии Ляпина (на Большой Дмитровке), где было так неприглядно, что при первой возможности студенты убегали из «Ляпинки». Там было шумно, грязно, из уборных текли по коридору нечистоты и отравляли воздух. Заниматься в такой обстановке не представлялось никакой возможности. Мы рады были каждому даже ничтожному заработку. Наконец я получил урок на Покровке (а жил на Тверской—теперь ул. Горького). На занятия и на хождение в оба конца я тратил ежедневно не менее четырех часов и за все получал только 10 рублей в месяц, т. е. с небольшим 8 копеек за каждый час потраченного мною времени. Урок был явно невыгоден, и все же месяцев шесть пришлось держаться за него, ибо я буквально голодал. За четыре года своего пребывания в Москве я ни разу не был ни на одном концерте, ни в одном театре. И только когда содержатель театра Корш, бывало, посылал нам в Ляпинку не-

сколько бесплатных билетов, мы, бедняки, посещали его театр. Как в гимназии, так и в университете меня освобождали от взноса платы за учение, но при инспекторе Брызгалове я не мог получить стипендии. По доносу Брызгалова я был занесен в списки департамента полиции и значился там неблагонадежным, как участник студенческой сходки, бывшей в 1886 г. (об этом я узнал позднее из справки, полученной мною из Архива революции).

После Брызгалова стипендии стали раздаваться по жребию, который пал и на мою долю: на последнем курсе я стал получать стипендию в размере 50 рублей в год. Такова была моя неприглядная студенческая жизнь в Москве.

НАБЛЮДЕНИЯ ДЕРЕВЕНСКОГО ВОЛЬНОГО АДВОКАТА

Весною 1888 г. я кончил юридический факультет, написал кандидатское сочинение и получил звание «кандидата прав». Теоретическую подготовку в области юриспруденции университет мне дал, но никаких практических знаний у меня не было.

Передо мной встал вопрос: где я, вновь испеченный юрист, могу принести наибольшую пользу трудовому народу? Ведь я учился пятнадцать лет. На мое образование значительную сумму затратил, в конечном счете, трудовой народ, и я считал обязанным, в первую очередь, уплатить этот долг. Но как и в каком виде я буду прилагать свои знания по выходе из университета, — представлял себе очень смутно. Сначала я думал, что только адвокатура, свободная и независимая от начальства, может удовлетворить меня, но, не имея практической подготовки, сборников законов, мечту о самостоятельной юридической деятельности пришлось оставить. Оставалась надежда поступить к какому-нибудь присяжному поверенному, работать у него в качестве помощника и секретаря за плату, хотя бы в размере 25 рублей в месяц. Я обошел целый ряд адвокатов в Москве и Владимире, но на предложенных мною условиях меня никто не принял.

В это время в газетах много писали о «вольном докторе» С. И. Сычугове, который поселился в деревне и оказывал медицинскую помощь крестьянам. «Отчего, — думал я, — и мне не сделаться «вольным» адвокатом в деревне и не оказывать населению юридическую помощь?». В студенческие годы, во время моих посещений деревни Высоково, ко мне обращались из окрестных деревень крестьяне с просьбами о составлении заявлений, жалоб, всяких актов. Я решил попытать счастья и поселился в деревне Высоково, в полуразрушенном доме, оставшемся после бабушки. У меня лично и у моих родителей земли и вообще никакого хозяйства никогда не было, и крестьяне, в частности беднота, видели во мне близкого им человека.

Я заказал печатные объявления, в которых говорилось, что такой-то кандидат прав оказывает населению юридическую помощь. В базарные дни я ездил, а чаще всего ходил в большие торговые села — в Симу, Юрьевского уезда, Владимирской губ., и село Караш, Ростовского уезда, Ярославской губ. И Сима, и Караш были на одинаковом расстоянии от Высокова, приблизительно в 15—16 километрах. Как только узнали, что в базарные дни в этих селах бывает юрист, население потянулось ко мне.

Первые дни было тяжело: практической подготовки у меня не было, частенько приходилось делать продолжительные экскурсы в разные учебники по законодательству.

Всего сложнее были вопросы, касающиеся землепользования. Приходившие ходоки приносили с собой громадные «планты» (так они называли земельные планы). Так как планы в большинстве не укладывались на небольшом деревенском столе, то мы их раскладывали на полу и, руководствуясь «уставными грамотами» и «владенными записями» (так назывались документы на право владения крестьянскими землями), определяли границы, отделяющие крестьянскую землю от помещичьей и казенной. Эти планы крестьянской земли были прекрасной иллюстрацией к царской «милости» о «наделении» крестьян землей при отмене крепостного права. Земли помещиков очень часто вклинивались в крестьянскую землю, у крестьян не было прогона к водопою и пр. «Вот этот лужок был наш», — говорил грамотный старик, указывая на квадратик или треугольник, окрашенный на плане зеленоватой краской, — а этот лесок, — крестьянин останавливался на каких-то закругленных облачках с маленькими деревьями, — был тоже наш». Подобные разговоры при рассмотрении плана происходили почти всегда. Во время приемов я расспрашивал крестьян об их житье и таким путем собрал очень интересные сведения о целом ряде деревень того района, где работал в качестве вольного деревенского юриста.

По неопытности я тратил на каждого посетителя много времени, жалобы и заявления тщательно обосновывал. Посетителей бывало много, и я писал с утра до вечера. Но зато, как приятно бывало в темноте возвращаться домой и радостно дышать ароматом полей и свежескошенных лугов... Вопрос об оплате за работу был для меня самый тяжелый. С одной стороны, я был молод и полон всяческого идеализма, а с другой, мизерная плата за труд являлась единственным источником существования для меня и моей матери. Разные писаря и кабацкие ходатаи обдирали крестьян. Я не хотел походить на них, видя перед собой бедняков. После составления жалобы я не назначал платы, посетитель платил, сколько мог. Плата никогда не превышала 20—25 копеек, и только в одном случае по земельному делу мне преподнесли четверку чаю. Это был мой

самый крупный заработок по делу. Нередко я и сам отказывался от платы, когда был передо мной очень бедный человек. В результате — за четыре летних месяца моей деревенской практики я заработал не более 25—30 рублей, сумму, явно недостаточную для проживания даже в деревне, тем более, что зимою нельзя было ходить за 15—16 километров, а подвода стоила тогда два рубля, т. е. была для меня совершенно недоступна. Волей-неволей пришлось отказаться от «вольной» деревенской практики, которая дала мне так много материала для изучения крестьянской жизни.

Передо мной снова встал вопрос: где же мне приложить свои юридические познания? Мысль эта меня очень тревожила. «Неужели, — думалось мне, — я окажусь в числе «лишних людей», показанных нашей художественной литературой?».

СТАЧКА ШУЙСКИХ ТКАЧЕЙ 1888 г. И ШУЙСКИЕ КРУЖКИ

Наконец мне посчастливилось: один из шуйских товарищей предложил мне хороший урок в состоятельной семье: комната, стол и 40 рублей в месяц. Это было для меня целое богатство. За четыре года студенческой жизни пришлось много поголодать; правда, к концу учения в университете мое здоровье несколько улучшилось, но все-таки для своих двадцати трех лет я был довольно слаб. Я решил принять этот урок, дававший мне возможность поправить здоровье, а также почитать и углубить свои знания по юриспруденции.

В конце сентября 1888 г. я переехал в Шую, самый значительный после Иваново-Вознесенска фабричный город. Во Владимире не было ни фабрик, ни больших ремесленных заведений; фабрики в Москве были раскинуты по окраинам и както скрыты от глаз. Здесь же, за рекой Тезой, все фабрики сосредоточились в одном месте. Высокие трубы виднелись издали, а ночью фабричные здания со множеством освещенных окон среди окружающей темноты представляли собою яркую картину. Здесь же, в Шуе, я впервые по-настоящему увидел массу рабочих и работниц, бледных, всегда в легкой, бедной одежде.

Через три-четыре дня после моего приезда в Шую, 26 сентября 1888 г., по городу распространилось известие, что забастовала тысяча ткачей с фабрики Терентьева и отправилась к ткацким фабрикам Небурчилова, Тезинской мануфактуры и Шуйской мануфактуры Павлова. Ткачи этих трех фабрик присоединились к терентьевцам. Я тотчас же бросился в Заречную часть и увидал громадную толпу рабочих, сидевших на траве возле фабрики и что-то обсуждавших. Все было тихо, но уже на следующий день приехал из Владимира батальон солдат

во главе с губернатором, как главным защитником интересов фабрикантов, а из Москвы явились две сотни казаков. Губернатор остановился у кого-то из фабрикантов — Терентьева или Павлова. В один из последующих дней я видел, как солдаты дважды разгоняли собрания рабочих. Последние начали защищаться камнями из мостовых, но солдаты быстро смяли их и продолжали бесчеловечно бить прикладами даже сбитых на землю. Прогнанные с одного места рабочие собрались в другом. У фабрики Павлова произошла стычка с полицией. Никаких разрушений или разгромов рабочие не позволяли. Правда, было разбито несколько стекол в фабричных корпусах и расхищены на базаре две-три палатки с съестными припасами, но кто произвел расхищение, оставалось неизвестным. Но фабриканты упорно обвиняли в грабежах рабочих. На третий день явились еще две сотни казаков, которые носились по Заречной части города и разгоняли рабочих.

Стачка началась 26 сентября и кончилась 3 октября 1888 г., а ткачи с фабрики Терентьева приступили к работе лишь 5 октября. Причина забастовки, охватившей 5000 ткачей четырех фабрик, заключалась в том, что фабриканты произвели натиск на рабочих и объявили понижение расценок с 1 октября на 25%. Забастовка носила оборонительный характер. Кроме повышения платы, рабочие требовали уничтожения ночных работ. Во время стачки распространялись в немногих экземплярах прокламации, и так как это была первая прокламация в наших краях, то я считаю необходимым привести ее целиком:

«Господа рабочие. Мы забастовали работу вследствие того, что нам сбавили жалованья; мы требуем, чтобы жалованье осталось старое, и женщины работали с нами вместе. То и другое требование справедливо. Как известно, фабриканты каждогодно в своих интересах, пользуясь нашим полным бесправием и бессильностью, имеют обыкновение на зиму сбавлять заработную плату, а между тем зимой прожитие рабочему человеку стоит дороже летнего, а они же барыши получают одинаковые, что летом, то и зимой. В настоящее время правительство обязано выслушать нашу просьбу и исполнить ее, так как она, во-первых, слишком ничтожна, чем бы должна быть, а во-вторых, составляет желание нескольких тысяч человек, положение которых смешно и грустно, которое зависит от одного или двух фабрикантов, от нас же наживающих миллионы.

Если правительство назначено в государстве для порядка и защиты слабого от сильного, так разве это порядок, что тысячи человек будут работать на одного какого-нибудь жадного купца, от произвола которого мы ни в чем не ограждены. Если же правительство попрежнему останется глухо к нашим просьбам и требованиям, то, следовательно, нам нечего и надеяться на поддержку и помощь с его стороны в наших бедственных и безвыходных положениях. Пусть же правительство после

Заречная фабричная часть г. Шуи в 80-х годах.

этого заслуживает от нас презрение, это будет насилие, и на насилие мы ответим насилием не в настоящем, так в будущем. Мы должны добиваться своих прав силою. Итак, господа рабочие, да здравствует стачка, и будем ее продолжать до последних сил наших».

Как видно, в прокламации нет прямого требования отмены ночных работ. Рабочие подходили к этому обходным путем. По существовавшим тогда правилам ночные работы женщин на текстильных фабриках были запрещены. Требуя совместной работы женщин вместе с мужчинами на том основании, что мужчины, работающие в ночных сменах, по шести дней не видят своей семьи, рабочие тем самым добивались отмены ночных работ.

Требования рабочих были совершенно ясны для правительства. 10 октября 1888 г. директор департамента полиции Козлов доносил министру внутренних дел Толстому по поводу этой стачки, что, кроме изменения расценок, рабочие требовали «уничтожения ночных работ».

Обращает внимание форма обращения составителей прокламации к рабочим — «господа рабочие», а также надежды на царскую милость. В прокламации отсутствует классовая точка зрения на государство, теплится вера в правительство. Ее содержание представляло смесь народнических взглядов с тред-юнионистскими идеями. Предполагалось тогда, что прокламацию составил и распространял учитель Юрьев.

Среди стачечников было арестовано около тридцати рабочих, из коих по окончании следствия человек десять были оставлены до суда под стражей впредь до представления каждым арестованным залога в сумме 15—20 рублей. Сумма эта сама по себе небольшая, но тяжела для рабочих. Я решил помочь арестованным, но для этого требовалось рублей 150—200. Сам я такой суммой не располагал; не имел денег и шуйский революционный кружок, с членами которого я познакомился после стачки. Я поехал в Москву, рассказал о стачке своим товарищам по союзу студенческих землячеств и получил от них 150 руб. Теперь надо было разыскать семьи арестованных и от их имени внести залоги. Случайно я узнал, что один из привлеченных к делу — Иван Семенович Дороднов — проживает в Иваново-Вознесенке. Поехал в Иваново и познакомился с Дородновым. Он десять лет работал в Орехове на фабрике Саввы Морозова и участвовал в знаменитой морозовской стачке 1885 года. Дороднов подробно рассказал мне о стачке и о ее организаторах Моисеенко и Волкове. Рассказанное я тогда же записал и использовал при написании брошюры о морозовской стачке.

От Дороднова узнал несколько адресов арестованных рабочих, семьи которых проживали в деревнях Шуйского уезда. Поехал туда, роздал деньги и написал заявления от имени жен

и родителей арестованных. Арестованные были освобождены. Мы были довольны таким исходом, ибо в противном случае рабочим пришлось бы целый год сидеть в тюрьме до суда, так как суд происходил в конце 1889 г., а по законам того времени предварительный арест не засчитывался в срок наказания. После я начал хлопотать об организации защиты рабочих во Владимирском окружном суде и с этой целью опять поехал в Москву. По моему приглашению приезжал из Москвы мой товарищ по союзу землячеств Н. П. Ашешев, но выступал ли он на суде, не помню. Я куда-то временно уезжал из Шуи, где происходил суд. Из тридцати обвиняемых окружной суд приговорил семерых к тюремному заключению на один год и четыре месяца, пятнадцать человек — на восемь месяцев и восемь несовершеннолетних — к тюремному заключению на четыре месяца. Посоветовавшись с более опытными московскими адвокатами Н. П. Рождественским и С. А. Левицким, мы перенесли дело в Московскую судебную палату, где они по моей просьбе и поддерживали жалобы осужденных. Судебная палата несколько смягчила наказание, назначенное окружным судом.

Вскоре после стачки я встретился с членами шуйского революционного кружка С. А. Никольским и учителем А. И. Юрьевым и узнал от них, что прежнего кружка, часто собиравшегося у покойного Предтеченского, уже не было. Во то время в Шуе существовал другой кружок, состоявший главным образом из учителей и учительниц. Участники кружка занимались культурной работой — читали книгу Алчевской «Что читать народу?», составляли списки наиболее интересных популярных книг, покупали и распространяли их через школьников среди рабочих. Нелегальной литературы тогда в Шуе ни у кого не было, если не считать нелегальной книжки Кенана о Сибири и появившейся впоследствии «Истории Якутской бойни», происшедшей в 1889 г. У гимназистов был свой маленький кружок, который имел небольшую, но хорошую библиотеку и занимался исключительно самообразованием. С членами культурнического кружка и с гимназической молодежью я часто встречался. Весной 1889 г. мы с группой членов гимназического кружка несколько раз ходили из Шуи в Иваново-Вознесенск, но связей с ивановским кружком еще не установили.

Появились в Шуе и новые лица: С. Л. Миловзоров, женившийся в Сибири на дочери ссыльного Диковского; бывший питерский рабочий А. И. Степанов и его жена Е. Е. Перлович-Степанова. На рождественские праздники к Миловзоровым приезжал из Владимира их товарищ Н. И. Иванов-Охлонин. Миловзоров, Степанов и Иванов-Охлонин, отбывшие сибирскую ссылку по народовольческим делам, часто вспоминали свои этапные путешествия и житье в Сибири. Они попрежнему были верны народовольчеству, но уже не верили в спасительность

А. И. Степанов—организатор первого шуйского рабочего кружка (снимок 1891 г.).

террора и стояли на распутье. Никакой практической работы кружок Миловзорова не вел. Только Степанов, недавно переехавший в Шую, мечтал организовать революционный кружок среди шуйских рабочих. Ему впоследствии удалось осуществить свою мечту.

Степанов родился в 1860 г. в деревне Булатове, Ростовского уезда, Ярославской губернии. Десяти лет он попал в Питер, где работал его отец. Здесь, пройдя начальную школу, Степанов поступил на механический завод Семянникова и получил квалификацию слесаря. Вскоре он познакомился с известным народовольцем Михайловым и вступил в партию «Народной воли». В 1882 г. по поручению партии Степанов с подложным паспортом перебрался в Ригу и организовал там партийную типографию. Скоро он был арестован и восемнадцать меся-

цев просидел в петербургском доме предварительного заключения, а затем был сослан в Западную Сибирь на три года. По возвращении из ссылки Степанов года два работал слесарем в Иванове, а затем перебрался в Шую. В тюрьме и ссылке Степанов много читал. В культурном отношении он стоял высоко и был горячо предан интересам рабочего класса. Высокий, худой, бледный, постоянно покашливавший, он производил на всех приятное впечатление своей искренностью и товарищеской задушевностью.

Жандармерия зорко следила за Степановым. В 1891 г. он был снова арестован, просидел два месяца в шуйской тюрьме и затем в той же Шуе был отдан под надзор полиции на три года. Несмотря на свое болезненное состояние, на постоянную слежку и частую безработицу, Степанов все-таки к 1893 г. сорганизовал среди шуйских рабочих революционный кружок в составе десяти-двенадцати человек. Кружок этот вначале не был марксистским, но уже в 1895 г. под влиянием членов Ивановской организации степановский кружок прочно встал на рельсы марксизма и превратился как бы в филиал Ивановского рабочего союза. Степанов два года тяжело болел и умер 11 февраля 1895 г. от туберкулеза горла.

Болезнь и преждевременная смерть лишили нас хорошего, энергичного товарища.

За время пребывания в Шуе я значительно окреп физически и много занимался по своей специальности. Урок, который я имел, меня не удовлетворял. Наступило лето 1889 г. Однажды я прочитал в газетах, что мировые судьи, раньше избиравшиеся из буржуазных слоев населения (они должны были обладать имущественным обеспечением в виде земли или дома), были ликвидированы. Вместо них в деревне были поставлены земские начальники из дворян. В задачу земских начальников входило «обуздывать» крестьян и защищать интересы помещиков. В городах же вводились городские судьи, назначаемые правительством из лиц, имеющих высшее юридическое образование. Для занятия должности городского судьи никакого имущественного обеспечения не требовалось. На городских судей были возложены мелкие дела и иски, не превышающие 300 рублей.

Тем не менее для занятия должности городского судьи нужно было пройти предварительную практическую подготовку в течение четырех лет в виде так называемого кандидатства на судебные должности при окружном суде. Я долго раздумывал, как мне поступить, и, в конце концов, решил добиваться должности городского судьи. Меня удовлетворяла малая подсудность дел, разбираемых этими судьями. Значит, ко мне будет обращаться беднота, и в качестве судьи я могу защищать ее интересы лучше, чем в положении адвоката.

Из Шуи я направился во Владимир.

ВЛАДИМИРСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРУЖОК (1891 — 1893 гг.), ЕГО СВЯЗЬ С ОРЕХОВСКИМИ РАБОЧИМИ

В ноябре 1889 г. я поступил во Владимирский окружной суд в качестве кандидата на судебные должности. Оплачивалась эта должность даже по тому времени очень скудно — всего 20 руб. 25 коп. в месяц. Кандидатов посылали на казенную защиту, в помощь к судебному следователю, посылали отправлять должность городского судьи и судебного следователя, нести при суде секретарские обязанности. Командировки были самые разнообразные и давали кандидатам возможность пройти хорошую практическую школу судебной работы.

Во время командировок по Владимирской губернии мне приходилось иметь много интересных встреч с самыми разнообразными людьми. Я пользовался каждым случаем, чтобы познакомиться с промышленностью Владимирской губернии и с бытом рабочих и крестьян. Мне удалось осмотреть морозовские фабрики в Орехове, хрустальный завод Нечаева-Мальцева в Гусь-Хрустальном, текстильные фабрики в Шуе, Иванове, Александрове, Вязниках, Переславле, Карабанове и в других местах; побывал в фабричных казармах. В Меленковском уезде спускался в деревенские примитивные шахты — «дудки», где крестьяне добывали железную руду и продавали ее на чугунноплавильный завод Баташевых. У меня скопился солидный материал о жизни рабочих и крестьян Владимирской губернии.

В конце 1891 г. мои командировки во Владимирской губернии прекратились в связи с тем, что на меня были возложены неприятные, в общем, канцелярские обязанности помощника секретаря окружного суда по гражданскому отделению. Предстояло еще два года тянуть канцелярскую лямку, чтобы закончить четырехлетний стаж, необходимый для получения должности городского судьи.

Переселившись во Владимир, я снова сблизился с революционным кружком молодежи. Узнал, что в течение двух лет до моего возвращения кружок снова стал ярко-народовольческим. Оказалось, что из Сибири бежал необычайно энергичный народоволец врач М. В. Сабунаев. При содействии своих товарищей — С. А. Островского и Спасского (Понебратцева) — он пытался оживить уже умершую партию «Народной воли». Сабунаевцы развили сильную агитацию и под флагом «Народной воли» объединили молодежь во Владимире, Нижнем-Новгороде, Ярославле и Костроме. Под влиянием агитации Островского во Владимире из нескольких десятков человек учащейся молодежи была образована владимирская группа партии «Народной воли». В конце 1890 г. сабунаевцы были повсюду разгромлены. Во Владимире полиция арестовала Островского, произвела несколько обысков, в частности у члена кружка В. В. Кривошеи. Некоторые члены группы были исключены из учебных заведе-

ний, но никто не был привлечен по сабунаевскому делу. Так закончилась неудачная попытка оживить труп «Народной воли»...

После пережитого разгрома в кружке чувствовалась большая растерянность. Руководителем кружка в это время был Н. Л. Сергиевский, бывший владимирский гимназист, высокий, стройный молодой человек лет двадцати, с немного вьющимися черными волосами и красивыми чертами лица. По сравнению с другими членами кружка Сергиевский был более начитан, энергичен и стремился широко распространять революционные идеи. К сожалению, он питал большое недоверие к окружающим, скептически относился к людям. В кружке состоял также Иванов-Охлонин, который после отбытия пятилетней ссылки в Сибири снова попал во Владимир, где в 1888 г. отсидел пять месяцев в тюрьме. Он попрежнему продолжал оставаться ярым народовольцем. Были в кружке и юноши (В. В. Кривошея и И. П. Плотников), которых я репетировал будучи гимназистом. Кружок попрежнему имел тайную библиотечку, но со значительно меньшим количеством книг, чем это было в наше гимназическое время, т. е. в начале 80-х годов. Имелись в небольшом количестве и нелегальные книги.

Наш Владимирский кружок всегда стремился завязать сношения с рабочими. Во Владимире рабочих не было, в других же городах и районах Владимирской губернии они насчитывались тысячами. В 1890 — 1892 гг. во всей губернии было свыше 1000 промышленных предприятий и около 115 тысяч рабочих. Мы завидовали шуянам и иваново-вознесенцам, что в их кружках имеются рабочие. Мы приобрели пишущую машинку для печатания прокламаций, но установить связь с рабочими нам долго не удавалось. Наконец нам посчастливилось. В местечке Никольском, Покровского уезда, непосредственно примыкающем к селу Орехову, той же Владимирской губернии, освободилось место письмоводителя у полицейского надзирателя Парийского. Здесь, в местечке Никольском, находились громадные фабрики «Товарищества мануфактур Викулы Морозова сыновья» и «Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова сын и компания». На этих фабриках в 1890 г. работало 26 852 человека. Кроме того, в селе Зуеве, отделенном от села Орехова только рекою Клязьмой, но уже в пределах Московской губернии, было тоже несколько более мелких фабрик с 2049 рабочими. Этот район (ныне г. Орехово-Зуево, Московской области) являлся громадным фабричным центром, в котором рабочих с семьями проживало до 50 тысяч человек.

Местечко Никольское представляло собою сплошной ряд фабрик и казарм для рабочих. Все население местечка делилось на две резко обособленные группы: с одной стороны — громадная масса рабочих, с другой — фабричная администрация, жившая в прекрасных хозяйских квартирах и разъезжавшая на хозяйских рысаках. Средних групп населения (чиновничества, ла-

вочников) здесь не было: губернские власти жили во Владимире, уездные — в Покрове, а торговля сосредоточивалась в фабричных лавках. За всеми фабричными рабочими после стачки в мае 1870 г. на Невской бумагопрядильной фабрике в Петербурге полиция и жандармерия установила строгий надзор. Была разослана секретная инструкция жандармским офицерам; в ней предписывалось «особенно тщательно наблюдать за тем, не ведутся ли рабочими между собой рассуждения о получаемой ими сдельной плате...», «строго и бдительно наблюдать за сношениями с рабочими лиц подозрительных, выгнанных студентов, семинаристов, гимназистов и вообще молодых людей, обращающих на себя чем-либо внимание». Всякий новый человек, появляющийся в местечке Никольском, бросался в глаза. Проникнуть постороннему человеку в фабричные казармы, к морозовским рабочим, неусыпно охраняемым фабричными «хожалыми» и «смотрителями», не представлялось никакой возможности. Хозяйские псы следили за каждым посетителем, за приходом и уходом рабочих, за их чтением, хотя рабочие читали тогда мало. Фабричная казарма представляла из себя настоящую крепость, а местечко Никольское являлось укрепленным районом. В отношении общения с посторонними лицами морозовские рабочие были поставлены значительно хуже, чем в Шуе или Иваново-Вознесенске, где громадное большинство рабочих жило на частных квартирах, разбросанных на громадной территории. Следить там за рабочими было труднее.

Вот в этой-то «морозовской крепости» открылось место письмоводителя у полицейского надзирателя, место, с нашей точки зрения, очень интересное, так как давало возможность на легальной почве войти в непосредственные сношения с рабочими, по необходимости часто посещавшими полицию (прописка паспортов, получение разных справок и пр.). Полицейского надзирателя в местечке Никольском я знал хорошо, со времени его учения в младших классах семинарии, и порекомендовал ему взять на это место моего знакомого, будто бы нуждавшегося в заработке. Он согласился. Наш кружок тотчас же обсудил положение, выбор пал на члена кружка В. В. Кривошею, как наиболее свободного, за время трехлетнего пребывания в кружке достаточно подготовившегося к пропаганде. Хотя у Кривошеи по сабунаевскому делу в начале 1891 г. был произведен обыск, но по этому делу к суду он не привлекался и в отношении политической «благонадежности» считался «чистым».

14 января 1892 г. Кривошея поехал в местечко Никольское на службу к полицейскому надзирателю, нагрузившись книгами, рефератами и статьями, вырезанными из журналов «Слово», «Отечественные записки», «Русская мысль» и «Русская речь».

Обычно из этих журналов мы вырезали наиболее интересные статьи, главным образом, по рабочему и крестьянскому вопросам, и переплетали их. Эти «сборники» служили нам значительным

В. В. Кривошея (снимок 1893 г.).

подспорьем при пропаганде революционных идей. Помимо легальных книг, мы дали Кривошее несколько нелегальных брошюр: «Кто чем живет?» Дикштейна, «Речь рабочего Петра Алексеева на процессе 50-ти», «Манифест коммунистической партии», «Ежегодный всемирный праздник рабочих» Плеханова и некоторые литографированные сочинения Маркса, Энгельса, Лафарга и пр. Было дано Кривошее еще несколько экземпляров изданного народовольцами воззвания: «Первое письмо крестьянских доброхотов к голодающим».

...Василий Васильевич Кривошея родился в 1869 г. в семье владимирского уездного исправника. Этот исправник так же мало походил на полицейского чиновника, как и его помощник Смирнов, боявшийся револьвера. Семья у Кривошеи была большая, и, очевидно, отец «плохо» смотрел за детьми: все они оказались участниками революционного движения. Старшие братья Василия Васильевича учились не в нашей гимназии и вместе

с отцом переехали во Владимир уже студентами. Я был еще в младших классах, когда услышал, что у сыновей исправника был обыск, и они были вынуждены покинуть Владимир. Будучи в восьмом классе, я в течение нескольких месяцев занимался с младшими братьями, бывшими в первом и третьем классах гимназии. Младший иногда пошаливал, Василий же всегда был не по летам серьезен, как-то грустен и отличался откровенностью и честностью. Оба производили хорошее впечатление, и заниматься с ними было легко и приятно...

Морозовские фабрики находились недалеко от Владимира, и Кривошея часто приезжал к нам во Владимир, всегда радостный и довольный своей пропагандистской работой. Он познакомился с целым рядом рабочих и организовал рабочий кружок. У Кривошеи, как и у всех нас, утративших веру в народовольческие методы борьбы, не было определенного политического миросозерцания, но жизнь среди рабочих наталкивала Кривошею на многие такие вопросы, на которые мы не находили определенного ответа, тем более, что и время тогда было тяжелое: в 1891 и 1892 гг. был голод, охвативший значительную часть России, по Волге свирепствовала холера. Несколько случаев смерти от холеры было и в пределах Владимирской губернии. В Поволжье были «холерные бунты». Отсталые, неграмотные крестьяне разрушали бараки для холерных больных, убивали фельдшеров и врачей, боровшихся с холерной эпидемией. Население нервничало и верило всяким нелепым слухам об отравлении воды в колодцах врачами и пр. Враждебно встречались всякие дезинфекционные меры. С своей стороны перепуганная холерою администрация во многих местах давала нелепые распоряжения, которые всех возмущали: окрашивали в черный цвет бараки для холерных больных, стаскивали баграми лиц, умерших от холеры. Нижегородский губернатор Баранов, например, тех, кто осмеливался критиковать его распоряжения по борьбе с холерой, подвергал наказанию розгами.

ВСТРЕЧА С КАРАКОЗОВЦАМИ НИКОЛАЕВЫМ И ШАГАНОВЫМ, РАССКАЗЫ ИХ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Еще будучи в университете, я слышал, что из Сибири возвратились во Владимир два каракозовца: Петр Федорович Николаев и Вячеслав Николаевич Шаганов, отбывавшие каторгу вместе с Чернышевским. Это были первые политические каторжане из владимирцев.

Во Владимире первое время они жили довольно замкнуто. Познакомиться с Николаевым и Шагановым мне удалось только в конце 1891 г. или в начале 1892 г. Несмотря на десятилетия, прошедшие со дня нашей встречи, тот и другой ярко встают в моей памяти. Шаганов — среднего роста, с правильными чер-

тами красивого лица, очень бледный, мягкий и крайне деликатный, говорил тихо и задушевно. Он постоянно покашливал. Видно было, что туберкулез свил прочное гнездо в его груди. На его иждивении находилась малокультурная жена-якутка и куча детей с ярко выраженным якутским типом. Содержать семью ему приходилось с большим трудом. Во Владимире он работал сначала в качестве корректора в земской типографии, а последнее время служил бухгалтером в казенной палате. Шаганов всегда радостно встречал всех, кто заходил навестить его. В то время ему было за пятьдесят лет (он родился в 1839 г. во Владимирской губернии в обедневшей купеческой семье), но на вид ему можно было дать значительно больше.

Если при взгляде на бледное лицо Шаганова думалось: «не жилец он на белом свете», то Николаев, напротив, имел крепкое здоровье и неиссякаемый запас жизненной энергии. Он казался значительно моложе своих лет, хотя тогда ему также было за 50 лет. Николаев — тоже уроженец г. Владимира, сын чиновника-дворянина. Он был выше среднего роста, довольно полный, а его высокий покатый лоб свидетельствовал о его большом уме. Хорошо зная экономику и историю России и Западной Европы, владея немецким, английским и французским языками, Николаев занимался переводами и по заказу московского издателя Солдатенкова перевел на русский язык целый ряд капитальных трудов, впоследствии изданных этим оригинальным купцом-просветителем. (В такой форме Солдатенков оказывал помощь целому ряду ссыльных, в том числе Чернышевскому по его возвращении в Россию.) Помимо переводов Николаев написал книгу «Активный прогресс и экономический материализм». Не отрицая значения экономического фактора в историческом процессе, он выдвигал в своей книге на первый план роль отдельной личности. Николаев тогда всецело находился во власти народнических идей и относился скептически к марксизму. Шаганов, наоборот, стоял ближе к марксизму и с большим интересом читал статьи марксиста П. Н. Скворцова по крестьянскому вопросу, помещенные в нескольких книжках «Юридического вестника» за 1891 и 1892 гг. Этот журнал я доставал для Шаганова, и в связи с этим мы много говорили с ним о марксизме.

Помню, на несколько дней к Николаеву приезжал писатель-народник Н. М. Астырев. Своей искренностью, задушевностью и какой-то особенной чистотой Астырев произвел на всех нас чарующее впечатление. Мы знали, что Астырев для изучения деревни пошел в волостные писаря и свои наблюдения изложил в книге «В волостных писарях». Эта книга с увлечением читалась молодежью нашего времени. Впоследствии Астырев принял участие в составлении «писем к голодающим» от имени «крестьянских доброхотов». Письма эти нелегально были напечатаны в 1892 г. и широко распространялись повсюду, особенно

среди крестьян голодающих губерний. В связи с этими «письмами» Астырев был арестован, долго сидел в тюрьме, заболел туберкулезом и был освобожден накануне своей смерти.

Николаев и Шаганов часто говорили о Каракозове, ссылке, тюремных порядках. Но больше всего они рассказывали о Чернышевском, который был кумиром для молодежи нескольких поколений, начиная с конца пятидесятых годов прошлого столетия.

По окончании Владимирской гимназии Николаев и Шаганов поступили в Московский университет. Шаганов — на юридический, Николаев — на математический факультеты. Но через два года Николаев оставил факультет и стал заниматься юридическими науками. Сдавши экзамен по юридическому факультету, он стал готовиться к магистерскому экзамену по политической экономии, а Шаганов, назначенный по окончании университета судебным следователем, уехал в Нижегородскую губернию, но через несколько месяцев бросил службу и возвратился в Москву, чтобы стать учителем. Это было в самом начале 1866 г. Вскоре Николаев и Шаганов в числе нескольких десятков человек были арестованы. Все это были или студенты, или только что окончившие курс в Московском университете и в Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии. Арестованные входили в состав тайного революционного общества, которое называлось «Организацией». Во главе общества стоял студент Н. А. Ишутин, а не молчаливый Каракозов, который никакого активного участия в обществе не принимал. Поэтому участники сообщества называли себя «ишутинцами», а не «каракозовцами».

Все ишутинцы были идейными учениками Чернышевского, увлекались его романом «Что делать?». На своих заседаниях ишутинцы даже поднимали вопрос об освобождении Чернышевского и об отправке его за границу, где предполагали начать издание журнала наподобие закрытого правительством «Современника». Ишутинцы стремились широко распространить свои взгляды среди молодежи, рабочих и крестьян. С этой целью они открывали школы, библиотеки, учреждали артели, называвшиеся тогда «ассоциациями», собирали сведения о положении народа. Путем пропаганды они хотели поднять народ, чтобы произвести революцию. В личной жизни ишутинцы стремились подражать Рахметову, одному из героев Чернышевского из романа «Что делать?», и всячески ограничивали свои потребности.

«Ни семьи, ни имущества, никаких радостей жизни не надо, а нужно всего себя посвятить революции», — так говорили ишутинцы. Многие ишутинцы, увлеченные романтизмом, старались иметь при себе яд и пистолет.

В составе «Организации» намечалась группа особенно решительных революционеров, полушутя называемая «Адом». Считая царя главным виновником всех бед, ишутинцы стали погова-

ривать о необходимости цареубийства. Первый поднял этот вопрос Ишутин. Разговоры о цареубийстве носили скорее теоретический характер, практически вопрос об этом не ставился. Тем не менее, один ишутинец — Д. В. Каракозов, ранее не принимавший активного участия в обществе, под влиянием этих разговоров, решил уехать в Петербург и убить Александра II, надеясь, что убийство царя вызовет революцию. Когда он поделился своими планами с некоторыми товарищами, его стали отговаривать от этого дела. Каракозов все-таки уехал в Петербург и 4 апреля 1866 г. возле Летнего сада выстрелил в царя, но промахнулся. У арестованного Каракозова в гостинице, где он останавливался, было найдено разорванное письмо на имя Ишутина, что послужило поводом к раскрытию тайного общества и к аресту его членов.

Первую группу ишутинцев (одиннадцать человек) судил Верховный уголовный суд осенью 1866 г. Каракозов, Ишутин, Странден и Ермолов были приговорены к смертной казни через повешение, один подсудимый был оправдан, остальные были приговорены к тюрьме и каторге на разные сроки. В частности Николаев и Шаганов были приговорены к двенадцати годам каторги, сокращенной царем для Николаева до восьми лет и для Шаганова до шести лет. Страндену и Ермолову смертная казнь была заменена каторгой. Каракозов после пыток был повешен, а над Ишутиным была учинена величайшая жестокость: на него надели саван, взвели на эшафот, накинули петлю на шею и в таком виде продержали несколько минут, пока не явился фельдъегерь и не привез царскую «милость» о замене смертной казни пожизненной каторгой. Эта «милость» тяжело отразилась на Ишутине: он вскоре психически заболел в Шлиссельбургской крепости. После покушения Каракозова ишутинцев стали называть «каракозовцами», и с этим именем они вошли в историю революционного движения...

Николаева и Шаганова отправили в Забайкалье, на Александровский завод, где отбывал каторгу Чернышевский. О Николае Гавриловиче они рассказывали:

«Чернышевский с конца пятидесятых годов был властителем дум всей мыслящей России. В своих статьях, напечатанных в «Современнике», Чернышевский пропагандировал социалистические, революционные идеи. Царское правительство считало Чернышевского своим опасным врагом, но материала для формального его обвинения не было. В нужное время всплыло фальшивое письмо, составленное от имени Чернышевского негодяем В. Д. Костомаровым. В 1862 г. Чернышевского арестовывают и заключают в Петропавловскую крепость, держат в ней около двух лет. Здесь в крепости он и написал свой известный роман «Что делать?».

Дело было передано в сенат, который признал Чернышевского виновным в составлении и тайном распространении воз-

звания к «барским крестьянам». «За злоумышление к ниспровержению существующего порядка, за принятие мер к возмущению» сенат постановил лишить Чернышевского всех прав состояния и сослать на каторжные работы в рудниках на четырнадцать лет и затем поселить в Сибири навсегда. Приговор сената был утвержден Александром II с сокращением срока каторжных работ наполовину.

19 мая 1864 г. над Чернышевским был совершен обряд так называемой гражданской казни. В Петербурге на Мытнинской площади он был возведен палачами на эшафот и прикован цепями к позорному столбу минут на пятнадцать. Затем Чернышевского отправили в Забайкалье, на рудник Кадая, где он прожил несколько лет. Из Кадая его переводят на Александровский завод, куда и мы, каракозовцы, в числе пяти человек были доставлены в 1867 г. Нам отвели небольшую комнату в маленьком деревянном доме, стоявшем внутри острожного двора. Наша группа узнала, что Чернышевский живет в этом же домике, в двух шагах от нас, в отдельной комнате. Считая себя идейными учениками Чернышевского, мы с волнением ждали встречи со своим великим учителем.

Однажды в нашу комнату вошел человек небольшого роста, с правильными чертами лица, с сероголубыми подслеповатыми глазами и небольшой редкой русой бородкой, в халатике на белом бараньем меху. Его длинные волосы были покрыты невысокой черной барашковой шапкой, которую он днем никогда не снимал. Простой костюм и приветливый голос сразу обнаружили в нем простоту, свойственную истинно великим людям. Если мы, молодые ученики, радовались встрече с Чернышевским, — несомненно, и Чернышевскому наше общество молодых революционеров было приятно. Своим глубоким умом и душевной привлекательностью он, точно магнит, притягивал к себе не только нас, но и других обитателей этого домика. С момента первой встречи у нас установились самые дружеские, теплые отношения. Начались бесконечные беседы и споры. Обычно каждый вечер Чернышевский приходил в нашу камеру и беседовал до двенадцати часов ночи. Бывали нередко и мы у него в оригинально устроенной камере: вдоль всей стены были невысокие широкие нары; на них стояли кровать и стол, за которым постоянно работал Чернышевский. Мы обыкновенно садились на нары, Чернышевский — на стул и начинал беседовать с нами. Он был удивительный рассказчик и свои рассказы из области прошлого или созданные его воображением, как художник-беллетрист, пересыпал художественными образами. Надо отметить любопытную черту: во время своих рассказов Чернышевский держал перед собой тетрадь или книгу. Создавалось впечатление, что он читает, а не рассказывает. Споры и беседы с Чернышевским были в высшей степени интересны как по своему содержанию, так и по самому методу беседы. Он обладал громадными познания-

ми в области истории, экономики, философии, литературы, но никогда не подавлял ими собеседника, а всегда охотно вслушивался в слова последнего, помогая ему найти подходящий довод, пробуждая в собеседнике активность мысли. После беседы, чувствуя пробелы в своих знаниях, мы брались за имевшиеся у нас в небольшом количестве книги. Нас, каракозовцев, посылали на столярные работы внутри тюрьмы; Чернышевского же, неизвестно по каким соображениям, на работы не выпускали. Чернышевский не выходил за ограду тюрьмы и должен был довольствоваться для прогулок небольшим грязным тюремным двором, а в тюрьме тогда было несколько сот заключенных, главным образом, участников польского восстания 1863 г. Во дворе он разыскивал укромные уголки, где быстро ходил и распевал греческие стихи (кроме новых языков — английского, немецкого, французского, — он хорошо знал латинский и греческий, а также изучал татарский и еврейский языки и славянские наречия). Вставал Чернышевский очень поздно, весь день сидел за книгой, вечера проводил с нами, а по ночам, вплоть до утренней зари, писал. Желая доставить удовольствие своим товарищам по заключению, он написал несколько пьес, разыгранных нами. По ночам он занимался писанием своего нового большого романа. В нем он описал себя под фамилией Волгина и Добролюбова — под фамилией Левицкого. Чырнышевский глубоко любил безвременно погибшего юного Добролюбова и ставил его выше себя, а когда читал нам из своего романа «дневник Левицкого», очень волновался. В романе должно было быть три части, но Чернышевский отделал только одну, которая впоследствии была напечатана за границей под названием «Пролог к прологу», т. е. пролог к революции.

В отдельном домике с Чернышевским жили мы года три, а затем его перевели в другой дом. Здесь в сенях отвели для него маленькую затемненную комнату, сырую, со сквозняками от дверей. Другое неудобство состояло в том, что за стеной его камеры жило 50—60 ссыльных поляков, которые, естественно, нарушали покой Чернышевского. Его ограничили и в общении с окружающими: посещать нас разрешили только с четырех до восьми часов вечера. Так однообразно тянулись недели, месяцы, годы. Приезжала к Чернышевскому его жена с двумя малолетними сыновьями, но ей позволили пробыть с мужем всего три дня.

Началась франко-прусская война. Чернышевский все время сидел за картой, читал и делал какие-то выкладки. Помня, как в эпоху великой революции республиканская Франция отбилась от многочисленных своих врагов, мы были убеждены, что французы справятся с немцами. Чернышевский доказывал, что Франция будет разбита, и он оказался прав.

За время совместного пребывания с Чернышевским мы беседовали о многих и многих вопросах, которых он касался

в своих журнальных статьях. Как-то зашла речь об отмене крепостного права, и вдруг Чернышевский, крайне недовольный половинчатым характером проведенной реформы, заявляет: «А ведь хорошо было бы, если бы крестьян освободили совсем без земли». Мы удивленно посмотрели на Чернышевского, так как хорошо помнили его прежние слова, что надо было отдать крестьянам всю помещичью землю и без всякого выкупа со стороны крестьян. Заметив наши недоумевающие взгляды, Чернышевский продолжал: «Крестьяне, лишенные земли, немедленно восстали бы и произвели революцию». Да, Чернышевский верил в неизбежность у нас крестьянской революции и часто говорил об этом».

Николаев и Шаганов согласно описывали наружность, образ жизни и условия пребывания Чернышевского на каторге, но в одном вопросе они резко расходились: по мнению Николаева Чернышевский на первый план выдвигал роль личности в историческом процессе, а по словам Шаганова Чернышевский, напротив, большее значение придавал экономическому фактору. Шаганов был более прав в передаче взглядов Чернышевского, ибо последний еще до ссылки писал: «Совершение великих мировых событий не зависит ни от чьей воли, ни от какой личности. Они совершаются по закону, столь же непреложному, как закон тяготения или органического возрастания». Чернышевский упрекал историков, что они мало и неудовлетворительно говорят о «материальных условиях быта, играющих едва ли не первую роль в жизни, составляющих коренную причину почти всех явлений и в других высших сферах жизни».[1]

«Прошло только пять лет нашей каторги, — продолжали рассказывать Николаев и Шаганов, — и вдруг в начале 1872 г. нам, каракозовцам, объявляют, что мы, еще до истечения каторжного срока, высылаемся на вольное поселение в Якутскую область. А Чернышевский, отбывший уже весь семилетний срок каторги, почему-то остается в каторжной тюрьме. Мы так сжились с Чернышевским, нашим лучшим другом, товарищем и учителем, что расставались с ним с большой горечью в сердце. На прощанье Чернышевский предлагал нам взять свой «Энциклопедический словарь» Брокгауза на немецком языке, но мы отказались от такого дружеского внимания: для Николая Гавриловича словарь был необходим. Расставаясь, мы думали, что никогда более не увидимся с Чернышевским, однако случилось иначе... После четырехмесячного путешествия через Якутск мы в конце апреля 1872 г. вдвоем прибыли в Вилюйск, городок, отстоящий в 750—800 километрах от Якутска. Пятнадцать якутских юрт, два десятка деревянных домиков, в которых жила полсотня казачьих семей, церковь, казарма и недавно выстроенный маленький острог на шесть камер, окруженный высоким

---

[1] Чернышевский. Полное собрание сочинений, том II, стр. 409.

частоколом, — вот и весь уездный городок. Как тогда полагалось, явились к исправнику, от которого узнали, что в остроге живет Чернышевский и его можно видеть. На наш вопрос, почему же он не на вольном поселении, исправник ответил, что в городе нет свободных помещений; поэтому Чернышевский живет в остроге, освобожденном от заключенных, и пользуется свободой выхода. А когда мы попытались навестить Чернышевского, то оказалось, что надо было получить разрешение от жандармского унтер-офицера, которому был вверен острог. Мы решили не обращаться к жандарму и сели возле острога в ожидании, что Чернышевский выйдет из своего жилища. Наши предположения оправдались: Чернышевский вскоре вышел на прогулку. Встреча была радостная. Тут мы узнали, что Чернышевский был увезен с Александровского завода вскоре после нашего отъезда, везли его с меньшими остановками, поэтому он прибыл в Вилюйск раньше нас.

Мы пошли с ним в острог в его камеру, холодную и мрачную. За решетчатыми окнами стоял высокий частокол, из-за которого не было видно ни клочка неба. Солнечный луч никогда не заглядывал в эту камеру, в ней всегда было очень сыро, да и климат в заброшенном на крайнем севере Вилюйске был очень суров по сравнению с Забайкальем. Чернышевский продолжал ходить в валенках и в овчинном халатике.

Почта в Вилюйск ходила один раз в два месяца. Чернышевскому было разрешено получать газету и два журнала: «Вестник Европы» и «Отечественные записки». Мы впоследствии узнали, что Чернышевский хлопотал о разрешении заниматься переводами, но правительство ему и в этом отказало. Первое время Чернышевский пользовался полной свободой выхода из острога в любое время и после прогулок по вонючему тюремному двору в Александровском заводе с наслаждением прогуливался по обрывистым берегам реки Вилюя и по окрестным лесам. Но с течением времени «свобода» Чернышевского все более ограничивалась, а после двух неудачных попыток Ипполита Мышкина и Германа Лопатина освободить Чернышевского, у него было произведено несколько обысков, и он на долгие месяцы был заперт в остроге: вместо вольного поселения великий просветитель вновь оказался на острожном положении.

Так царское правительство мстило Чернышевскому... Тяжелая острожная обстановка, повторяющиеся обыски, гнетущее одиночество сильно повлияли на Чернышевского. Он продолжал много писать в долгие северные ночи, но — к глубокому сожалению — все написанное сжигал, постоянно ожидая обысков. От его работ в Вилюйске ничего не осталось... Одиннадцать мучительных лет провел Чернышевский в г. Вилюйске и только в 1883 г. ему разрешено было поселиться в Астрахани, где он с необыкновенной энергией принялся за перевод громад-

ной «Всемирной истории» Вебера и переводил в год по три тома, в 1000 страниц каждый. В 1889 г. он был переведен в свой родной город Саратов, где и умер в том же году».

Так закончили Николаев и Шаганов грустную повесть о пребывании Чернышевского на каторге и в Вилюйском остроге; при этом Николаев привел некрасовские стихи, которые так подходят к Чернышевскому:

Кто знал его, забыть не может,
Тоска по нем язвит и гложет,
И часто мысль туда летит,
Где гордый мученик зарыт.

(Некрасов. — „Несчастные").

В течение всей своей жизни Чернышевский подвергался беспощадному преследованию со стороны гнусного самодержавия. Но самодержавию не удалось сломить этого великого человека. Его труды, самоотверженную борьбу с царским деспотизмом высоко ценили родоначальники научного коммунизма — Маркс, Энгельс, Ленин.

Николаев и Шаганов пробыли в Вилюйске всего несколько дней. Начальство, боясь, очевидно, сношений с Чернышевским, поспешило отправить их верхом на лошадях в назначенные им для поселения места в Якутской области. О тяжелой жизни на поселении они мало говорили. Николаеву пришлось одно время жить в селении (улусе), где было всего три якутских юрты. Шаганову было разрешено вернуться в Европейскую Россию в 1884 г., а Николаеву — в 1885 г., и через некоторое время они поселились во Владимире. Шаганов умер во Владимире в 1902 г., а Николаев — в 1910 г.

Чернышевский отбыл два года Петропавловской крепости, семь лет каторги и более одиннадцати лет острожной жизни в г. Вилюйске, которая была не легче каторги, — а всего двадцать один год (1862—1883 гг.), Николаев и Шаганов — по пяти лет каторги и по тринадцати лет поселения в Якутской области.

ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ЛАСТОЧЕК РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРКСИЗМА

Через три дня после отъезда Кривошеи в местечко Никольское, 17 января 1892 г. приехал во Владимир только что освобожденный из петербургских «Крестов» Николай Евграфович Федосеев. Вскоре я познакомился с этим выдающимся человеком. Он вошел в наш кружок. Несколько сутуловатый, среднего роста, скромно одетый юноша лет двадцати, Федосеев произвел на всех нас глубокое впечатление. Чудесное юношеское лицо, смелое и открытое, матовый, бледный цвет кожи,

высокий белый лоб, близорукие умные, пытливые глаза, смотрящие сквозь очки, приятная и в то же время затаенно-грустная улыбка. Таким встает в моей памяти Н. Е. Федосеев, хотя со дня нашей встречи прошло более сорока восьми лет. Эта мягкая, подкупающая улыбка была всегда на его губах. Кто хоть раз в жизни видел Федосеева, все отмечали эту улыбку. Анна Ильинична и Мария Ильинична Ульяновы видели его только один раз, в 1897 году, и он произвел на них впечатление неотразимо привлекательной личности. «Особенно хороша была его, раскрывавшая перед ним все сердца, прямо обаятельная улыбка», — говорит А. И. Ульянова в очерке, посвященном памяти Федосеева.[1] Нет ни одной фотографической карточки, на которой бы эта улыбка не сопровождала его. Особенно хорошо передает его духовный облик фотография 1897 г. Я никогда не видел его смеющимся, он только улыбался. Никакой насмешки, ехидства над другими он себе не позволял. В его голове было много мыслей, ум его был синтетический, обобщающий. Всякий спор, всякая беседа с ним давали много материала собеседнику и, главное, заставляли его думать, пополнять свои знания. Убежденный марксист, он на примерах русской действительности учил нас марксистскому методу. Как магнит, Николай Евграфович притягивал нас к себе. Естественно, он скоро произвел настоящую революцию в нашем мировоззрении: от народничества мы стали переходить на позиции марксизма. Надо было удивляться тому, как долго мы были в плену народничества, в котором было так много неясного, вредного, путаного, туманного. Только марксизм помог уяснить нам многое и, главное, указал тот путь, по которому должно было итти наше развитие и, следовательно, наша дальнейшая революционная работа.

Среди нас это был первый марксист, если не считать марксиста-статистика П. Н. Скворцова, которого иногда можно было видеть на улицах г. Владимира с его длиннейшим камышевым мундштуком, торчавшим из кармана. Благодаря своему доктринерству и замкнутости характера Скворцов стоял от нас в стороне и не имел никакого влияния на владимирскую молодежь. О нем говорили, что он хорошо знал Маркса и постоянно в беседах приводил цитаты из «Капитала».

Федосеев был весьма начитанный человек, он не был доктринером-буквоедом, в противоположность Скворцову, а его уменье излагать идеи марксизма просто и убедительно делало их понятными и ясными для всякого.

Под влиянием Федосеева в нашем кружке начались горячие споры о судьбах русского капитализма, о путях развития крестьянского хозяйства, о роли крестьянства и рабочего класса в революции. Не крестьянство или интеллигенция, как

[1] „Федосеев Н. Е.“ — Сборник воспоминаний, 1923 г., стр. 22.

Н. Е. Федосеев (снимок 1892 г.)

думали мы раньше, а рабочий класс в союзе с крестьянством, под руководством рабочей партии, приведут Россию к революции. Страстная пропаганда марксизма сделала свое дело. «Капитал» Маркса, долго стоявший на нашей библиотечной полке, стал серьезно изучаться нами. Мы начали читать заграничный сборник «Социал-демократ», «Наши разногласия» Плеханова и др. Пришлось пересмотреть весь свой идейный багаж заново. Вскоре мы приступили к изданию своего рукописного журнала «Заря». В первом номере журнала была помещена и моя статейка о восьмичасовом рабочем дне, а также «Экономическое учение Маркса» и другие материалы по разным экономическим вопросам. Журнал выпускался в незначительном количестве экземпляров.

Таково было влияние Федосеева — «одной из первых ласточек рабочего движения в России» — по удачному выражению А. И. Ульяновой.

Личность Федосеева и его участие в развитии идей марксизма в России настолько значительны, что я считаю необходимым более подробно рассказать об этом замечательном чело-

веке. Нам же особенно дорог Федосеев, так как по справедливости его можно считать основателем первого ореховского марксистского рабочего кружка.

Федосеев родился в 1871 г. в г. Нолинске (теперь Молотовск), Вятской губернии (ныне Кировская область), в состоятельной семье. Отец его был судебный следователь, мать — саратовская помещица. Семья предоставила Федосееву возможность учиться в 1-й Казанской гимназии и обставила его жизнь в Казани очень хорошо. Мой приятель И. Х. Лалаянц[1] в 1887 г. жил вместе с Федосеевым на одной квартире у какого-то подозрительного человека, служившего, повидимому, в местной охранке. Лалаянц рассказывал, что Федосеев, бывший тогда в седьмом классе гимназии, имел хорошо обставленную отдельную комнату, заваленную книгами. Федосеев и в то время очень много читал. Подозрительный хозяин квартиры и его либеральная на словах жена нередко устраивали в квартире студенческие вечеринки. Весной 1887 г. внезапно нагрянуло гимназическое начальство и произвело в комнате Федосеева обыск, не давший никаких результатов. После этого Федосеев и Лалаянц оставили эту квартиру и разъехались в разные стороны.

Осенью 1888 г. Лалаянц неожиданно снова встретил Федосеева на улице.

«От прежнего Федосеева, — говорил Лалаянц, — остались только неизменная улыбка, умное выражение лица и грустно-сосредоточенные глаза. В остальном все изменилось. Передо мной стояла чуть сгорбленная, бедно одетая фигура изгнанного гимназиста: сильно поношенное и почти без пуговиц форменное пальто, такая же форменная фуражка без гимназического герба». Оказывается, еще весной 1888 г., перед самыми выпускными экзаменами, гимназическое начальство, косо смотревшее на Федосеева со дня обыска, предложило его отцу взять сына из гимназии, иначе угрожало исключить «крамольного» гимназиста без права поступления в другие учебные заведения. Отец, мечтавший о карьере прокурора для сына, принужден был взять его из гимназии. Повидимому, эти разлетевшиеся мечты внесли охлаждение в отношения между сыном и родителями, а затем повлекли за собой полный разрыв Николая Евграфовича с семьей. С этого времени Федосеев отказался от помощи со стороны родителей и жил уроками и случайным заработком. К этому времени у Федосеева сложилось уже революционное, марксистское мировоззрение. Он активно работает среди местной молодежи. Зима 1888—1889 гг. и лето 1889 г. были периодом его кипучей деятельности по организации среди

[1] В 1902 г. по инициативе В. И. Ленина я ездил в Восточную Сибирь для организации побега Лалаянца. Побег удался, и Лалаянц попрежнему продолжал революционную работу. Во время реакции за участие в боевой организации он был присужден к восьмилетней каторге, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости (первые годы в кандалах).

учащейся молодежи тайных кружков и пропаганды в них, по устройству и оборудованию нелегальной типографии, печатанию прокламаций и т. п.».

Обычно Федосеев организовывал кружки двух типов: начальные и повышенные. В первых он свою роль ограничивал организацией их, подбором руководителя, составлением программы занятий и общим наблюдением за ходом дела; вторыми руководил сам. По сообщению Лалаянца участники федосеевских кружков получали в них глубокую теоретическую подготовку. Занятия в них, благодаря умелому и талантливому ведению дела самим Федосеевым, шли очень оживленно, дружно и свободно. В кружках изучались политическая экономия и история. Из практических вопросов особое внимание обращалось на положение рабочего класса и крестьянства в России.

В Казани Федосеев также стремился завязать сношения с рабочими. Однажды он на улице обратился к Горькому, который в то время работал в булочной: «Вы — Пешков, булочник. Я—Федосеев. Нам надо бы познакомиться».—«О Федосееве,— вспоминает Горький, — я уже слышал, как об организаторе очень серьезного кружка молодежи, и мне понравилось его бледное, нервное лицо с глубокими глазами.

Идя со мною полем, он спрашивал, есть ли у меня знакомства среди рабочих, что я читаю, много ли имею свободного времени...» (Горький — «Мои университеты»).

В Казани Горький одно время переживал тяжелую полосу в своей жизни: он потерял дорогу в жизни и забрел в тупик, из которого — по его мнению — был один выход — самоубийство. Он стрелял в себя, но, к нашему великому счастью, рана оказалась несмертельна. Под влиянием Федосеева и, возможно, других марксистов Горький приобщился к революционному марксизму и нашел путь, по которому бодро и радостно шел до последнего дня своей необычайно красочной жизни...

По рассказам ряда товарищей, в Казани в этот период было много кружков, изучавших уже Маркса. В одном из казанских кружков работал и В. И. Ульянов, исключенный в 1887 г. из Казанского университета. Но с Федосеевым он тогда не встречался. Летом 1889 г. жандармерия произвела разгром кружков. 13 июля того же года арестовали Федосеева. Владимир Ильич ареста избежал, так как весной 1889 г. уехал в Самару. По этому поводу В. И. Ленин вспоминал впоследствии:

«В то время я жил в провинции — именно в Казани и в Самаре. Я слышал о Федосееве в бытность мою в Казани, но лично не встречался с ним. Весной 1889 г. я уехал в Самарскую губернию, где услыхал в конце лета 1889 года об аресте Федосеева и других членов казанских кружков, — между прочим, и того, где я принимал участие. Думаю, что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани. Вскоре после этого марксизм, как направление, стал шириться,

идя навстречу социал-демократическому направлению, значительно раньше провозглашенному в Западной Европе группой «Освобождение труда».

Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению...

Во всяком случае, для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»[1] (разрядка моя — **С. Ш.**).

В тюрьме Федосеев много читал и стал убежденным и хорошо образованным марксистом. В казанской тюрьме Федосеев просидел более года, и только 11 октября 1890 г. по царскому постановлению участники кружков были приговорены к тюремному заключению на срок до одного года, а Федосеев, как главный виновник, — на один год и три месяца. Ему было поставлено в вину составление вместе с другими участниками «программы преступной деятельности кружка, распространение противоправительственных изданий, поддержание сношений с политическими ссыльными, хранение у себя принадлежностей тайной типографии и формы для составления подложных паспортов».

Для отбытия наказания Федосеев был переведен в петербургскую одиночную тюрьму «Кресты», где по тюремным правилам должен был заняться однообразным изнурительным физическим трудом — подклеиванием конвертов ежедневно в течение десяти часов.

В казанской тюрьме, имея возможность пользоваться хорошими библиотеками города, Федосеев приступил к глубокому изучению крестьянского вопроса. В «Крестах» возможности для научной работы не было.

В то время царское правительство допускало на свидания с заключенными мужчинами не только близких родственников, но и «невест», очень часто никогда до этого не видавших своих «женихов». Слушательницы женских курсов охотно соглашались быть «невестами», а затем нередко бывало, что фиктивные невесты превращались в настоящих и шли за своими женихами в далекую ссылку. Если у заключенного не было знакомых среди курсисток, то «невесту» назначал политический «Красный крест» (нелегальная организация для ока-

---

[1] Ленин. — Том XXVII, стр. 376 — 377.

зания помощи заключенным и ссыльным). Такие «Красные кресты» существовали в Москве, Петербурге, Киеве и других крупных городах. У Федосеева не было знакомых в Петербурге. «Красный крест» назначил ему «невестой» Марию Германовну Гопфенгауз. Она была лет на восемь старше Федосеева и полюбила его, как друга и сына. С тех пор она всю жизнь посвятила Федосееву. «Она работала до упаду, — удостоверяет Сергиевский, — чтобы поддержать его, отказывала себе во всем». Гопфенгауз в значительной степени облегчила положение Федосеева, находившегося с момента ареста в 1889 г. в течение двух с половиной лет в одиночке. В январе 1892 г. кончился срок заключения Федосеева в «Крестах». Согласно приговору, по отбытии наказания ему не разрешалось проживание в столичных и университетских городах, поэтому он направился в город Владимир, ибо Владимирская губерния была после Петербургской и Московской самая промышленная.

Такова была жизнь Федосеева до приезда во Владимир. Мы знали, что этот юноша, глубоко образованный марксист, имел за плечами два с половиной года одиночной тюрьмы, и это еще более влекло нас к нему.

Федосеев был не только революционер-практик, но и глубокий теоретик в области истории народного хозяйства России. Во Владимире он снова засел за книги, но научных книг и особенно первоисточников во Владимире было мало. При помощи одного товарища мне удалось проникнуть в фундаментальную библиотеку владимирского дворянства и разыскать там редкие издания по крестьянскому вопросу. Я достал монументальный труд А. И. Скребицкого «Крестьянское дело в царствование Александра II» и передал эту книгу Федосееву. Он работал по шестнадцати часов в сутки, читал быстро, делал выписки и составлял комментарии к ним, а затем все изученное обобщал в виде особых глав и статей. В результате, по отзыву читавших эти статьи, получалась ценная научная работа. К сожалению, почти все написанное Федосеевым погибло.

В своих трудах, сравнивая наше хозяйство с западно-европейским, Федосеев пришел к выводу, что Россия еще в эпоху существования крепостного права вступила на путь капиталистического развития и пойдет по тому же пути, по какому пошло хозяйство Запада, подчиняясь непреложным экономическим законам.

«Самобытническая русская история» только выдумана народниками. Не через общину, которая является будто бы первоначальной ячейкой социализма, пойдет Россия к социалистическому строю, — говорил Федосеев, — а через капитализм и классовую борьбу, происходящую уже сейчас. Община погибла на Западе, погибает и погибнет и в России. Всякие искусственные мероприятия по поддержанию общины, изобретаемые народниками, в частности, запрещение свободного выхода из

общины, ничем не помогут. Народники обвиняют марксистов, что они разрушают общину, сочувствуют обезземелению крестьян. «Неправда, — отвечал Федосеев, — ничего мы не разрушаем и никого не лишаем земли; мы только констатируем разрушение крестьянской общины, как неизбежный исторический процесс. Быстрое разрушение общины и обеднение крестьянского хозяйства — нежелательные явления: безземельные крестьяне идут в города, давят на рынок труда и тем самым затрудняют борьбу рабочих с капиталистами за улучшение своего положения».

По глубокому убеждению Федосеева рабочий вопрос был тесно связан с крестьянским вопросом.

Изучению крепостного хозяйства и в частности выяснению экономических причин падения крепостного права Федосеев отдал много труда. Впоследствии он работал также по изучению пореформенного хозяйства, которое после отмены крепостного права велось уже при помощи наемного труда.

Уже с конца XVIII века, — говорил Федосеев, — крепостные отношения дали трещину, которая постепенно все более увеличивалась. В крепостное хозяйство вторглись деньги и товарные отношения. Стали развиваться неземледельческие промыслы. Промышленность, насажденная Петром I, все более развивалась. Начался усиленный вывоз за границу зерна и других продуктов сельского хозяйства. Существовавшая прежде натуральная форма хозяйства все более и более разрушалась. Ранее не только крестьяне, но даже помещики все свои потребности удовлетворяли продуктами своего хозяйства. Как и крепостные крестьяне, многие помещики одевались в домотканные льняные и шерстяные ткани. С притоком денег за сельскохозяйственные продукты у помещиков стал развиваться вкус к заграничным товарам («аглицкие» сукна, шелковые материи, украшения и пр.). Ранее, при натуральном хозяйстве, помещики заставляли крепостных работать на помещичьей земле (так называемая «барщина»); когда же появилась у помещиков нужда в деньгах, они охотно отпускали крестьян «на оброк» («оброчная» система). При этой системе хозяйства крепостной крестьянин получал от помещика паспорт, уходил на вольные заработки, а помещику должен был платить за это известную сумму денег, так называемый «оброк».

Оброчная система стала особенно широко развиваться в нечерноземных губерниях, где земля давала меньший доход, чем денежный оброк. Таким образом крепостническое натуральное хозяйство превращалось в товарное хозяйство. Теперь помещик стремился выжать из хозяйства побольше денег, а между тем, с увеличением крепостного населения, «барину» приходилось все большую часть своих доходов тратить на то, чтобы кормить инвалидов, в случае голода (а голодные годы часто бывали) содержать голодных крестьян; взамен павшей ло-

шади купить другую и т. п. Все эти расходы были невыгодны для помещика. Но отощавший от голода безлошадный крестьянин не был в силах обрабатывать помещичью землю или платить оброк. Старые крепостнические отношения встали в противоречие с интересами развивающегося капиталистического хозяйства. Возникали и развивались новые прогрессивные производительные силы. Буржуазному хозяйству нужен был труд свободного крестьянина. Старые крепостные отношения должны быть сломлены и уничтожены.

Таковы, по заключению Федосеева, экономические причины падения крепостного права. Народники, выясняя причины падения крепостного права, делали основной упор на недовольство крестьян крепостным правом, на крестьянские волнения, а Федосеев, не отрицая значения крестьянских волнений, придавал большее значение экономике, говоря, что крестьянские волнения только ускорили этот процесс.

Противников освобождения крестьян среди помещиков, особенно в нечерноземной полосе России, было немного. Весь вопрос сводился лишь к способу освобождения крестьян. Если освободить крестьян совсем без земли, то крестьяне разойдутся по фабрикам, заводам и разным промыслам, и помещичье хозяйство останется без рабочих рук. Дать крестьянам достаточно земли для своего хозяйства тоже нельзя, потому что, будучи заняты на своей земле, они не пойдут работать к помещику. В результате всяких споров в разных дворянских комитетах восторжествовало среднее мнение — дать крестьянам земли меньше, чем требовалось для более или менее сносного существования хозяйства. Крестьяне будут привязаны к своему хозяйству, но вынуждены будут снова пойти к помещику арендовать землю, работать на помещика. Так рассуждали помещики. Мнения крестьян по этому вопросу, разумеется, не спрашивали: крестьянам было запрещено даже заикаться о предстоящей «воле».

19 февраля 1861 г. Александром II был подписан манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Либеральная публика, фабриканты, заводчики торжествовали. Либералы мечтали о выгодных местах, которые им сулили разные реформы Александра II, вызванные отменой крепостного права. Фабриканты и заводчики были довольны тем, что теперь они могут беспрепятственно эксплоатировать «свободных» рабочих, тогда как раньше каждого работавшего у них крепостного мог снять с работы помещик. Большинство дворян тоже было довольно проведением реформы: помещичьи земли увеличились за счет земель, находившихся ранее в пользовании крестьян (отрезки). Но дворянам мало было этого. Им нужны были деньги, чтобы вести хозяйство при помощи свободных рук; кроме того, значительная часть крепостных была заложена в государственных банках; одних процентов помещик ежегодно платил три

рубля за каждую заложенную «душу». Правительство и тут пришло на помощь помещикам, выдав им деньги (особые денежные обязательства), а крестьян заставило платить юридически за землю, а фактически и за личность в течение 49½ лет «выкупные» платежи, в два-три раза превышавшие действительную стоимость земли. Помимо всего этого, землю крестьянам нарезали те же помещики, в лице мировых посредников. и постарались хорошую землю отдать помещикам, а пеньки, болотца и песочек — крестьянам. Так проводилась отмена крепостного права на весьма выгодных для помещиков условиях.

Такова самая общая схема труда Федосеева: все рассуждения и выводы его покоились на массе фактического и статистического материала, взятого из первоисточников.

Другая работа Федосеева, значительно меньшая по объему, но весьма стройная по изложению, касалась крепостного хозяйства по «Пошехонской старине» Салтыкова-Щедрина. Была у него и еще одна любопытная работа о купчих землях крепостных крестьян. Работа эта интересна в том отношении, что указывала на расслоение крестьянства на бедняков, середняков и кулаков. Кулаки путем скупки земли и ростовщичества богатели и для расширения своего хозяйства покупали земли на имя своих помещиков, так как, не обладая гражданскими правами, не могли совершать этих сделок на свое имя. Как принадлежавшие (по документам) помещикам, эти земли, с отменой крепостного права, или должны были выкупаться крестьянами вторично, если не превышали норм, установленных в данной губернии, или же отрезались в пользу помещиков, если превышали установленную норму. На этой почве возникало много недоразумений между помещиками и богатыми крестьянами, купившими когда-то эти земли.

Таким образом к моменту освобождения крестьян становились товарными не только помещичьи хозяйства, но в нередких случаях и крестьянские. Так повсюду внедрялся в сельское хозяйство капитализм, в то время как ослепленные народники мечтали избежать капитализма и через общину войти прямо в социализм.

Федосеев широко распространял те идеи, которые были развиты в его трудах, и давал товарищам свои рукописи для прочтения. Его рукописи в нашем кружке читались с увлечением.

С согласия Федосеева отдельные части его труда по крепостному хозяйству были переписаны и отосланы в Самару для Владимира Ильича. Рукопись, с своими карандашными отметками на полях, Владимир Ильич передал Лалаянцу, а он, в свою очередь, передал ее А. П. Скляренко (Владимир Ильич, Лалаянц и Скляренко составляли первый марксистский кружок в Самаре). Рукопись еще до передачи ее Скляренко едва не погибла во время обыска у Лалаянца. По этому поводу Лалаянц рассказывал мне следующий курьез:

«Производивший обыск жандармский ротмистр обратил внимание на рукопись и спросил, чья она и куда предназначена. Я ответил, что рукопись моя, и что я собираюсь ее отправить в один из столичных журналов для напечатания. Жандарм было удовлетворился этим объяснением, но случайно ему в глаза бросилась фраза: «Таким образом, актом от 19 февраля 1861 г. натуральное хозяйство было принесено в жертву желтолицему господину». Жандарм с ехидной улыбкой, обратившись ко мне, произнес: «И вы станете уверять, что рукопись эта предназначена для легальной печати»... и тут же, повернувшись к присутствующему при обыске товарищу прокурора, сказал: «Как вам нравится: желтолицему господину!.. — и с значительным видом — это значит государь император Александр Николаевич. Ведь это оскорбление величества». Я не мог не расхохотаться, и мне стоило немалого труда втолковать ему, что «желтолицый господин» употребляется в литературе для обозначения золота, денег... Прокурор, желая повидимому показать, что он тоже не лыком шит, пробурчал: «Да, это так часто говорят, действительно». Проницательный ротмистр успокоился, рукопись была спасена».

Дальнейшая судьба этой рукописи неизвестна. Лалаянц предполагал, что рукопись все-таки попала в лапы жандармов при обыске и аресте Скляренко. Другой экземпляр рукописи о падении крепостного права был передан мною С. И. Мицкевичу для отсылки в Нижний-Новгород (ныне г. Горький), где в то время были привлекавшиеся вместе с Федосеевым по казанскому делу марксисты П. Н. Скворцов и другие.

Помимо капитальных работ по истории народного хозяйства Федосеев принял активное участие в борьбе с народниками. Чувствуя, что молодежь отходит от народничества и идет к марксизму, народники повели против марксистов яростную атаку. Полемика сначала велась в кружках, в частной переписке. Но вот идеолог и вождь российского либерального народничества Н. К. Михайловский в редактируемом им народническом журнале «Русское богатство» в десятой книжке за 1893 г. поместил статью против марксизма. Статьи Михайловского и другого сотрудника этого же журнала Кривенко возмутили марксистов, тем более, что последние не могли в легальной печати защищать свои взгляды. Условия борьбы для той и другой стороны были неодинаковы. Только в нелегальной брошюре «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Владимир Ильич мог подвергнуть уничтожающей критике взгляды народников. Издание этого замечательного труда, воспроизведенного вначале только на гектографе, стоило громадных усилий. Во Владимире нельзя было и мечтать об издании нелегальной брошюры значительного размера. Возмущенный статьей Михайловского, Федосеев тотчас же написал ему наспех перед отправкой в Сольвычегодск не-

большое письмо в защиту марксизма, но Михайловский поместил только отдельные выдержки из этого письма в «Русском богатстве» № 1 за 1894 г. Из Сольвычегодска, куда, как мы узнаем впоследствии, Федосеев был выслан из Владимира, он послал Михайловскому еще два больших письма — от 10—19 марта 1894 г. и от 27 февраля 1895 г. (последнее письмо подписано Федосеевым и Ив. Козиным) — объемом почти в три печатных листа. Письма эти, пролежавшие под спудом сорок лет, недавно опубликованы в «Пролетарской революции» № 1 — 1933 г. В этих письмах Федосеев в общем правильно устанавливает основы революционного марксизма: «руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству, диктатура пролетариата, уничтожение классов, создание бесклассового общества на основе развития крупного машинного социалистического производства, международный характер русского рабочего движения».

«У русских марксистов, — писал Федосеев в этих письмах, — теория с практикой не расходятся, а стремление к живому делу одушевляет их». Вопреки мнению народников, что теория марксизма будто бы обрекает его русских последователей на пассивное созерцание экономического процесса, Федосеев писал: «С самого момента возникновения крупного капиталистического производства обнаруживается антагонизм (противоречие — **С. Ш.**) между рабочими и хозяевами; антагонизм этот ведет к борьбе между ними и к борьбе подчиненного класса с государственной властью, защищающей интересы господствующих классов. Мы, идеологи рабочего класса, стремимся выяснить рабочим их собственное классовое сознание, сообщить ему научный характер и вместе с рабочими начать политическую борьбу и отстаивать общие независимые от национальности интересы всего пролетариата... Это колоссальное дело; трудность его увеличивается еще тем, что оно должно на первых порах совершаться под губительным огнем буржуазно-феодальной монархии». Так поучал 23-летний юноша, революционер и убежденный марксист, вождя либерального народничества и старого редактора журнала, считавшегося самым прогрессивным.

О полемике Федосеева с Михайловским В. И. Ленин 6 декабря 1922 г. писал: «Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению. Помню, на этой почве началась его полемика с Н. К. Михайловским, который отвечал ему в «Русском богатстве» на одно из его нелегальных писем. На этой почве началась моя переписка с Н. Е. Федосеевым... Насколько я помню, моя переписка с Н. Е. Федосеевым касалась возникающих тогда вопросов марксистского или с.-д. мировоззрения...».[1]

К сожалению, переписка Ленина с Федосеевым, имевшая, конечно, громадное историческое значение, не сохранилась.

[1] Ленин, т. I, стр. 462.

ПЕРВЫЙ ОРЕХОВСКИЙ МАРКСИСТСКИЙ РАБОЧИЙ КРУЖОК

Пропагандистская работа Кривошеи среди рабочих морозовских фабрик протекала очень успешно, но скоро до сведения жандармерии и полиции стали доходить слухи, что между рабочими распространяются нелегальные книги, и в распространении их будто бы замешан письмоводитель полицейского надзирателя Кривошея. Полицейский надзиратель Парийский предложил Кривошее оставить должность и уехать из Орехова, что Кривошея тотчас же и сделал, возвратившись во Владимир 17 июня 1892 г. Департамент полиции со своей стороны предписал владимирским жандармам установить за бывшим письмоводителем усиленное наблюдение.

Кривошея пробыл в Орехове всего пять месяцев и провел там большую пропагандистскую работу: завязал сношения с передовыми рабочими, раздавал нелегальную литературу и организовал рабочий кружок.

Вести о голоде в деревне, о холерных бунтах, чтение и обсуждение нелегальных книг, новые расценки, всегда понижаемые с 1 октября, — все это усиливало недовольство рабочих. Оторванный от ореховских рабочих, Кривошея решил выпустить прокламацию и таким путем помочь рабочим разобраться в этих вопросах. Он набросал проект прокламации. Это была его первая проба. Надо было посоветоваться с товарищами. Но в это время Федосеев уехал на лето в Вязниковский уезд заниматься с детьми землемера Беллонина. Остальные, более опытные члены кружка, тоже куда-то разъехались. Из старых кружковцев во Владимире оставался только один Иванов-Охлонин, упорный народоволец. Кривошея обратился к нему за советом и они вместе окончательно отредактировали текст прокламации. Брат Н. Л. Сергиевского — Михаил Львович — перепечатал прокламацию на нашей пишущей машинке, размножил на гектографе, а морозовский рабочий И. К. Штиблетов привез ее из Владимира и распространил в Орехове при участии товарищей. В целях конспирации в прокламации подчеркивалось, что она исходила от рабочих. Это было первое обращение нашего кружка к рабочим, и потому я привожу его дословно.

«От рабочих-социалистов.

Товарищи! Холера уже близка к нам. От нее помирают люди в Нижнем, начали помирать и во Владимире. Холера — болезнь заразная, прилипчивая, зараза переходит от одного человека к другому, от больного к здоровому. Как уберечь себя от заразы — этому научат вас доктора и студенты-медики, которых и надо слушаться всякому, кто хочет остаться жив и здоров. Многие из вас не понимают этого и болтают, что заразу разносят доктора и

студенты, которые будто бы льют в колодцы яд, отравляют съестные припасы и т. п. Товарищи! Неужели вы поверите такой чепухе. Неужели вы не сумеете отличить своих врагов от друзей, которые заботятся о вас и лечат вас. Да, нас отравляют, но не студенты, а хозяева-фабриканты, заставляя работать по 14 часов в сутки в грязных и душных фабриках, постоянно уродуя и калеча нас на плохо огороженных машинах, заставляя изнывать под непосильной работой наших жен и детей, выдавая нам такую плату, на которую еле можно не помереть с голоду. Зараза идет к нам и как ей не разгуляться среди изморенного работой и плохой пищей народа.

Нам нужно потребовать от хозяев-фабрикантов, чтобы на все холерное время они увеличили заработную плату, уменьшили рабочий день до 8 часов и прекратили работу детей. Добром фабриканты на это не согласятся, нужно заставить их силой. Царь и его правительство, правда, на стороне фабрикантов, царские войска уже посланы по фабрикам, но если мы дружно возьмемся за дело, то получим то, что хотим. А как добиться того, чтобы правительство стояло за рабочих, а не за фабрикантов — дело это большое и трудное, и об нем мы постараемся поговорить с вами в другой раз. А теперь скажем только, что главная причина холеры — это голод прошлого года; зараза идет из тех губерний, где голодный народ давно уже помирает от тифа и от цынги, а теперь от холеры. И опять-таки царское правительство виновато в этом: оно обездолило крестьян и довело их до голодовки. Пока власть будет в руках царя, а не в руках выбранных самим народом лучших людей, до тех пор будет в России и голод, и зараза.

20 июля 1892 г.».

В августе возвратился с урока Федосеев и пришел в большое волнение от прокламации. Призыв «нужно заставить их силой» он считал безусловно вредным тогда. При наличии сильного возбуждения среди рабочих он боялся, что правительство жестоко расправится с рабочими, если они позволят себе насильственные действия в отношении фабричного имущества или лиц фабричной администрации. Федосеев считал, что «опасность бунта», при отсутствии на месте правильного руководства, не исключена. Поэтому 30 августа он вместе с Кривошеей поехал в Орехово и остановился в квартире учителя А. Е. Предтеченского, на фабрике Викулы Морозова. Там они устроили собрание. На нем присутствовали не только члены кружка, но и рабочие, выдвинувшиеся за последнее время в связи с рас-

пространением прокламации «от рабочих-социалистов». На собрании были выработаны требования на случай возникновения стачки.

На это собрание попал кузнец с фабрики Саввы Морозова — М. С. Клюев. Как оказалось впоследствии, он еще во время морозовской стачки 1885 г. поднес губернатору какую-то «книгу», полученную им от рабочих, за что получил благодарность от губернатора. Желая, по его словам, «принести пользу правительству и угодить начальству», он «начал наблюдать за рабочими» и с этой целью познакомил с членами кружка Яковом Леонтьевичем Попковым, Иваном Кузьмичом Щиблетовым (Штиблетовым) и Алексеем Федоровичем Лекторским (Алекторским) полицейского урядника Наумова. Последний, с той же целью наблюдения за рабочими, определился в сторожа на фабрику С. Морозова, рекомендуясь окружающим «бывшим старшим дворником, административно высланным из Петербурга, человеком ихней партии, готовым на что угодно». Получая нелегальные книги от своих новых знакомых, он распространял их среди других рабочих. Одним словом, урядник Наумов был типичным провокатором.

Но дело не ограничилось этим собранием. Узнав о приезде нового агитатора, рабочие стремились познакомиться с ним. Несмотря на свое решение держаться осторожно, Федосеев при встрече с рабочими увлекся и провел еще ряд бесед то в квартирах членов кружков, то в лесу, выступая под видом рабочего, прибывшего из Москвы. Речи Федосеева отличались ясностью мысли, простотой, неотразимой логикой и особенной задушевностью. Это были речи не холодного рассудка, а пламенного сердца. Речи Федосеева—как передавал Кривошея—производили на морозовских рабочих сильнейшее впечатление. Рабочие одобряли оратора, соглашались с предложенным им планом организованной борьбы; они запомнили своего оратора, рассказывали о нем другим рабочим. Содержание речей переходило из уст в уста, и в конце концов слухи об этих речах дошли до ушей доносчиков и жандармов...

После одного из собраний, происходившего вечером 30 августа, Федосеев в квартире Предтеченского составил на двух больших листах «программу действий», в которой изложил следующие мысли:

«На заводе большинство рабочих сознало общность своих интересов с рабочими всего мира и под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» объединилось для борьбы с капиталистами за улучшение своего положения. Они добились некоторой свободы печати, сходок и союзов и несколько улучшили свое экономическое положение. В России рабочие еще не пришли к сознанию общности интересов между всеми рабочими; еще не прониклись мыслью, что, только объединившись в крепкий союз, они могут повести с капиталистами упорную борьбу,

которая должна «завершиться полной победой рабочих, полным освобождением от угнетения, освобождением от рабства капитала». Но эта борьба не должна сопровождаться разгромом фабрик, избиением администрации и полиции. Когда русские рабочие объединятся, они будут настойчиво добиваться политической свободы и улучшения своего экономического положения. «Я считаю, — писал Федосеев, — за величайшее счастье для себя сообщить вам в заключение программу, предложенную учителем рабочих всего мира Карлом Марксом». И Федосеев привел заключительные фразы из Манифеста коммунистической партии: «Социал-демократы позорным считают скрывать свои воззрения и намерения. Они открыто объявляют что их цели могут быть достигнуты насильственным ниспровержением всего существующего строя. Пусть господствующие классы трепещут перед восстанием и победой рабочих. Рабочие (когда объединятся в крупную силу) ничего не могут потерять в восстании кроме своих цепей, а приобретут целый мир. Рабочие всех стран, объединяйтесь». (Эта выдержка была цитирована Федосеевым не совсем точно: очевидно, Федосеев приводил ее на память.) Оставивши у Попкова эту «программу действий», Федосеев и Кривошея вечером 31 августа уехали из Орехова во Владимир. Перед отъездом Кривошея зашел к полицейскому надзирателю Парийскому, чтобы замаскировать характер своей поездки в Орехово. Федосеев и Кривошея считали, что цель их приезда в Орехово осталась неизвестной для жандармерии и полиции, но случилось иначе.

Провокатор — урядник Наумов и предатель Клюев дали полиции значительный материал, дополненный другим доносчиком Н. В. Наметкиным, работавшим в красильном отделении фабрики С. Морозова. Наметкин донес московскому жандармскому управлению: «У нас на фабрике «Саввы Морозова сын и К°» проживает несколько личностей, которые как-то особенно выделяются из окружающей их среды, и о которых считаю долгом вам сообщить. К числу этих личностей принадлежат А. Ф. Алекторский и А. А. Андриевский. Алекторский занимается распространением между рабочими и служащими фабрики различных книг, брошюр и прокламаций и читает их на фабрике в свободное от занятий время, конечно, в отсутствие начальства. Однажды он получил по почте целый ящик каких-то вещей и на вопросы рабочих отвечал, что получил от сына старое платье. Вскоре после получки этой посылки он принес на фабрику несколько книг, виденных мною мельком, но заглавия которых я смутно еще помню: тут были «Великий (или «всеобщий»—хорошо не помню) праздник рабочих», «Учение о социализме», «Кто чем живет»?, несколько прокламаций («Письмо к голодающим»), одна из которых была издана в марте, другая — в июне... На фабрику приезжал незнакомец, довольно прилично одетый, который заходил к Алекторскому».

В результате полиция получила подробные сведения о работе ореховского кружка. 8 сентября 1892 г. покровский уездный исправник Харкевич доносил губернатору:

«Командированный мною в м. Никольское для секретных розысков и наблюдений по делу о распространении между рабочими фабрик Морозовых революционных изданий Попковым, Лекторским и др. полицейский урядник Наумов 5 сентября определился на красильное заведение Саввы Морозова в сторожа. Утром 6 сентября М. С. Клюев познакомил его с Яковом Леонтьевым Попковым, Щиблетовым и Лекторским... Принятый в их компанию Наумов в то же утро вместе с Клюевым был в гостях у Лекторского на его квартире в с. Зуеве в доме Крикунова. Там же были Попков и Щиблетов; на это свидание Попков приглашал также Андреева, Шагова и Пожарова, но они почему-то не пришли. Здесь Попков давал Наумову посмотреть какую-то книгу, название которой он забыл, но успел отчасти просмотреть ее. В ней, по его словам, говорится, что все богатство фабрикантов, помещиков и землевладельцев приобретено руками рабочих, что нужно употребить все старания к тому, чтобы все имели одинаковые средства и т. п. Затем тот же Попков вынул из кармана два рукописных листка, объяснив, что это программа дальнейших их действий, оставленная им господином в золотых очках, который 30 августа приезжал в м. Никольское с В. В. Кривошеей, что программу эту господин в очках писал в квартире учителя на фабрике Викулы Морозова. Так как программу читать на квартире Лекторского было неудобно, то все отправились в лес, пригласив с собой некоего Гусева, ткача ткацко-отделочной фабрики С. Морозова, живущего на вольной квартире в с. Зуеве. Придя в лес к даче Зимина (за с. Зуевым), Попков, Лекторский, Щиблетов, Гусев, Клюев и Наумов приступили к «совещанию». Начали разговор с того, что программа готова—остается только приступить к делу. Все пожелали узнать содержание программы, которую и прочитали по очереди Попков и Щиблетов. По словам Наумова общий смысл программы заключается в том, что рабочий класс теряет свои силы на хозяев-фабрикантов, что необходимо отнять у фабрикантов их заводы, машины и средства и предоставить все это самим рабочим. На этом же собрании решено нанять для сходок удобное помещение, что, вероятно, будет в квартире Лекторского, откуда предполагается выселить всех посторонних квартирантов, а на содержание ее решили организовать кассу из ежемесячных взносов членов партии. В случае, если кого-либо из членов их партии уволят с работы, решили помогать ему и его семейству. Попков говорил, что для пользы дела он с фабрики С. Морозова может уволиться и поступить на фабрику Корзинкина в Ярославле, где у него есть хороший знакомый, и там он надеется успешно развить рево-

люционные идеи в среде рабочих, а Лекторский изъявил желание с этой же целью поступить на фабрику Глуховской мануфактуры в г. Богородске, но для исполнения своих намерений они в настоящее время еще не имеют средств.

Следующее собрание решили устроить 8 сентября в квартире Лекторского, который пригласил на это собрание гравера Бычкова, Пожарова и Шагова. От Лекторского Наумов получил два воззвания: «Первое письмо мужицких доброхотов к голодающим крестьянам» и «От рабочих — социалистов». Лекторский вообще советовал Наумову побольше читать, для чего и дал ему книги: «История возникновения и влияние рационализма в Европе», сочинение Г. Лекки, «Критические беседы» Маркова (вырезано из журнала «Русская речь») и «Международное рабочее законодательство» Блументаля (вырезано из журнала «Слово»), которые по прочтении просил возвратить. Тот же Лекторский говорил Наумову, что он крестьянин Александровского уезда, Андреевской волости, с. Андреевского; ранее жил в г. Александрове на фабрике Баранова, где и заразился вредными идеями от мастера-набойщика Ивана Петровича Галкина, у которого имеется громадная библиотека запрещенных книг».

Через два дня исправник Харкевич дополнительно сообщал губернатору: «Вечером 7 сентября, около 10 часов, в каморку к Михаилу Сергеевичу Клюеву явились с письмом от Попкова два неизвестных человека. Один из них назвался Григорием Егоровым Капрановым (участник известной морозовской стачки 1885 г. — **С. Ш.**) и объяснил, что он живет в Москве на фабрике Прохорова ткацким подмастерьем; другой рекомендовался фельдшером Хорьковским (он же Хорьков), но дать какие-либо сведения о своей личности уклонился. Оба они передали Клюеву две брошюры: 1) «Ежегодный всемирный праздник рабочих» Г. Плеханова (издание рабочей библиотеки, Женева, типография «Социал-демократа», 1891 г.) и 2) «Манифест коммунистической партии», соч. Карла Маркса и Фр. Энгельса (перевод с немецкого, изд. русской социальной революционной библиотеки, Женева, вольная русская типография, 1882 г.). Вместе с новыми товарищами Клюев пошел в Зуево к Алекторскому; по дороге он зашел за полицейским урядником Наумовым, которого, познакомив с приезжими, тоже пригласил с собой. У Алекторского они пробеседовали до полуночи и решили вновь собраться у Алекторского же на другой день, 8 сентября утром. Так и сделали. На этом собрании говорил Капранов о необходимости образовать кассу, о том, что у него есть масса книг, которые он в скором времени может доставить сюда. В то же время Алекторский позволил себе дерзко выражаться против особы государя императора, говоря, что он не смотрит за делом, не любит думать о бедняках и их нуждах, что министры напишут, то он пьяный подписывает, что он любит только б..... и многое другое, что Наумов не решился даже повторить.

Между прочим на собрании 6 сентября в лесу было постановлено: если кто-либо из них решится их выдать, «того стереть с лица земли». Это же решение они подтвердили и теперь, пригрозив выдавшему их пулей в лоб. На собрании присутствовали: Алекторский, Капранов, Хорьковский, Клюев и Наумов».

Донос Наметкина и рапорты исправника подробно говорят как о работе ореховского кружка, так и о его участниках. Надо отметить, что кружок через Капранова и Хорькова имел связь с Москвой и предполагал связаться с Ярославлем и Богородском.

Располагая таким богатым материалом, полиция немедленно приступила «к работе». Начались обыски, аресты, допросы. Путем очных ставок было установлено, что «господин в очках», оставивший рабочим «программу действий», не кто иной, как Федосеев. Рабочие при предъявлении им Федосеева не признали в нем «господина в очках», но учитель А. Е. Предтеченский и его брат студент-медик В. Е. Предтеченский сказали, что вместе с Кривошеей у них был действительно Федосеев. 7 сентября был арестован Кривошея. При обыске у него нашли много рукописей по рабочему вопросу с «преступным содержанием», как сказано в протоколе обыска. 10 сентября был арестован Федосеев. К ним обоим было предъявлено обвинение по 252 ст. Уложения о наказаниях (составление и распространение сочинений и произнесение речей революционного характера).

В ночь на 11 сентября полиция произвела обыски: в Орехове — у Попкова, Штиблетова и Андрея Андреевича Андриевского, причем первых двоих арестовали; в Зуеве—у Ефима Федоровича Гусева и Алекторского, арестовав обоих. По этому же делу были арестованы и находились под стражей в Москве Григорий Егорович Капранов и Федор Макарович Хорьков. Все арестованные, кроме Кривошеи и Федосеева, были рабочие. Арестованные Гусев, Штиблетов, Капранов и Хорьков были освобождены через два месяца после ареста; Попков и Алекторский — через четыре месяца, а Кривошея, как организатор кружка, и Федосеев, как «рецидивист», продолжали находиться во владимирской тюрьме. После долгих запирательств Федосеев признал, что составил для Кривошеи (так было условлено с ним) «программу действий», но в составлении прокламации «от рабочих социалистов» он не принимал участия. Кривошея признал, что он вел пропаганду и распространял нелегальные издания среди рабочих. Таким образом для жандармов было ясно все в этом деле, кроме одного пункта — кто же составил и напечатал прокламацию. Начались во Владимире поиски «преступной» пишущей машинки, а так как во всем Владимире тогда было всего четыре-пять машинок, то жандармы приступили к сличению шрифтов всех имеющихся в городе машинок. Во Владимирском окружном суде, где я в то время исполнял обязанности помощника секретаря, была одна машинка, но значительно большего размера, чем наша кружковая машинка, на которой была напечатана прокламация.

После ареста Кривошеи, рекомендованного мною полицейскому надзирателю Парийскому, я был «начеку»: очистился от нелегальных изданий и ждал прихода к себе «синих» гостей — жандармов. Однажды я засиделся долго за работой в суде и что-то переписывал на машинке. Отворяется дверь канцелярии, и ко мне быстро подходят товарищ прокурора и жандармский офицер. С изысканной вежливостью они просят меня переписать какую-то невинную, но спешную бумажку. Прекрасно понимая намерения посетителей и хорошо зная, что шрифт судейской машинки не подходит к шрифту нашей машинки, я исполнил просьбу товарища прокурора. После этого меня пригласили в отдельный судейский кабинет и подвергли тщательному допросу — при каких обстоятельствах я познакомился с Кривошеей, каковы его убеждения, и почему я рекомендовал его на место письмоводителя. Все эти вопросы я предвидел и потому совершенно спокойно рассказал, как я репетировал Кривошею, когда он учился в третьем классе; его политические взгляды и убеждения мне, конечно, неизвестны, но я знал, что со смертью отца семья Кривошеи была в тяжелом материальном положении. В. В. Кривошея нуждался в заработке, и я рекомендовал его полицейскому надзирателю Парийскому, которого тоже знал еще мальчиком. Поверили ли мне власти—не знаю, но во всяком случае формальных оснований для привлечения меня к этому делу не было, тем более, что и шрифты машинок не совпали. Хотели притянуть к этому делу Иванова, как уже отбывшего ссылку и тюрьму по народовольческим делам, но данных для привлечения его тоже было мало. Так автора прокламации полиция и не обнаружила.

Условия пребывания Федосеева и Кривошеи во владимирской тюрьме были очень тяжелые. Заключенные буквально чахли, здоровье их быстро ухудшалось. На прогулку не выпускали, письменные принадлежности иметь воспретили. Федосеев, привыкший много писать, не имел даже стола, и ему приходилось писать тайком на нарах. Федосеев засыпал прокурора и губернатора требованиями об улучшении своего положения, но все эти заявления оставались без последствий.

Положение Федосеева значительно облегчала его неизменный друг М. Г. Гопфенгауз, приехавшая одновременно с ним из Петербурга в январе 1892 г. Вскоре она из Владимира уехала и возвратилась снова 20 апреля 1893 г., когда Федосеев уже сидел в тюрьме.

Дознание по делу было закончено в течение трех месяцев и направлено к прокурору Московской судебной палаты. Жандармский полковник Воронов в своем предположении относительно наказания считал правильным вменить в наказание Федосееву и рабочему Штиблетову предварительное заключение и освободить их от всякого дальнейшего наказания. В своем заключении Воронов говорил, что против Федосеева имеется только одна улика — оставленная им рукопись. Достаточных материалов для обвине-

ния его в пособничестве и распространении среди рабочих каких-либо воззваний не имеется. «Показания Федосеева и Кривошеи о том, что поездка (в Орехово—**С. Ш.**) была предпринята Федосеевым без преступной цели, и рукопись составлена исключительно по просьбе Кривошеи, не представляются безусловно лживыми», — пишет Воронов. Жандармский полковник, по своей ограниченности, не разобрался в деле, и ему показалось слишком суровым карать человека, главным образом, за то, за что он уже был наказан и понес два с половиной года тюремного заключения.

Иного мнения оказался прокурор Московской судебной палаты: он предписал пополнить дознание.

Надежды на скорое освобождение не было, а тюремные условия очень погубно отзывались на Кривошее и особенно на Федосееве. К счастью, в тюрьме оказалось несколько надзирателей, которые старались облегчить положение Федосеева. На этих угрюмых и молчаливых тюремных стражей он производил подкупающее впечатление. Они без всякой «мзды» служили связью между Федосеевым и его ближайшими друзьями М. Г. Гопфенгауз и Сергиевским. А ночная смена надзирателей, с риском для себя, предлагала Федосееву устроить побег, но он по деликатности своей натуры не принял этой жертвы.

С ореховскими рабочими Федосееву пришлось видеться в течение нескольких часов 30 и 31 августа 1892 г. Лишь в тюрьме он близко познакомился с троими из них — Штиблетовым, Попковым и Алекторским

Иван Кузьмич Штиблетов (он же Щиблетов), 24 лет, токарь фабрики С. Морозова — потомственный пролетарий, совершенно порвавший с сельским хозяйством. Его отец уже окончательно порвал с деревней и переселился на фабрику, а сам он воспитывался исключительно в фабричной среде. Штиблетов ясно видел невозможность выйти из положения пролетария, эксплоатируемого капиталом, иначе, как при условии коренного изменения всего буржуазного строя. Будучи социалистом и признавая необходимость революционной борьбы с капитализмом, он наряду с экономической борьбой считал необходимой для пролетариата и борьбу за политическую свободу. Штиблетов представлял собой образец рабочего-социалиста, вышедшего из недр самого пролетариата. Для него нужна была только серьезная социал-демократическая школа, чтобы превратиться в вождя своего класса. Всякий раз, когда Федосеев доказывал зрелость русского пролетариата или близость момента выступления его под руководством своих вождей, он ссылался на Штиблетова, как на чистого пролетария, психология которого находилась в зависимости от социально-экономических условий, среды и воспитания.

Алексей Федорович Алекторский (он же Лекторский) — старый рабочий, служил солдатом при царе Александре II, долго

батрачил. В нем не было того молодого энтузиазма, каким отличался Штиблетов, но он с упорством взялся за революционную работу. Тюрьма не только не ослабила его рвения, а скорее подлила масла в огонь. Но по своей психологии он был наполовину рабочий, наполовину крестьянин: понимая интересы рабочего класса, втягиваясь в борьбу за его идеалы, он в то же время тянулся к земле, к крестьянскому хозяйству.

Третий сотоварищ Федосеева по тюрьме — Попков Яков Леонтьевич, 28 лет, смотритель ткацкого отдела, относился к числу тех рабочих, которые ищут знания и много читают. Воспитанный на книге, получив звание народного учителя, он скорее витал в области идей, чем участвовал в реальной жизни. По своей психологии он был интеллигент, легко воспламенявшийся и увлекавшийся, а порою впадавший в уныние. По свидетельству Федосеева он обладал недурным ораторским талантом и на massовках выступал с замечательными речами, поднимавшими настроение слушателей.

Последний — Андрей Андреевич Андриевский (он же Андреев) — бывший толстовец. «Андрей Андреевич, — говорил о нем Федосеев, — человек с мягким характером, с очень тонкой душой... Он обладает еще одним достоинством, именно—привычкой думать, довольно широким мировоззрением и, что всего важнее,— неутомимым стремлением к знанию, и мне думается, что под влиянием выработанной научной мысли он может скоро превратиться в выдающегося социалиста-рабочего. Здесь, в тюрьме, говорят, что Андрей Андреевич уступает только Мосеенку» (Моисеенко—руководитель морозовской стачки 1885 г.—С. Ш.). Федосеев писал письма Андриевскому не только из владимирской тюрьмы, но впоследствии и из Сольвычегодска. Федосеев очень ценил Андриевского и возложил на него роль посредника между владимирским кружком и ореховскими рабочими.

Между названными товарищами и Федосеевым в тюрьме завязалась оживленная переписка. Через них Федосеев подробно ознакомился с морозовской стачкой 1885 г. и собрал большой материал о руководителях этой стачки—Моисеенко и Волкове. Через этих товарищей по тюрьме Федосеев ближе познакомился с жизнью рабочих, с их запросами. Под влиянием разговоров с рабочими он пришел к решительному выводу, что для успешной борьбы пролетариата за социализм необходима политическая свобода. Федосеев стал еще более энергично настаивать на необходимости политического воспитания рабочих, создания политической партии пролетариата. Надо заметить, что участие пролетариата в революции и в повседневной борьбе с буржуазией Федосеев не мыслил иначе, как в союзе с крестьянством. Аграрные требования программы он считал чрезвычайно важными потому, что интересы пролетариата неразрывно связаны с интересами крестьянства, и аграрная часть программы выдвигается самим пролетариатом.

Прошел целый год со дня ареста Кривошеи и Федосеева, а в положении их никакой перемены не произошло: они продолжали сидеть во владимирской тюрьме в прежних тяжелых условиях. Здоровье обоих, особенно Федосеева, не успевшего оправиться после первой долгой одиночки, совсем расшаталось. Наконец, в результате нескольких заявлений Федосеева, департамент полиции 21 сентября 1893 г. сообщил во Владимир об освобождении Федосеева и об отдаче под особый надзор полиции впредь до окончания дела, ввиду его расстроенного здоровья.

К этому времени относится попытка В. И. Ленина повидаться с Федосеевым. Для встречи был назначен день освобождения Федосеева из тюрьмы. К этому дню Владимир Ильич заехал во Владимир проездом из Самары в Петербург, через Нижний Новгород, где он читал реферат. К сожалению, свидание их не состоялось. В назначенный день Федосеева не освободили из тюрьмы, а Владимир Ильич не мог более оставаться во Владимире. О своей неудачной поездке во Владимир для свидания с Федосеевым Ленин писал: «Я приехал туда в надежде, что ему удастся выйти из тюрьмы, но эта надежда не оправдалась».[1]

По выходе в последних числах сентября из тюрьмы Федосеев снова связывается с ореховскими рабочими. Но на свободе он пробыл менее двух месяцев: уже в начале ноября 1893 г. пришел приговор. Федосеев был присужден к ссылке под надзор полиции на три года в один из северо-восточных уездов Вологодской губернии; Кривошея—к двум годам одиночного тюремного заключения с высылкой после отбытия этого наказания, на три года под надзор полиции также в один из северо-восточных уездов Вологодской губернии; Попков получил год тюремного заключения; Алекторский — пять месяцев; Гусев — четыре месяца; Блинов — один месяц; Андриевский — две недели, а Штиблетову было зачтено в срок наказания предварительное заключение. 16 ноября 1893 г. Федосеев снова был арестован и заключен во владимирскую тюрьму. На другой день после ареста он просил губернатора избавить его от этапного следования и разрешить ему ехать на место ссылки за свой счет. «Я, — писал Федосеев,— по распоряжению департамента полиции был освобожден из-под ареста по причине расстроенного здоровья. Состояние моего здоровья за краткое время свободы не улучшилось. Этапное следование и продолжительное заключение в тюрьме, вследствие приостановки этапов,—мне совершенно не под силу». Но самодержавие и тут не пощадило больного человека. Губернатор отказал в просьбе, и Федосееву с Кривошеей предстояло пережить все тяжести этапного следования.

---

[1] Ленин. Собр. соч., том XXVII, стр. 376.

24 ноября 1893 г. Федосеев был отправлен этапным порядком в Сольвычегодск, а Кривошея несколько позднее—в петербургские «Кресты». В день отправки Сергиевский виделся с Федосеевым. Последний лично передал Сергиевскому письмо, в котором, давая прекрасный отзыв о рабочем Андриевском, рекомендовал Сергиевскому «завязать прерванные отношения с Ист., Алект., Гус., Пожар., Инюшиным, Шаговым, Летавиным, Волковым Иваном и отчасти с Попковым. Прежде всего для Алект., Гус., Штибл., Попк. и самого Андрея Андреев, необходимо сыскать места, работу. А в продолжение их сиденья—материальную помощь им и семье. Алект. необходимо направлять через Андр. Андр., на что он дал полное согласие». Далее в этом же письме Федосеев рекомендует снабжать рабочих книжками вроде «Чем люди живы?» Дикштейна, «Манифест ком. партии», «Развитие научного социализма». «Хорошо бы попросить в Москве списать или «ремингтографировать» статьи Аксельрода, В. Засулич о «рабочем движении» на Западе и у нас; переводную статью Маркс—Эвелинг об участии в революционном движении русских рабочих, критическую статью Плеханова о Каронине». В заключение — трогательная забота о В. В. Кривошее, который пока еще оставался во владимирской тюрьме. «Похлопочите, — пишет Федосеев, — о доставке В. В. книг, я отобрал их у П. М., но они до сих пор не принесены Натальей. Хорошо бы достать для него Грина («История английского народа» — С. Ш.) и чего-ниб. еще».

Письмо было строго конспиративное, в нем указывались десять ореховских рабочих, с которыми Федосеев рекомендовал поддерживать связь. Тем не менее Сергиевский не уничтожил его, а сдал на хранение брату М. Л. Сергиевскому, у которого оно и было взято при обыске вместе с другой нелегальщиной 14 мая 1895 г. Ввиду указания Федосеева на роль Андриевского по сношению владимирского кружка с ореховскими рабочими, у Андриевского производится обыск, во время которого полиция нашла письма Федосеева из Сольвычегодска. Естественно, жандармерия сделала вывод, что даже из места ссылки Федосеев продолжает вести пропаганду марксистских идей среди рабочих. Возбуждается новое дело. Федосеева снова арестовали и отправили этапным порядком во Владимир, где он снова сидит за тюремной решеткой вместе с Н. Л. Сергиевским и Андриевским. Федосееву было поставлено в вину, что он «путем письменных сношений вошел в соглашение с лицами, привлекавшимися с ним во Владимире в 1892—93 гг. за распространение революционных идей среди рабочих».

На этот раз Федосееву пришлось просидеть во владимирской тюрьме больше года. И только 6 октября 1896 г. состоялось царское повеление: Федосеева сослать в Восточную Сибирь на пять лет, а приговор от 27 октября 1893 г. оставить без дальнейшего исполнения; Сергиевского и Андриевского

подвергнуть тюремному заключению: первого — на восемь месяцев и второго — на четыре месяца, с последующим надзором полиции и воспрещением после отбытия наказания проживать в целом ряде городов.

Федосееву предстояло отправиться в новое этапное следование с долгим пребыванием в пересыльных тюрьмах, следование в далекую Сибирь, где в то время железнодорожный путь был открыт только до Красноярска, Енисейской губернии.

Федосееву пришлось сравнительно долго пробыть в московской Бутырской тюрьме. Здесь, в Бутырках, Федосеев познакомился с участниками «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса» — Г. М. Кржижановским, В. В. Старковым, А. А. Ванеевым П. К. Запорожцем и другими, приговоренными по одному делу с В. И. Лениным к ссылке в Восточную Сибирь. Федосеев особенно подружился с Кржижановским, который со своей стороны был в восторге от Федосеева. При составлении сборника воспоминаний о Федосееве А. И. Ульянова-Елизарова передавала мне, что товарищи В. И. Ленина, сидевшие вместе с Федосеевым в Бутырской тюрьме, «были совершенно очарованы им, и самые восторженные отзывы о нем поступали от них как в письмах, так и в рассказах на свиданиях». Но среди высылаемых в Сибирь политических были два-три человека (Юхоцкий, Оленин), которые распространяли злостную клевету о Федосееве, обвиняя его, как старосту политических, в сокрытии денег, полученных от нелегального Красного креста. Это была гнусная ложь. Федосеев меньше всего думал о личном благополучии: он передавал в общую кассу даже те деньги, которые лично получал от своих друзей для поправки своего здоровья. А дело было в том, что Федосеев получил небольшую сумму денег для устройства побега одного ссыльного, но в целях конспирации он об этом никому не говорил.

26 февраля 1897 г. Федосеев был отправлен в Сибирь и в половине мая прибыл в место своей ссылки — в г. Верхоленск Иркутской губернии. К несчастью, сюда же в Верхоленск попал и оклеветавший его Юхоцкий. Тотчас же по прибытии в Верхоленск он возобновил кампанию клеветы против Федосеева, здоровье которого и без того было окончательно подорвано тюрьмами, этапами и ссылками. Живой, общительный, веселый собеседник, Федосеев стал замкнутым, задумчивым, начал все более чуждаться товарищей. Они заметили, что Федосеев, уходя из дома, часто брал с собой револьвер. «Это обстоятельство, — вспоминает один из его друзей, — заставило всех усилить за ним наблюдение и уже не спускать с него глаз. Несмотря на бдительность товарищей, он иногда внезапно куда-то исчезал: поднималась суматоха, поиски за городом, в лесу... 26 июня 1898 г. Федосеев ушел в лес и выстрелил в себя. Пуля прошла несколько ниже сердца. Перенесенный в избу ближайшего това-

рища, он прожил еще девять часов и скончался от вызванного внутренним кровоизлиянием паралича сердца. Он сохранял сознание до последней минуты своей жизни». Окружавшим его товарищам по ссылке он говорил: «Нет больше сил: с семнадцати лет по тюрьмам и этапам... десять лет такой жизни подорвали силы... Сейчас много работы и работы интересной... Надо работать, а я работать не могу... А жизнь так интересна, так хочется жить... Но нет, нельзя...».

О смерти Федосеева пошли заявить в полицию, а там сказали, что получена бумага о переводе его невесты Гопфенгауз из Архангельска в Верхоленск. Скорбную весть о смерти Федосеева Гопфенгауз получила в Архангельске 16 июля 1898 г. и через день застрелилась

По поводу смерти Федосеева и Гопфенгауз В. И. Ленин 16 августа 1898 г. из ссылки (с. Шушенское, Енисейской губернии) писал своей сестре А. И. Ульяновой-Елизаровой: «...Вместе с твоим письмом получил известие из Архангельска, что М. Г. (Гопфенгауз — С. Ш.) тоже застрелилась (18/VII), получив 16/VII известие о кончине Н. Е. Ужасно это трагическая история! И дикие клеветы какого-то негодяя Юхоцкого (политический ссыльный в Верхоленске) сыграли в этом финале одну из главных ролей. Н. Е. был страшно поражен этим и удручен. Из-за этого он решил не брать ни от кого помощи и терпел страшные лишения. Говорят, дня за два-три до смерти он получил письмо, в котором повторялись эти клеветы. Чорт знает, что такое! Хуже всего в ссылке эти «ссыльные истории», но я никогда не думал, чтобы они могли доходить до таких размеров! Клеветник был открыто и решительно осужден всеми товарищами, и я никак не думал, что Н. Е. (обладавший некоторым опытом по части ссыльных историй) берет все это так ужасно близко к сердцу...».[1]

Федосеев умер двадцати семи лет. За десять лет своей сознательной жизни, начиная с семнадцатилетнего возраста, он более пяти лет провел в тюрьме, а остальное время—в ссылке и под полицейским надзором. Проклятое самодержавие вымотало все силы у этого замечательного человека и довело его до самоубийства. «Работы много, работы интересной, но нет сил...» Как тяжело революционеру умирать с таким сознанием. Также безжалостно убило самодержавие и Кривошею, доведя его до сумасшествия. После двух лет одиночки милый Кривошея психически заболел в «Крестах», а затем был освобожден из тюрьмы и отправлен к матери во Владимир, где и умер 22 июня 1910 г., будучи психически больным более шестнадцати лет.

Погибли и основные работы Федосеева о крепостном и пореформенном хозяйстве, начатые еще в 1889 г. в казанской тюрьме

---

[1] В. И. Ленин. Собр. сочинений, т. I, стр. 462.

и продолжавшиеся во Владимире, Сольвычегодске и Верхоленске. Свои работы Федосеев завещал Г. М. Кржижановскому, который в то время, после трехлетней ссылки, служил на станции Тайга Сибирской жел. дороги. Вскоре после смерти Федосеева его товарищи по ссылке переслали Кржижановскому корзину с работами Федосеева, но в этой корзине, по заявлению З. П. Невзоровой-Кржижановской, не было какого-либо целого труда, а было много выписок, ценных заметок и комментариев. Надо было все это передать какому-нибудь товарищу для систематизации и обработки, но такого человека в Тайге не было. «А в это время, — говорила мне Кржижановская, — после нашей с мужем заграничной поездки жандармы очень назойливо стали следить за нами. Со дня на день мы ждали обыска и корзину с рукописями Федосеева передали на хранение бывшему ссыльному Ковалевскому, которого Кржижановский устроил на работу при станции. Через несколько дней приходит к нам Ковалевский, очень смущенный: его жена со страха сожгла корзину с рукописями...».

О судьбе работ Федосеева имеются еще такие данные. В 1907 г. редактор соц.-дем. издательства «Вперед» М. С. Ольминский получил для напечатания рукопись Федосеева на пожелтевших от времени листах. Он признал работу ценной и отдал распоряжение набирать рукопись, но в это время явилась полиция и арестовала все рукописи. В архиве департамента полиции рукописи Федосеева не оказалось, возможно, что она попала в архив Петербургского окружного суда, сгоревшего в феврале 1917 г.

Из всего написанного Федосеевым, а он писал очень много, сохранилось всего несколько писем из владимирской тюрьмы и Сольвычегодска. Особый интерес представляют два письма, присланные Федосеевым рабочему Андриевскому. Громадное письмо под заглавием «Откуда и как произошел русский рабочий класс» представляет собой прекрасную брошюру, написанную простым и ярким языком. Недаром Федосеев неоднократно говорил, что надо писать так, чтобы написанное всегда было понятно рабочему. Так, от всех работ Федосеева осталась ничтожная крупица, остальные, ценные по общему отзыву, работы погибли.

ПОЕЗДКА В ПИТЕР И ВСТРЕЧА С В. И. УЛЬЯНОВЫМ И ЕГО ТОВАРИЩАМИ ПО ПЕТЕРБУРГСКОМУ СОЮЗУ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

Приближался конец 1893 года. Кончился и мой четырехлетний кандидатский стаж. В это время освободилось место городского судьи в г. Шуе, и общее собрание членов окружного суда представило меня на эту должность. Представление пошло в Петербург на утверждение министра юстиции, а в это

время открылась вакансия судьи в Иваново-Вознесенске. Я пожалел, что попаду в Шую, а не в Иваново-Вознесенск. Но совершенно случайно судьба оказалась благосклонной ко мне: в министерстве нашелся свой кандидат, которого и назначили в Шую, а меня — в Иваново-Вознесенск. Я радовался, что буду работать в самом крупном фабричном центре Владимирской губернии.

В 1893 г. я познакомился с учительницей Владимирской женской гимназии С. П. Невзоровой, которая через пять лет стала подругой моей жизни. Осенью этого года она уехала в Питер на высшие женские курсы. Со времени отъезда С. П. Невзоровой на курсы я получил от нее несколько писем, в которых она описывала Петербург. Получив месячный отпуск, я поехал в Питер.

После ясных морозных дней во Владимире я попал в Питере в неприятный густой туман грязножелтого цвета, который скрывал прекраснейшие здания города. Первое впечатление от города было тусклое и бледное, но напряженная культурно-политическая жизнь, бившая ключом, особенно после владимирского болота, захватила меня.

Научных и художественных сокровищ здесь было значительно больше, чем в Москве. Музей Александра III (ныне Русский музей), Эрмитаж, сокровищница мировых художественных ценностей, зоологический музей, публичная библиотека, ботанический сад, геологический кабинет, — все это было незабываемо ярко и ново. Я слушал нескольких профессоров Петербургского университета, в том числе подвижного, как ртуть, Лесгафта. Ездил два раза в рабочий театр на Шлиссельбургском тракте. Если не ошибаюсь, это был первый в России театр, где актерами были рабочие. Небольшой театр до отказа был переполнен студенческой молодежью и рабочими, очевидно, металлистами, хорошо одетыми по сравнению с владимирскими ткачами и прядильщиками. В театре я познакомился с Глебом Ивановичем Успенским. Он тогда — по выходе из психиатрической больницы — производил тяжелое впечатление. Скорбное лицо, как бы виноватый и испуганный вид, блуждающие глаза... таким представляется мне теперь Успенский, властитель наших дум и чаяний в прошлом. А пытливая молодежь, не зная о болезни Успенского, окружала его плотным кольцом и спрашивала: «Глеб Иванович, Глеб Иванович, скажите, как нам жить, что нам делать?». Успенский задумчиво смотрел на молодых людей и молчал...

Побывал я на уроках в одной из воскресных школ на Шлиссельбургском тракте, где студенческая молодежь по вечерам занималась бесплатно с рабочими: под видом, например, изучения географии знакомили рабочих с основами республиканского и конституционного строя, говорили о положении рабочих на Западе и у нас, а на уроках истории говорили о революционном

движении. То же самое происходило и на уроках русского языка, и литературы. Даже некоторые преподаватели арифметики подбирали материал для задач из повседневной жизни рабочих и таким образом направляли их внимание на злободневные вопросы их быта и отношений с капиталистами. И все это надо было делать с большим уменьем, так как за этими школами начальство зорко следило. Если, например, во время беседы об английской конституции входил в класс кто-нибудь из начальства, то учительница без смущения продолжала: «Итак, теперь мы знаем, что Волга с притоками впадает в Каспийское море...», и дальше шла беседа о водных бассейнах в России.

Эти школы пользовались громадной популярностью среди питерских рабочих и подготовили многих выдающихся революционеров (И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов и др.).

Так, в течение месяца, не теряя ни часа, я изучал все интересное в Питере... Но самое важное, незабываемое для меня было — знакомство с В. И. Ульяновым и другими членами того выдающегося кружка марксистов, который впоследствии получил историческое название «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса». Познакомился я с членами кружка через С. П. Невзорову и ее сестру Зинаиду Павловну.

Прошло с тех пор 46 лет, а я и сейчас живо представляю Г. М. Кржижановского, спокойного и сдержанного В. В. Старкова, коренастого, рассудительного и скромного А. А. Ванеева, энергичную с розовыми щеками и блестящими глазами А. А. Якубову, нервного и подвижного М. А. Сильвина, веселых и жизнерадостных сестер Невзоровых. А во главе этой группы стоял Владимир Ильич Ульянов. Своей необыкновенной начитанностью, несокрушимой логикой и горячим темпераментом он произвел на меня громадное впечатление. Меня, несколько робкого провинциала, привлекала и пленяла жизнерадостность, простота и задушевность этих товарищей. Порою здесь раздавался молодой, задорный смех Владимира Ильича, который обычно смеялся заразительно, от всей души: так откровенно смеются только хорошие люди и дети. Сразу было видно, что Владимир Ильич является авторитетным руководителем кружка, хотя только 31 августа 1893 года приехал из Самары в Питер, а кружок состоял из прекрасно образованных марксистов. Владимир Ильич был на голову выше остальных товарищей, тем не менее он так просто и по-товарищески подошел ко мне. Владимиру Ильичу тогда было всего 23 года, но он казался значительно старше своих лет. Ему можно было дать 28—30 лет. Членов этого кружка по их начитанности и образованности называли «стариками», в отличие от других марксистских студенческих кружков. У Владимира Ильича — большой крутой лоб с кольцами рыжеватых волос вокруг значительной тогда уже лысины, худощавое лицо

с редкой небольшой бородкой. Но особенно замечательны были проникновенные глаза Владимира Ильича. Казалось, что у него не пара, а тысяча глаз, которые видели насквозь человека. Перед такими проникновенными глазами — я уверен — никто ничего не мог скрыть.

Владимир Ильич немного картавил, но это «грассирование» придавало какую-то особенную гармоничность и приятность его речи. Помню, однажды Владимир Ильич, я и еще несколько товарищей выходили от Невзоровых. При выходе, как это часто бывает, мы несколько задержались. Владимир Ильич был в ватном пальто с мерлушковым воротником. Надвигая черную мерлушковую шапку на уши, он сказал какую-то веселую остроту. Все громко рассмеялись. «Ну,а теперь, — шутливо прибавил Владимир Ильич, — ударим по всем трем». Это была его любимая поговорка, когда предстояла какая-нибудь большая работа.

Владимир Ильич целыми днями просиживал в публичной библиотеке. В свой приезд в Питер я раза два был в этой библиотеке и каждый раз видел, как Владимир Ильич, окруженный горою книг, читал и делал какие-то выписки. Из-за груды книг виднелся только его большой прекрасный лоб.

В кружке, как я знал, было много разговоров и споров по вопросу о значении рынков в развитии русского капитализма. Кружок вел отчаянную борьбу с народническим мировоззрением, в то время еще широко распространенным среди молодежи, но уже значительно поколебленным марксизмом. Меня, тогда уже убежденного марксиста, более интересовала практическая работа кружка среди рабочих. Отдельные члены этого коллектива имели маленькие кружки, в которых занимались с рабочими. Вообще кружок стремился войти в рабочую гущу, изучить положение рабочих и затем при помощи листков вести агитацию, связывая экономические требования с политическими.

Как всем известно, всю эту программу под руководством Владимира Ильича «Союз борьбы» выполнил целиком.

Меня, как будущего ивановца, представителя промышленного района, кружок и в частности Владимир Ильич встретили очень дружелюбно. Тогда же, или несколько позднее, был выработан особый вопросник о положении рабочих. Этот вопросник послужил для меня необходимым руководством в моей дальнейшей работе по собиранию сведений о положении ивановских рабочих. Один экземпляр этого вопросника-программы я получил и для Иванова.

С членами кружка и в частности с Владимиром Ильичем в то время я виделся несколько раз в комнате сестер Невзоровых на 7-й линии Васильевского острова (дом 74, кв. 10). Комната была довольно просторная, с одним окном, а меблировка состояла из двух кроватей, большого дивана и нескольких стульев.

Никаких украшений на стенах не было. Невзоровы платили за комнату десять рублей в месяц — такова была тогда обычная цена студенческих комнат. Квартирной хозяйкой у них была простая финка, плохо понимавшая по-русски, что было очень удобно в целях конспирации.

В результате моих бесед с членами кружка было установлено, что я буду связующим звеном между питерским кружком и ивановцами. Кружковцы дали мне шифр для сношений с ними и обещали снабжать нелегальной литературой, а я должен был присылать в Питер сведения о положении иваново-вознесенских рабочих и особенно о стачках. Когда Владимир Ильич в разговоре со мной узнал, что я давно собираю подобные сведения и в частности имею некоторый материал о морозовской стачке, он усиленно рекомендовал мне написать агитационную брошюру об этой исторической стачке.

Перед отъездом я получил от кружка несколько нелегальных книг.

Об издании популярных брошюр тогда еще не было разговора, но в 1895 г. и особенно в 1896 г. «Союз борьбы» издал ряд прекрасных брошюр, использовав для этого народовольческую типографию на Лахте (возле Питера).

В ту же поездку я побывал на университетском празднике, ежегодно проводившемся в день основания петербургского университета — 8 февраля. Билеты на праздник выдавались с большим разбором. Через Невзорову и мне удалось попасть на праздник. В Москве тоже каждый год отмечался день основания Московского университета — 12 января, но в то время он часто сопровождался пьянством студентов по трактирам и ресторанам. Полиции в этот день предписывалось не чинить препятствий разгулу. Этот пьяный «Татьянин» день вызывал во мне всегда горькое разочарование... Вечеринка, на которую я попал, произвела на меня самое приятное впечатление. В нескольких громадных комнатах собралось 400 — 500 курсисток и студентов, одетых в разные формы петербургских высших учебных заведений. Преобладали студенты университета — «виновник торжества» — и затем технологи и лесники, как наиболее революционный элемент среди питерского студенчества. Кроме чаю и бутербродов здесь ничего не было. Но зато во всех углах происходили горячие споры. Везде были группы молодежи в тридцать—сорок человек, обычно окружающие спорщиков — марксистов и народников. Удачный словесный удар по противнику вызывал горячие аплодисменты сторонников победителя. Среди этой молодежи, казалось, было значительно больше сторонников марксизма, чем народников. Члены кружка, с которым я познакомился, из конспиративных соображений в этих спорах участия не принимали.

Началась официальная часть празднества. Молодежь бросилась в самый большой зал, где из стульев и столов было со-

оружено возвышение, куда поднимались ораторы. Витиевато говорил профессор университета историк Кареев. Что-то непонятно и путанно излагал В. В. Водовозов, лохматый, с большой бородой и громадной шапкой черных густых волос на голове. А затем на импровизированную кафедру быстро вошел белокурый, небольшого роста, худой юноша с блестящими глазами — брат В. В. Водовозова — Николай Васильевич, марксист, начинающий талантливый писатель, рано умерший от чахотки. Он говорил горячо, страстно, призывал пробудиться от спячки и начать борьбу с правительством и капиталистами. Его заключительные слова «протестуем, протестуем» всеми были поняты как страстный призыв к революции. Все, кто был на этой вечеринке, до сих пор вспоминают выступление этого пылкого и талантливого юноши. «Начинаются новые времена, Россия идет к революции», — подумали многие из участников этой знаменательной вечеринки.

В Питере я познакомился еще с марксистом — студентом горного института А. Н. Рябининым, который, как оказалось, на каникулы всегда приезжал в фабричное село Кохму, в 13 километрах от Иванова. Впоследствии он вел в Кохме значительную революционную работу.

ВСТРЕЧА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ МОСКОВСКОЙ МАРКСИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ — А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ и С. И. МИЦКЕВИЧЕМ

Перед отъездом из Питера Владимир Ильич дал мне адрес своей старшей сестры Анны Ильиничны, которая в то время жила в Москве со своим мужем, Марком Тимофеевичем Елизаровым, служившим тогда в управлении Московско-Курской жел. дороги. Владимир Ильич очень рекомендовал познакомиться с сестрой, говоря, что это будет полезно для нашей работы в Иванове. Сейчас не помню, проездом ли из Питера, или несколько позднее, я познакомился с Анной Ильиничной. Она сразу произвела на меня очень приятное впечатление: блестящие, темные глаза и живая речь говорили о ее уме, энергии и настойчивости. С первой же встречи у нас сразу установились дружеские отношения и с тех пор не прекращались вплоть до ее смерти в 1935 г. Я имел большое счастье быть в довольно близких личных и деловых отношениях со всей семьей Владимира Ильича. Анна Ильинична тогда уже, в 1894 г., была убежденной марксисткой и принимала большое участие в работе московской социал-демократической организации. Отличаясь, как и все Ульяновы, необыкновенной трудоспособностью, она тогда переводила для рабочих немецкие пропагандистские брошюры, перевела с немецкого драму Гауптмана «Ткачи», которая тогда была напечатана на гектографе и имела широкое распростране-

ние среди рабочих. При провалах революционных групп и кружков и приездах в Москву новых марксистов Анна Ильинична служила связующим звеном. После первого партийного съезда она тотчас же была избрана в Московский комитет РСДРП и всю жизнь была большевичкой.

Мы условились с ней о шифре и адресе для связи, она также обещала снабжать Иваново нелегальной литературой, а с меня взяла слово писать в Москву о всех событиях иваново-вознесенской рабочей жизни. На случай своего ареста или внезапного отъезда из Москвы она познакомила меня с молодым врачом Сергеем Ивановичем Мицкевичем, членом московской с.-д. организации (будущего «Московского союза борьбы за освобождение рабочего класса»). Белокурый, худой, крайне подвижной и энергичный, с военной выправкой (он окончил военную среднюю школу), Мицкевич уже тогда был хорошо подкованным марксистом. Один из основателей первой центральной Московской марксистской организации, возникшей осенью 1893 г. в составе только шести человек, — он играл в Москве руководящую роль, имея широкие знакомства среди интеллигенции и рабочих. При его ближайшем участии организация издавала для рабочих нелегальную литературу, а также получала ее из-за границы. Мицкевич обещал снабжать и ивановцев нелегальной литературой.

Таким образом через Анну Ильиничну и Мицкевича у нас установились прочные связи с Московской организацией. К сожалению, скоро Мицкевич был арестован и затем сослан на пять лет в Якутскую область. До сих пор он неизменно работает в рядах ВКП(б) и написал ряд статей по истории революционного движения. В 1937 г. вышла книга его воспоминаний «На грани двух эпох». В ней он тоже упоминает об этом периоде: «Завязалась связь с Иваново-Вознесенском через С. П. Шестернина, с которым я познакомился у А. И. Елизаровой».

После приведения некоторых моих биографических данных и моей характеристики Мицкевич продолжает: «С осени он устанавливает связь с нами и также получает от нас литературу».

После ареста Мицкевича я поддерживал связь, кроме Анны Ильиничны, еще и с М. Ф. Владимирским, получая от него для Иванова нелегальную литературу. Перед переселением в Иваново у меня были, таким образом, установлены прочные связи с самыми крупными марксистскими организациями, а впоследствии я держал еще постоянную связь с Киевской организацией через Н. А. Вигдорчика (участника первого партийного съезда), пересылая ему материал по Иванову. Теперь передо мной стояла задача — связаться с Иваново-Вознесенской организацией, которая — по моему убеждению — должна была существовать в таком крупном пролетарском центре, подробнее узнать о жизни рабочих.

ПЕРЕЕЗД В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК И ЗНАКОМСТВО С ОРГАНИЗАТОРОМ ПЕРВОГО ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО МАРКСИСТСКОГО КРУЖКА — Ф. А. КОНДРАТЬЕВЫМ

Собрав свои пожитки во Владимире, 20 февраля 1894 г. я вместе с матерью перебрался в Иваново-Вознесенск. Внешний облик Иванова с его фабричными дымными трубами, дворцами фабрикантов и бесконечным множеством маленьких деревянных рабочих хибарок в три окна мне был знаком, когда я еще в 1889 г. ходил сюда с шуйскими гимназистами. Предстояло найти квартиру с большой комнатой для разбора судебных дел. В то время такая комната почему-то называлась «камерой». Хотелось найти квартиру в таком доме, где было бы поменьше жильцов. Скоро на Сретенской улице (ныне ул. Дзержинского) я снял за 200 рублей в год двухэтажный дом: вверху была квартира, а в нижнем полуподвальном этаже — довольно большая комната, удобная для устройства судейской камеры. В конспиративном отношении дом был настоящим кладом. С левой стороны и сзади к дому примыкали пустыри, оканчивающиеся болотистым берегом реки Уводи, и только с правой стороны, рядом, стоял маленький домик, отделенный от снятого мною дома большим двором.

От своего предшественника по службе К. А. Чихачева, переведенного на службу в г. Кострому, я получил большое «наследство» в виде 400 — 500 нерассмотренных дел. Чихачев, как подобало «благородному дворянину», жил выше своих средств, делал «займы» у фабрикантов и бывал у них на званых обедах и вечерах. Эта близость судьи к фабрикантам очень сказывалась при разборе конфликтов рабочих с фабрикантами. Таким же, как Чихачев, был и сменивший меня судья Козленко. Хотя он и происходил из так называемых разночинцев, но тоже имел сильное тяготение к фабрикантам. Видя, что фабриканты хорошо наживаются, он сделался сам маленьким фабрикантом[1]: получая от владельцев прядильных фабрик по сходной цене разные отбросы (угары), он перерабатывал их на вату на своей фабрике.

Я сразу отгородился от фабрикантов.

Свою судейскую деятельность я начал с того, что принялся приводить в порядок полученное мною «наследство». С утра до позднего вечера я разбирал судебные дела, а по вечерам писал мотивированные решения и приговоры по более сложным делам. В то время судья рассматривал дела единолично, без участия судебных заседателей, как это происходит теперь. Помимо старых дел, по моему участку поступало каждый месяц не менее 200 — 300 новых. Участок мой был самый интересный: в

---

[1] Летом 1905 г. загородная дача Козленко была уничтожена одновременно с дачами других фабрикантов.

него входили все фабрики, находившиеся в Посаде и в Дмитровской слободе. Только пять фабрик: Фокина, Ямановского, Новикова, Грязнова и Мефодия Гарелина находились на территории первого участка, а все остальные фабрики были в моем участке. После трехмесячной упорной работы, протекавшей в переполненной народом камере, я наконец, ликвидировал все «наследство».

Прошло три месяца, а за перегруженностью работой я еще не сумел связаться с местными с.-д. работниками... В это время ко мне явилась мой товарищ по Владимирскому кружку Ольга Афанасьевна Варенцова. Мы давно не видались с ней и очень обрадовались встрече. За это время она возмужала и не была такой хрупкой, как прежде. Варенцова рассказала мне, что 26 апреля 1887 г. была арестована в Москве и привлекалась по делу народовольческой организации. Четыре месяца просидела под следствием в Пречистенской женской политической тюрьме, а затем в 1888 г. отбывала по приговору шестимесячное заключение в шуйской тюрьме.

«Теперь, — говорила она, — я освободилась от народнической идеологии и прочно встала на марксистские рельсы, в Иванове веду занятия с несколькими женщинами-работницами». Она дальше сообщила, что здесь имеется небольшой социал-демократический кружок рабочих, возникший в конце 1892 г. по инициативе высланного из Питера студента-технолога Федора Алексеевича Кондратьева. В те дни Кондратьев отбывал воинскую повинность в Варшаве. По возвращении его — Варенцова пообещала познакомить меня с ним. Я, с своей стороны, видя перед собой товарища-единомышленника, рассказал Ольге Афанасьевне о своих связях с Петербургской и Московской марксистскими организациями и дал ей нелегальную литературу, полученную в Питере и Москве. Летом Варенцова еще несколько раз бывала у меня. Вместе с нею мы обсудили план собирания материалов о положении иваново-вознесенских рабочих и о борьбе их с фабрикантами. В этом отношении нам очень помог подробный вопросник-программа, полученный мною в Питере. Тем же летом 1894 г. я ездил в Нижний-Новгород к сестрам Невзоровым и привез от них еще нелегальной литературы.

Приблизительно в сентябре Кондратьев вернулся в Иваново-Вознесенск и по рекомендации Варенцовой тотчас же зашел ко мне. Прошло с тех пор больше сорока шести лет, а я живо представляю его: выше среднего роста, широкий в плечах, с розовыми щеками, блестящими глазами и непослушными черными волосами на голове. Живой, энергичный, он раскатисто смеялся. Несмотря на то, что Кондратьев только что возвратился с военной службы, военной выправки у него не было. Он был сутуловат и ходил вразвалку. Своей задушевностью и искренней простотой он произвел на меня прекрасное впечатление. С первого момента мы быстро сблизились и потом много-

Иваново-Вознесенск в начале 20 века. Вид на фабрику Н. Гарелина, теперь прядильно-ткацкая фабрика-школа имени О. А. Варенцовой.

О. А. Варенцова (снята в тюрьме в 1887 г.).

много вечеров провели вместе, строя разные планы совместной работы.

В течение нескольких вечеров Кондратьев рассказывал о себе и своей революционной работе в Иваново-Вознесенске. Родился он в 1871 г. в с. Светикове, Владимирской губернии и уезда. Отец его — крепостной крестьянин графа Салтыкова. После своего освобождения он поступил сначала приказчиком к какому-то откупщику, а затем завел в деревне свою небольшую торговлю. Отец сам не имел образования, однако стремился дать образование своим сыновьям — Алексею, Федору и младшему Ивану.[1]

«По окончании сельской школы отец всех нас, — рассказывал Кондратьев, — отдавал в Ивановское реальное училище, которое мы, старшие братья, и окончили. Скоро отец умер, и я уже с пятого класса стал давать уроки и даже помогал млад-

[1] Впоследствии все трое приняли участие в революционном движении.

шему брату, так как старший брат, по окончании реального училища, поступил в сельские учителя и из своего скудного жалованья не мог помогать нам. В 1889 г. я окончил реальное училище и осенью того же года поступил в Петербургский технологический институт. Первые месяцы в институте мне было очень тяжело в материальном отношении, но вскоре мне назначили стипендию, кроме того, я подыскал чертежную работу, и нужда миновала. С первого же курса я принял участие в студенческих организациях. За участие в одной маленькой студенческой забастовке просидел несколько дней в Коломенской части вместе со студентами Леонидом и Германом Красиными, Брусневым и другими. Под влиянием книг и, главным образом, своих старших товарищей марксистов — братьев Красиных, Бруснева и др. я стал марксистом. А немного спустя пришлось совсем покинуть институт. 13 апреля 1891 г. происходили похороны писателя Н. В. Шелгунова. В них приняли участие рабочие и студенческая молодежь. Похороны превратились в крупную политическую демонстрацию. Через два-три дня после демонстрации меня вызвали в охранное отделение, дали железнодорожный билет до Иваново-Вознесенска и предложили немедленно уехать из Питера, а для верности дали агента охранки, который и сопровождал меня до посадки в вагон.

В Иваново-Вознесенске на фабриках высланного студента нигде не принимали. Я нашел урок за 15 рублей и стал заниматься с сыном одного железнодорожного служащего. Найдя заработок, удовлетворяющий первые мои потребности, я решил усвоенные идеи марксизма проводить в жизнь: надо было поближе познакомиться с рабочими и организовать их для борьбы с самодержавием и капиталистами. Испытав на себе произвол правительства, я питал к нему глубокую ненависть. Мои детские впечатления были также связаны с насилиями правительства, а окружающая жизнь рабочих повседневно говорила о жестокой эксплоатации их капиталистами. Еще будучи во втором и третьем классах реального училища я видел дикую расправу казаков с бастующими рабочими.

Знакомство с рабочими у меня началось с деревни Куликово, где на маленькой фабрике служил тогда конторщиком мой старший брат. Куликово отстоит от Иванова километров на 15—16, и вся молодежь, работавшая на иваново-вознесенских фабриках, на праздники приходила домой. Среди этой молодежи у меня имелось много знакомых. Особенно близко я сошелся с рабочим ситценабивной фабрики Евтихием Венедиктовичем Новиковым и его сестрой Харитиной Венедиктовной, работавшей в Иванове ткачихой (впоследствии ставшей женой Кондратьева — С. Ш.). За пять рублей в месяц я нашел себе комнату в рабочем районе — в Иконникове по Афанасьевской улице в доме Соколова и в качестве соквартирантов принял к себе Е. В. Новикова и Николая Николаевича Кудряшева. Они

работали на ситцепечатной куваевской фабрике и жили до этого в фабричной казарме, где читать было почти невозможно, а они хотели чтением пополнить свое скудное образование.

К Новикову и Кудряшеву приходили товарищи, и я им стал давать привезенные из Питера книги, а иногда по вечерам читал им вслух книги и газеты; некоторых даже обучал грамоте. Начинались оживленные беседы и споры, главным образом, о тяжелом положении рабочих и о их борьбе с фабрикантами. Вскоре число моих посетителей возросло до двадцати человек, многие из них оказались довольно развитыми. Наиболее понравились им книги: «Хроника села Смурина» Засодимского, «Что делать?» Чернышевского, «Ассоциации» Михайлова, «Через сто лет» Беллами.

Под влиянием этих книг у некоторых рабочих явилась мысль заняться организацией артельных предприятий, но я отклонил этот путь и рекомендовал итти по пути германских рабочих социал-демократов [1]. Почти все собиравшиеся у нас в квартире рабочие интересовались тогда религиозными вопросами. Сделать из них атеистов было делом сравнительно нетрудным благодаря моим познаниям по естествознанию. Дальше я стал знакомить своих слушателей с идеями марксизма. Итак, моя маленькая комната сделалась настоящим рабочим «клубом». Число посетителей увеличивалось с каждым месяцем. Летом 1892 г. меня стал изредка навещать учитель церковно-приходской школы из погоста Митрофановского (в 15 километрах от Иванова) Федор Иванович Щеколдин. Он помогал мне в занятиях с рабочими и привлек в наш кружок распропагандированных им родителей своих учеников Ефима и Семена Гаравиных, рабочих ивановских фабрик.

В первых числах ноября 1892 г. мои слушатели были настолько подготовлены, что по инициативе очень начитанного чернорабочего из железнодорожного депо, Михаила Александровича Багаева, решили оформить свою организацию — первый Иваново-Вознесенский рабочий кружок. Я наскоро написал устав кружка. Образовали денежный фонд путем розыгрыша револьвера, пожертвованного одним из членов кружка, установили ежемесячный взнос в размере двух процентов с заработка, — с каждого по 20—40 копеек, так как никто из нас больше 20 рублей в месяц не зарабатывал. Казначеем кружка был избран М. А. Багаев.

Основная цель кружка уставом определялась так: организация рабочих для борьбы с капиталистами за улучшение своего положения и пропаганда социализма. Устав предусматривал организацию отдельных кружков в составе двух-трех

---

[1] Тактика германских соц.-демократов состояла в образовании рабочей политической партии и в завоевании большинства голосов в высшем законодательном учреждении (рейхстаге).

Члены первого с.-д. кружка в Иваново-Вознесенске в 1892 г.
1-й ряд. Е. В. Новиков, Ф. А. Кондратьев,
2-й ряд. Н. Н. Кудряшев, А. Д. Трегубов,
3-й ряд. М. А. Багаев, К. Н. Отроков.

человек, по мере же роста отдельных кружков они объединяются в рабочий союз данного города, а затем союзы разных городов вливаются в один Всероссийский союз, который связывается с рабочими союзами всего мира. Каждый член кружка обязывался привлекать новых членов, принимаемых в организацию по предварительной проверке двумя другими членами кружка. Кроме меня, в кружок вошли: рабочие ситцепечатной фабрики Куваева — Николай Николаевич Кудряшев — восемнадцати лет и Евтихий Венедиктович Новиков — двадцати лет, ткачи разных фабрик: Андрей Дмитриевич Трегубов — двадцати четырех лет, Кирилл Николаевич Отроков — двадцати лет, Ефим Гаравин — тридцати пяти лет, сторож ночлежного дома Семен Гаравин — сорока лет, ж.-д. . рабочий Михаил Александрович Багаев — восемнадцати лет. Я передал кружку свою библиотечку.

Тотчас же после организации кружка я был призван на военную службу и отправлен в Варшаву. Руководство организацией легло на Щеколдина и Багаева. Из Варшавы, где у меня также установились связи с местными социал-демократами, я вел оживленную переписку с ивановскими товарищами, интересуясь ходом работы, помогая советами.

С моим отъездом организация не замерла, а все более развивалась. Благодаря стараниям Багаева, Кудряшева и Новикова были привлечены в кружок новые члены, а библиотека кружка пополнена путем выписки новых книг из Москвы. Были большие затруднения с квартирой, так как кружок не мог платить даже по пяти рублей за оставленную мною комнату. Выход из затруднения нашли такой: в снятую для кружка комнату вселяли двух-трех кружковцев с платой по 1 рублю, а остальную сумму доплачивала организация. С весны 1893 г. работа кружка оживилась, так как явилась возможность собираться за городом — в поле и в лесу. А в первых числах мая 1893 г., в воскресенье, как отчетливо помнит Багаев, в сосновом бору около фабрики Витовой, было устроено нечто вроде майского праздника. В маевке приняли участие: Багаев, Кудряшев, Новиков, Ефим и Семен Гаравины, Маслов, Кареев, Косяков, Обухов, Соколов, Трегубов, Отроков и другие, всего около пятнадцати человек. Подняли красное знамя — красный платок на палке. Говорили — Багаев и Семен Гаравин — больше об организации кружка, о его целях и задачах, а не о празднике Первое Мая.

Устраивая маевку в 1893 г., члены кружка были настолько не подготовлены, что совсем еще не знали, с какой целью рабочими всего мира проводятся майские праздники.

В конце 1893 г. Багаев уехал в Нижний-Новгород, а Щеколдин, живя в 15 километрах от города, не мог часто бывать в Иванове. Тем не менее организация разрослась: при моем отъезде в кружке было семь человек, а сейчас тридцать. Вот жаль только, что мало нелегальной литературы», — так закончил свой рассказ Кондратьев.

В свою очередь я рассказал Кондратьеву о своих связях с Москвой и Питером. Так же, как и с Варенцовой, мы договорились с ним о собирании сведений, а я, кроме того, буду систематизировать этот материал и затем направлять в Питер и Москву. У меня в тот момент был небольшой запас нелегальной литературы, которую я и передал Кондратьеву. В дальнейшем, в течение нескольких лет, вплоть до моего вынужденного отъезда из Иваново-Вознесенска, я снабжал организацию нелегальной литературой в значительном по тому времени количестве. Доставка литературы была связана с большими трудностями и риском. По нескольку раз в год я ездил за книгами в Москву к С. И. Мицкевичу, А. И. Ульяновой, М. Ф. Владимирскому и в Нижний-Новгород к Невзоровым. Кроме того, дважды в год С. П. Невзорова сама привозила мне литературу. Мое положение судьи ставило меня до некоторой степени вне подозрений у жандармерии, и это давало мне возможность долгое время заниматься транспортировкой нелегальной литературы. «Петербургский союз» иногда посылал мне литературу также с курсистками и студентами, временами заглядывавшими в наши края. По этому поводу Кондратьев шутил: «Смотрите, не женитесь на курсистках: они — плохие жены, надо жениться только на ткачихах».

С Москвой и больше с Петербургом у меня была оживленная переписка. Я постоянно получал газеты с таинственными точками, а также разные «заявления» на имя судьи по гражданским и уголовным делам, а в этих заявлениях химическим способом при помощи шифра сообщались необходимые сведения из революционной жизни других организаций. Из нелегальных книг я получал тогда: «Объяснение закона о штрафах» Ленина, «Речи рабочих на 1 Мая 1891 г.», «Царь-голод» А. Н. Баха (ныне академика), «Кто чем живет?» Дикштейна, «Рабочий день», «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Речь рабочего Петра Алексеева», «Речь Варлена», «Рабочая революция», «Ткачи» Гауптмана, «Труд и капитал» Свидерского, «Наемный труд и капитал» Маркса и многие другие. Все эти брошюры, написанные в высшей степени популярно, горячо, читались тогда нарасхват и имели громадное значение для выработки классового самосознания рабочих.

ПЕРВАЯ КНИЖНАЯ ЛАВОЧКА В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ

Кондратьев бывал у меня часто. Однажды осенью 1894 г. он посоветовал мне познакомиться с кружком местной либеральной ителлигенции, собиравшимся каждую субботу в квартире директора Лепешкинского химического завода — инженера Ф. А. Еремина. Я согласился, имея в виду использовать этот легальный кружок в просветительских целях. Меня поражало,

что в таком крупном фабричном центре, где впоследствии, по переписи 1897 г., вместе с пригородами насчитывалось более 54 тысяч жителей, не было ни одного культурного предприятия для рабочих, но зато в каждом фабричном районе было два-три кабака на каждой улице, иногда содержащихся родственниками фабрикантов.

Начальных школ было поразительно мало: ежегодно до 500 детей рабочих оставались за порогом школы. Ивановская городская дума, где всеми делами заведовали фабриканты-миллионеры, на начальное образование тратила буквально гроши. Но на женскую гимназию и, особенно, на реальное училище, где учились дети фабрикантов и высшей фабричной администрации, городская дума денег не жалела.

На такой громадный город имелась всего одна публичная библиотека. Помещалась она в хорошем особняке, пожертвованном городу фабрикантом Я. П. Гарелиным. В библиотеке — мягкие диваны, ковры, везде чистота и блеск. Рабочих и всех бедно одетых не допускали в библиотеку. Театра, клуба, вообще каких-либо разумных развлечений для рабочих в городе не существовало. Не было даже ни одного настоящего книжного магазина, продавались только учебники, жития святых и лубочная литература. И, как естественный результат такой некультурности, по праздникам происходили драки, на улицах лежали пьяные. Драки иногда заканчивались встречей виновника с потерпевшим в судейской камере. Виновник просил прощения у потерпевшего, сознавая, что он поступил нехорошо. Приходилось разъяснять, делать внушения обвиняемому, уговаривать потерпевшего прекратить дело. В большинстве случаев противники мирились.

Надо было повести борьбу с этой социальной болезнью — некультурностью, темнотой и невежеством, как порождением капитализма, а последний, конечно, мог быть уничтожен только революционным путем. Смотреть безучастно на такую некультурность мы не могли и решили использовать для этого и силы либералов.

Организовать клуб, театр, библиотеку для рабочих было тогда очень трудно: помимо значительных средств надо было получить разрешение не только от губернских властей, но даже из Петербурга. Гораздо проще открыть книжную торговлю, денег для нее надо немного, а разрешение на открытие книжной торговли давала местная полиция.

С этой целью, в одну из суббот, мы с Кондратьевым отправились к Ереминым на их очередной «субботник». Здесь были: директор завода инженер Ф. А. Еремин, много сидевший в своей лаборатории над изобретением усовершенствованного аккумулятора, его бойкая жена Александра Николаевна, колорист с ситценабивной фабрики Н. Н. Плотников с женой Надеждой Уваровной, бывшей учительницей женской гимназии, инженер

В. Г. Георгиевский с фабрики Грязнова, учительницы Н. И. Миловидова, Е. И. Миловзорова, Соколова, Рыбкина и другие. Участники кружка следили за литературой, выписывали новые журналы, мечтали о конституции, но были далеки от революции. Меня, как нового человека, хозяева и их гости встретили радушно. Кондратьева здесь уже знали, и он тотчас вступил в спор, доказывая преимущество революционного метода борьбы с правительством по сравнению с эволюционным, методом постепенного развития. Его оппоненты, напротив, утверждали, что только развитие культуры выведет нас из бесправия и приведет к конституции.

— Вот давайте и будем насаждать культуру, — вмешался я в разговор и стал развивать план открытия книжной торговли. — Неужели мы не соберем несколько сотен рублей, чтобы открыть книжную торговлю?

Н. У. Плотникова и экспансивная Еремина ухватились за этот план и немедленно приступили к сбору денег. В течение нескольких дней Еремина объехала своих знакомых в городе и собрала, насколько помню, триста рублей. Затем она отправилась к полицеймейстеру Декаполитову за разрешением на открытие книжного м а г а з и н а, как значилось в ее заявлении. Декаполитов был смущен и, пожимая плечами, говорил:

— Зачем вам магазин, муж ваш получает большое жалованье и живете вы отлично.

— Никаких коммерческих целей я и не преследую, магазин будет только культурным предприятием, — заметила Еремина. Это еще больше смутило полицеймейстера. Ему очень не хотелось давать разрешение, а с другой стороны он не мог отказать жене директора завода в ее сравнительно ничтожной просьбе: ссориться с фабрикантами и крупной фабричной администрацией ему было невыгодно, ибо, как я хорошо знал, все ивановские фабриканты и заводчики платили полицеймейстеру по 25 копеек в год с каждого своего рабочего.

Наконец разрешение на открытие книжного магазина было получено.

Помещение сняли на центральной торговой площади за 50 рублей в год. Теперь предстояло приобрести книг. Это я взял на себя и поехал в Москву за книгами, имея около 300 рублей. Московские культурные издательства и книжные торговцы отнеслись к нашему предприятию сочувственно и приняли все меры к тому, чтобы обеспечить нам кредит. Чета Муриновых отпустила мне достаточное количество изданных ими очень хороших книг, известный деятель по народному образованию В. П. Вахтеров добился для нас кредита у Сытина и Кувшинова (у последнего — писчебумажные и канцелярские принадлежности). В. Д. Бонч-Бруевич, который заведовал в то время прогрессивным издательством Прянишникова, также открыл нам кредит. Наконец, согласился нам помочь профессор В. А. Гольцев, кото-

Н. Н. Кудряшев (снимок 1894 г.)

рый редактировал журнал «Русская мысль» и издавал под этой фирмой популярные книжки. Словом, мне удалось использовать все прогрессивные издательства, существовавшие тогда в Москве. Везде я отбирал книги и оставлял бывшие со мной, подписанные Ереминой, векселя, заполняя их соответствующим содержанием. Всего мне удалось закупить книг приблизительно на 1500 рублей, сумма для нашего небольшого предприятия довольно приличная. Через два-три дня после моего возвращения в Иваново-Вознесенск к нам через транспортную контору стали поступать лубяные короба с книгами и канцелярскими принадлежностями.

В качестве приказчика наша социал-демократическая организация выдвинула своего члена Н. Н. Кудряшева. Лучшего выбора нельзя было придумать. Еремина доверяла мне и против этой кандидатуры не возражала. Кудряшев, в то время двадцатилетний юноша с блестящими глазами, произвел на меня

прекрасное впечатление. Родился он в 1874 г. в деревне Ширяихе, Нерехтского уезда, Костромской губернии. Отец его — типичный полупролетарий, летом обрабатывал клочок надельной земли, в остальное время года работал на фабриках. В семье, кроме сына Николая, было еще пять дочерей. Хлеба своего нехватало. Мальчик окончил два класса сельской школы в своей деревне, а когда ему исполнилось четырнадцать лет, отец угостил писаря, и тот приписал в паспорте один лишний год, чтобы дать возможность Николаю поступить на фабрику. Отец отвез мальчика в Иваново-Вознесенск и определил его на куваевскую фабрику в лабораторию.

После деревенского простора жизнь в душной переполненной фабричной казарме и работа в довольно примитивной лаборатории с вредными газами тяжело отразились на мечтательном и религиозно настроенном мальчике. Он подговорил товарища и сделал попытку убежать с ним в монастырь. Отец, узнав о побеге, бросился догонять беглецов и настиг их во Владимире. Николай снова оказался на куваевской фабрике. Скоро Кудряшев сближается с таким же, как и он, подростком Е. В. Новиковым. Они начинают читать книги, получаемые от поступившего на ту же фабрику Барышникова. В 1892 г. Кудряшев и Новиков знакомятся с Кондратьевым и принимают участие в организации первого рабочего кружка.

Таково было начало жизненного пути Кудряшева, этого прекрасного человека и впоследствии выдающегося революционера. Тихий и скромный, он был настойчив в достижении поставленных перед собой целей и свои обязанности приказчика выполнял с необыкновенной пунктуальностью. Он тщательно записывал все проданное за день и выручку сдавал Ереминой в установленные дни. Такая аккуратность была крайне необходима, ибо закупка книг происходила всегда на векселя. Векселя же учитывались нашими кредиторами в банках и должны были оплачиваться своевременно, иначе, в случае опротестования хотя бы одного векселя, мы лишились бы кредита, и наше предприятие немедленно лопнуло бы. Кудряшев же так повел дело, что за все время существования книжного магазина ни один вексель не был доведен до протеста.

Наша книжная торговля шла успешно и не нуждалась больше в денежной помощи либералов. Не взирая на свою неприглядность (все оборудование состояло из прилавка и некрашеных полок, даже не имелось вывески), — лавочка быстро привлекла к себе внимание рабочих: многие потянулись в «лавочку за рядами, где продают хорошие книги». От зарплаты у рабочих оставалось мало на духовную пищу, и нередко несколько рабочих вскладчину покупали одну книгу, тем более, что книги тогда были довольно дороги. Среди бескультурья и темноты наша лавочка стала огоньком, привлекавшим к себе все живое, все тянущееся к свету и знанию, а в лавочке находился «наш тор-

говец», зорко наблюдал за покупателями, вступал с ними в разговоры, рекомендовал книгу, расспрашивал о прочитанном и с некоторыми вступал в близкие отношения. Так Кудряшев постепенно «улавливал» среди покупателей кандидатов в рабочий кружок. При его содействии через лавочку были завербованы и впоследствии стали деятельными членами: Н. П. Грачев, Д. Л. Бутин, Н. И. Махов и многие другие. В лавочке происходили свидания членов кружка, обмен легальными и нелегальными книгами, здесь же узнавали о собраниях, квартирах и пр. Особенно часто пользовалась лавочкой в этом отношении О. А. Варенцова. По общему отзыву работников-революционеров того времени лавочка имела громадное культурное и революционизирующее значение. Она была одновременно и явкой, и справочным бюро для членов организации.

На «огонек» лавки пришел однажды странного вида человек, высокий, с большой бородой, страшно худой. Это был Евдокимов.

Зайдя в нашу лавочку, Евдокимов познакомился с Кудряшевым, а через него с Кондратьевым и осел в Иванове. Будучи народником, Евдокимов к тому времени идеями народничества не удовлетворялся. Под влиянием Кондратьева он быстро становится марксистом и входит в организацию.

МАЕВКА В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ 1895 г.

Благодаря энергичной работе Кудряшева число членов кружка стало значительно увеличиваться. Ширились связи с рабочими.

В первое воскресенье мая 1895 г. было решено отпраздновать маевку.

Это уже был настоящий Майский праздник в Иваново-Вознесенске.

В назначенный день после обеда члены кружка, в одиночку и небольшими группками, потянулись из города к реке Талке и, перейдя мостик, направились по Афанасьевскому тракту. Оставив по дороге патрульных, товарищи пошли лесом на заранее указанную полянку и расселись вокруг небольшой березки, на вершине которой водрузили красный платок.

Патрульные указывали путь запоздавшим.

На маевке присутствовали: Ф. А. Кондратьев, Евдокимов, Н. Н. Кудряшев, Н. И. Махов, Н. П. Грачев, К. Г. Шаров, К. Н. Отроков, А. Д. Трегубов, А. Ф. Обухов, Василий и Борис Беловы, П. В. Ерофеев, И. М. Кукин, И. П. Соколов, Семен и Ефим Гаравины, И. Н. Раков, Романов, а также железнодорожный рабочий Василий Закс и В. И. Муравьев, оказавшиеся впоследствии предателями. Всего собралось около тридцати человек.

Первым говорил, вернее читал по бумажке, свою речь Кондратьев, вторым—Евдокимов, последним—Обухов. Это был первый опыт публичного выступления товарищей, поэтому их речи не отличались внешними достоинствами, но были просты и понятны собравшимся и вдохновляли их на дальнейшую борьбу.

— Майский праздник, — говорили ораторы, — установлен в 1889 г. в Париже на международном социалистическом конгрессе рабочих и свидетельствует о братской солидарности трудящихся всего мира, о той солидарности, которая впервые провозглашена Марксом и Энгельсом в Манифесте коммунистической партии. Мы, русские рабочие, должны следовать примеру наших братьев — западноевропейских рабочих, должны войти в пролетарскую партию и примкнуть к международному союзу рабочих всего мира. Никто нам не поможет. мы сами должны сорганизоваться и вести организованную борьбу с нашими заклятыми врагами — капиталистами и царским правительством, главным защитником капиталистов. Освобождение рабочих есть дело самих рабочих. Для успешности борьбы мы должны учиться и учиться. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» — вот наш заветный лозунг, который приведет нас в царство социализма, где не будет капиталистов, а земля, фабрики и заводы будут всенародным достоянием...

Такова была сущность речей на второй ивановской маевке. Все оживились, и даже несмелые товарищи приняли участие в дальнейшем обсуждении организационных вопросов. Тут же решено было преобразовать кружок в революционную организацию —«Иваново-Вознесенский рабочий союз». Председателем союза избран был единогласно Кондратьев, а секретарем и казначеем Евдокимов, ему же было поручено составить для Союза программу. Членский взнос был установлен в прежнем размере — два процента с заработка, а прием новых членов Союза должен был производиться по рекомендации двух членов с последующей проверкой. Маевка затянулась до заката солнца. Надо было расходиться, чтобы на другой день приступить к работе — ткачам с четырех часов утра, а ситцепечатникам — с пяти часов утра. Воодушевление было так сильно, что участникам маевки не хотелось итти в город. Часть их перешла на другое место в лесу и свое бодрое настроение выявила в песне. Запели сначала «Долю бедняка» и «В полном разгаре страда деревенская», затем «Дубинушку». Более соответствовала настроению песня «Есть на Волге утес». Поздно вечером и эта группа участников маевки возвратилась в город. Все были полны энергии, бодрости и желания борьбы со своими врагами. Дорогою мечтали о том, когда можно будет на Руси открыто праздновать маевку, не прячась от жандармов, полиции и шпиков.

Так хорошо тогда мечталось, а между тем на революцион-

ном небосклоне Иваново-Вознесенска показались тучки. Тотчас же после маевки жандарм Хорьков «порекомендовал» своему родственнику Василию Заксу, члену Союза, не ходить в книжную лавочку и не водить знакомства с приказчиком Кудряшевым. Пришлось учесть это обстоятельство и вместо Кудряшева спешно пригласить приказчицей распропагандированную девушку из кружка О. А. Варенцовой — М. А. Капацинскую.

Теперь несколько слов о себе. В начале каждого месяца на шесть-семь дней я выезжал в Шую на судебное заседание уездного съезда, где рассматривались жалобы на решения и приговоры городских судей, земских начальников и волостных судов всего Шуйского уезда. В состав этого уезда входил тогда и город Иваново-Вознесенск. На одном из съездов в июле или в августе 1895 г. товарищ прокурора по Шуйскому уезду Скопинский, старавшийся казаться большим либералом, передал мне, что жандармский подполковник Добржанский хочет «побеседовать» со мной. Беседа ничего хорошего не предвещала. Тысячи всевозможных предположений пронеслись в моей голове. Я недоумевал — зачем понадобился жандармскому подполковнику. Добржанский встретил меня с приторной любезностью. Извинившись за беспокойство, в присутствии Скопинского приступил к допросу меня по делу о тайном сообществе, имевшем в своем распоряжении нелегальную гимназическую библиотеку. Я облегченно вздохнул и невольно улыбнулся. Речь шла о старом деле. Я уже упоминал, что 14 мая 1895 г. на квартире М. Л. Сергиевского во Владимире была арестована наша тайная гимназическая библиотека. Вместе с книгами в руки жандармов попали тетради с записями выданных книг и с фамилиями читателей, и в них среди других значилась и моя фамилия. В тетрадях за несколько лет было упомянуто значительное количество фамилий, и вот жандармерия захотела отличиться и создать громкое дело с несколькими десятками участников. Но ретивые защитники кровавого трона сильно запоздали. Со дня окончания мной гимназии прошло одиннадцать лет, а по закону за такой давностью прекращаются даже дела об убийстве, если они не были открыты в течение десяти лет.

«При мне, — сказал я, — нелегальных книг в библиотеке не было, а за то, что теперь оказалось в библиотеке, я не могу отвечать, библиотека же нами, гимназистами, была открыта потому, что негде было доставать нужных книг».

Гимназисты, участвовавшие в библиотеке, в течение последних одиннадцати лет были разбросаны по всей стране.

Заскрипели жандармские перья, было создано многотомное дело, но его скоро пришлось прекратить. Как курьез, отмечу, что в обвиняемые попали два-три бывших гимназиста, «преуспевавших в жизни» и ставших к тому времени уже товарищами прокурора.

ИВАНОВСКИЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ

В соответствии с постановлением, вынесенным на маевке, прежний, наскоро набросанный Кондратьевым устав кружка был заменен более подробным уставом-программой, которым должен был руководствоваться вновь возникший Рабочий союз. В делах департамента полиции сохранился этот интересный документ — «Практическое обоснование рабочего движения, выработанное согласно с условиями данного момента». Новый устав-программа был обсужден в руководящем коллективе и на собраниях Рабочего союза. Как видно из этого устава-программы, конечная цель Союза состояла в том, чтобы «1) отнять накопленный труд из рук частных лиц и сделать его собственностью общества и 2) выработать способ пользования этим сокровищем». Союз — по этому уставу — организуется постепенно. Сначала возникают отдельные кружки из наиболее развитых товарищей рабочих, «критически мыслящих личностей (разрядка моя — **С. Ш.**), желающих осуществить прогресс в человечестве». В этих кружках ведется пропаганда по следующей программе:

«Изучение политической экономии, как «науки работников», общее научное образование, чтение литературных и публицистических произведений, проникнутых принципами рабочего движения; разные брошюры и статьи по рабочему вопросу; ознакомление с рабочим движением в России и заграницей; журналы, изданные рабочими и для рабочих; устные беседы о положении рабочего класса и т. п.

Члены каждого кружка устраивают кассу, отчисляя 2% своего заработка. На средства этих касс покупаются книги, содержатся конспиративные квартиры, оказывается помощь пострадавшим от правительства членам и т. п. Когда число таких кружков достаточно увеличится, они образуют местный союз.

Союз борется с капиталистами путем строго рассчитанных стачек, достигая этим повышения заработной платы и укорачивания рабочего дня, и в то же время способствуя развитию в рабочем классе солидарности и человеческого достоинства.

Местные союзы объединяются в рабочую партию, которая имеет свое правление и борется на политической почве. Рабочая партия поддерживает сношения с рабочими партиями всех стран.

Объединенные в достаточно сильную рабочую партию, рабочие при первой возможности должны предъявить правительству следующие требования:

1. Признание законом рабочих союзов, касс, библиотек без контроля правительственных чиновников.

2. Дозволение рабочим совещаться о своих делах и бороться с фабрикантами путем стачек.

3. Неприкосновенность (без суда) личности рабочего и всякого члена государства.

4. Установление законом восьмичасового рабочего дня.

5. Полнейшая свобода слова и печати.

6. Контроль над фабричными работами.

Когда рабочие добьются исполнения этих требований, то дело объединения пойдет еще быстрее, и скоро они достигнут такой силы, для которой изменить существующий строй на началах братского труда будет возможно без пролития крови» (разрядка моя — С. Ш.).

«Критически мыслящие личности» — это идейная шелуха народников, считавших, что только «критически мыслящие личности» страдают, борются и способны двигать вперед человечество. Авторы настоящего устава-программы не преувеличивали значения вождей, как это делали народники. Они правильно понимали, что только массы, руководимые партией и вождями, могут завоевать социалистический строй. Выражение «критически мыслящие личности» составители устава употребляли, как старый термин, но с совершенно другим содержанием, чем у народников. Под такими личностями сни уже понимают передовых сознательных рабочих, связанных с массами.

Пункт об изменении существующего строя «без пролития крови» в корне ошибочен. Как можно «отнять накопленный труд из частных рук» и сделать это «без пролития крови», осталось невыясненным в программе.

Багаев, я и еще несколько товарищей, особенноВаренцова, горячо возражали тогда против этого пункта программы. Свои возражения Варенцова изложила письменно, подчеркивая, что эта программа совершенно обходит молчанием вопрос о низвержении самодержавия и революционные методы борьбы. Но Кондратьев и особенно Евдокимов, имевшие громадное влияние на остальных членов Союза, остались непреклонны. «Во время французских революций 1848 и 1871 гг., — говорил Евдокимов, — было пролито много крови, а между тем эти революции не облегчили положения рабочих». Варенцова, Багаев и я продолжали настаивать, что в программе должна быть особенно подчеркнута политическая задача: свержение самодержавия для дальнейшей борьбы рабочего класса за социализм. История прекрасно подтвердила, кто правильнее оценивал задачи и методы борьбы. Для свержения самодержавия «буржуазии» захвата рабочим классом средств производства потребовалась упорная вооруженная борьба в 1905 и 1917 гг. Прошло уже более двадцати лет со дня Октябрьской революции. Земля, фабрики и заводы давно перешли в руки трудового народа, а нам до сих пор приходится вести упорную борьбу с гнусными врагами социалистического строя — троцкистами, бухаринцами и другими агентами международного империализма, пытающимися восстановить капитализм в нашей стране.

С. П. Шестернин, Н. Н. Кудряшев (стоит), М. А. Багаев и О. А. Варенцова (снимок 1933 г.).

После маевки, в течение лета, по воскресеньям было проведено еще несколько собраний в лесу недалеко от фабрики П. Витовой. Помимо обсуждения и принятия программы Рабочего союза, решено было приступить к систематическим занятиям с членами Союза. Кроме того, члены Союза должны были писать рефераты на заранее заданные темы (рефераты затем читались и обсуждались на собраниях). Члены Союза учились правильно излагать и отстаивать свои мнения. Прежние робость и застенчивость, чем страдали даже руководители Союза при публичных выступлениях, изживались. Все свободное время, хотя его было очень мало, члены Союза проводили на собраниях или за чтением рекомендованных книг. Нередко читали во время работы, за что штрафовались фабричной администрацией. Никогда до этого члены организации так настойчиво не работали над своим развитием, как летом 1895 г. В результате — большинство товарищей, образование которых не выходило за пределы трехлетней начальной школы, сравнительно скоро стали вполне сознательными, культурными революционерами.

Организация росла, вовлекая в свой состав все новые силы. Они распространили свое влияние на Шую и позднее на большое фабричное село Кохму с фабриками Ясюнинских и Щербакова, на которых в то время работало до 3000 человек. Еще зимою 1894 — 1895 г. наша организация завязала связи с шуйским рабочим кружком, организованным А. И. Степановым в составе В. А. Полонникова, А. М. Леонтьева, М. Я. Теплякова, Пузанова, Огнева, И. Тимофеичева и других. Этот кружок изредка посещался Кондратьевым и Евдокимовым. Из Кохмы на собрания ивановцев приходил Бучитов, работавший ранее в Орехове.

Руководство Союза — Кондратьев, Евдокимов, и Варенцова, занимавшаяся тогда с женской молодежью (М. А. Капацинская, Х. В. Новикова, М. И. Иовлева, Е. А. Володина и др.),—собиралось у меня на квартире. Совместно мы обсуждали дела организации. Помимо указанных лиц, у меня были частые встречи с Кудряшевым, Р. М. Семенчиковым, Новиковым и другими членами организации.

Вскоре в руководящий коллектив вошел также учитель Ф. И. Щеколдин. В противоположность жизнерадостному и бурному Кондратьеву Щеколдин был тихий, скромный, но настойчивый в своих стремлениях. Он мало говорил о своей работе, а между тем его роль в развитии социал-демократического движения в Иваново-Вознесенске значительна. Худой, с жидкими светлыми волосами на голове, с маленькой рыжеватой бородкой и усами, он производил впечатление человека не от мира сего. Он отличался какой-то особой любовью и преданностью к товарищам, которые в свою очередь любили и ценили его. С первой встречи у нас установились с ним дружеские, теплые отношения, которые не прекращались вплоть до

Ф. И. Щеколдин (снимок 1900 г.).

его смерти в 1919 г. Он часто бывал у меня, и мы много говорили с ним. Помню, он рассказывал о себе, что родился в 1870 г. в дер. Санникове, Тезинской волости, Кинешемского уезда, Костромской губернии, в семье приказчика и учился в селе Гольчихе в единоверческой церковно-приходской школе. Впечатления детства, проведенного в раскольничьей среде, оставили глубокий след на всю его жизнь. После домашней подготовки он сдал экзамен на звание учителя начальной школы и в 1890 г., двадцатилетним юношей, поступил учителем церковно-приходской школы в погост Митрофановский, Кочневской волости, Шуйского уезда, с целью избежания воинской повинности (в то время учителя народных школ освобождались от военной службы). Попавшие ему в руки сочинения Глеба Успенского оказали на него сильное и благотворное влияние, а рабочее движение и личное знакомство с Кондратьевым, Багаевым, Варенцовой и др. сделали из него стойкого, преданного рабочему делу марксиста.

После отъезда Кондратьева на военную службу Щеколдин вместе с Багаевым принимал видное участие в руководстве рабочим кружком. Но основная его работа сосредоточивалась в деревне. Там он все время отдавал своему любимому делу — школе и социал-демократической пропаганде среди крестьян Митрофанова и окрестных деревень. О своей работе в школе он всегда говорил с увлечением, и тогда необыкновенная радость и любовь светились в его голубых глазах. Дети также глубоко любили его, видели в нем своего преданного друга и раскрывали перед ним свои сердца. Его общение с детьми не кончалось школой: многие ученики продолжали у него заниматься и по окончании школы. Из церковно-приходской школы, призванной по указанию мракобеса того времени обер-прокурора «святейшего синода» К. П. Победоносцева насаждать идеи православия в деревне, выходили свободолюбивые юноши. Многие из них впоследствии становились социал-демократами и вели революционную работу.

Пропаганда Щеколдина среди взрослых также имела большой успех. Еще в 1892 г. в первый иваново-вознесенский рабочий кружок Щеколдин вовлек распропагандированных им рабочих Ефима и Семена Гаравиных, родителей его учеников. Затем в кружок последовательно вступают подготовленные Щеколдиным его бывшие ученики Ф. Гаравин, М. Е. Гаравин, П. А. Курочкин, И. П. Мокруев, С. А. Воронин, Н. Ф. Кузнецов и другие. В Иваново-Вознесенске через своего двоюродного брата, ученика реального училища Н. И. Кулакова, он завел связи с учащейся молодежью. Через Щеколдина и я сблизился с этой молодежью. Ко мне заглядывали реалисты: Кулаков, младший брат Ф. А. Кондратьева — Иван Постников и др. Они получали через меня легальные и нелегальные книги. Часто мы беседовали о положении рабочих и крестьян, о революционной борьбе. Кружок молодежи начал с чтения Глеба Успенского и Златовратского, а затем перешел к книгам по рабочему вопросу и впоследствии организовал политический «Красный крест», который оказывал помощь заключенным и ссыльным членам Иваново-Вознесенской с.-д. организации.

Приближалась осень 1895 года. Работа Союза расширялась. В это время проездом из Нижнего-Новгорода в Петербург заглянул к нам и остался в Иваново-Вознесенске один из основателей рабочего кружка — М. А. Багаев. Высокий, с шапкой густых, черных, кудрявых волос на голове, он производил впечатление спокойного, энергичного и несколько угрюмого человека. Он казался значительно старше своих двадцати лет. С первого момента было видно, что этот товарищ всегда крепко держит себя и не сделает неверного шага. Багаев также стал навещать меня и получать нелегальную литературу. У нас скоро установились дружеские отношения, и мы вместе обсуждали все дела по организации.

М. А. Багаев (снимок, сделанный в 1896 г. петербургской охранкой).

Багаев — «потомственный пролетарий». Родился в г. Иваново-Вознесенске в 1874 г., здесь же окончил фабричную трехлетнюю школу. С двенадцати лет начал работать в ремесленной мастерской, а в шестнадцать лет попал на завод и затем в железнодорожные мастерские. О его участии в организации первого рабочего кружка говорилось выше. В декабре 1893 г. он переехал в Кострому, связался с разгромленной народовольческой (Сабунаевской) организацией, а в апреле 1894 г. переехал в Нижний-Новгород, где тоже сначала держал связь с народовольческой организацией, но скоро окончательно порвал с народовольчеством и вошел в состав Нижегородской марксистской организации. Затем он организовал рабочий кружок в железнодорожных мастерских. Проживая в Костроме и Нижнем, он продолжал наезжать в Иваново-Вознесенск и снабжать организацию нелегальной литературой.

ПЕРЕХОД ОТ ПРОПАГАНДЫ К АГИТАЦИИ И СТАЧКА ТКАЧЕЙ 1895 г.

До сих пор Рабочий союз вел только кружковую работу: привлекал новых членов, распространял легальную и нелегальную литературу, проводил занятия с кружками в разных конспиративных квартирах. Такая деятельность уже не удовлетворяла некоторых членов, и они предлагали перейти от пропаганды к агитации, чтобы оказывать свое влияние на всю рабочую массу. Скоро представился благоприятный случай.

Приближалось 1 октября, праздник так называемого «покрова», когда кончалось время летних расценок и наступали зимние расценки, действовавшие до пасхи, т. е. до марта-апреля. По окончании летних сельскохозяйственных работ в деревне делать было нечего, и крестьяне шли в город в поисках заработка. Пользуясь этим, фабриканты понижали зимние расценки, в среднем на десять процентов, хотя на зиму расходы увеличивались: на одежду, обувь, питание, отопление и т. п. Вместе со старыми расценками кончался старый и начинался новый срок найма. В первый же день после «покрова», так же как и после пасхи, рабочие приходили в фабричную контору, получали новые расчетные книжки у одного стола и передавали их на другой стол. Прием и передача новой книжки с паспортом означали, что рабочий согласился работать на новых условиях. Книжки «задавали», как тогда говорили, все, но не всех принимали: если рабочий почему-либо не нравился администрации (особенно, если он был резок в объяснениях с администрацией или «неблагонадежен» в политическом отношении), то от него не принимали книжки. Поэтому пасха и особенно покров были тревожными моментами в жизни каждого рабочего. «Каковы будут новые расценки», «примут ли меня», — думал каждый, отправляясь в фабричную контору. Иваново-Вознесенский фабричный поэт Иван Фролов так описывает срок найма с покрова:

Время — тяжкий период
Для фабричных настает.
Жмет фабричного контора,
Как в тюремном замке вора:
Цен сбавляют, пишут штраф,
На защиту нету прав.
И ни охни, ни вздохни,
Спорить — боже, сохрани!
Кто не хочет подчиниться, —
Надо с фабрикой проститься.

С 1 октября 1895 года на всех фабриках города летние расценки в среднем были понижены на 10 процентов, а директор «Товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры» (ныне фабрика имени Балашова) Свешников захотел отли-

читься перед своими хозяевами (фабрикантами Новиковым, Фокиным, Витовым и Зубковым) и на разные сорта тканей понизил летние расценки на 16—30 процентов. Новые расценки были значительно ниже зимних расценок, а заработная плата на фабрике «Товарищества» и летом была ниже средней, составляя в общем 8—12 рублей в месяц, а на эту сумму, при дороговизне ивановской жизни того времени, с трудом можно было прокормиться даже одному человеку. По правилам новые расценки должны быть вывешены на фабриках за одну-две недели до начала работ, чтобы таким путем дать рабочим возможность своевременно ознакомиться с ними. «Товарищество» вывесило свои расценки только 27 сентября, т. е. за два дня до срока нового найма. Естественно, что 2000 ткачей (900 мужчин и 1100 женщин) не могли быстро ознакомиться с расценками и решили пока оставаться работать и после 1 октября, причем согласились заработную плату за две истекшие недели получить не 30 сентября, а 7 октября.

Присмотревшись ближе к новым расценкам, рабочие остались недовольны ими, тем не менее 2 и 3 октября работали, одновременно ведя переговоры с Свешниковым и хозяевами об оставлении прошлогодних зимних расценок. Фабриканты не соглашались. Рабочие обратились за содействием к фабричному инспектору Гончарову. Инспектор стал уговаривать администрацию фабрики повысить расценки. Администрация продолжала упорствовать. Оставалось испробовать единственное средство, бывшее в руках рабочих, — устроить стачку. 4 октября первая смена проработала, но вторая не приступила к работе; обе смены соединились у фабричных ворот и забастовали, требуя повышения расценок. «Товарищество» отказалось исполнить требования рабочих, ссылаясь на «заминку» в своих делах. Действительно, в отчете за истекший 1894 г. «Товарищество» показало прибыли 326 рублей и уплатило с этой суммы в казну налога всего 16 рублей с копейками. Ссылка на «заминку» в делах была наглая ложь. Рабочие знали что Товарищество» в течение лета 1895 г. выстроило громадную шестиэтажную прядильную фабрику. Новая фабрика с машинами обошлась «Товариществу» в полтора миллиона рублей. Трое из членов «Товарищества» — Витов, Фокин и Новиков, кроме того, имели каждый по ситценабивной фабрике. Покупая по рыночной цене пряжу для общей ткацкой фабрики, они дешево «продавали» себе миткаль. Наконец, кто же не знал, что члены всяких товариществ начисляли себе громадные жалованья и прибегали к другим хитростям и уловкам, чтобы всячески уменьшить сумму чистой прибыли и заплатить в казну как можно меньше налога, а ссылками на «заминку» — прикрывать нажим на рабочих. Какое «жалованье» получали члены этого «товарищества», нам было неизвестно, но вот члены семьи фабриканта Павлова, составлявшие в совокупности

«Товарищество Шуйской мануфактуры», назначили себе такое «жалованье»: отец получал 70 тысяч руб. в год, мать — 30 тысяч, сыновья — по 10 тысяч. Не оставалась в обиде и дочка, она тоже получала приличную сумму «на булавки», как говорили тогда в купеческих семьях.

Как только началась забастовка, тотчас же приехал из города Владимира старший фабричный инспектор — типичный бюрократ А. С. Астафьев. Он заявил рабочим, что стал бы хлопотать за них, если бы те обратились к нему до забастовки, а теперь он будет настаивать, чтобы объявленные расценки не были повышены. Такое отношение еще более убедило рабочих, что никакое начальство им помочь не хочет.

Из членов Рабочего союза на фабрике «Товарищества» в то время, к сожалению, никто не работал, кроме Аркадия Кривчикова, который незадолго перед тем приехал из Шуи и поступил на фабрику «Товарищества» конторщиком. Таким образом организация не имела связей с этой фабрикой и не знала о том тревожном настроении, которое охватило рабочих «Товарищества», когда были вывешены пониженные зимние расценки. И только 4 октября, когда весть о стачке распространилась по Иванову, — узнала об этом и организация.... Два-три вечера подряд обсуждался вопрос об участии Рабочего союза в стачке. Мнения разделились: меньшинство — Багаев и Махов — настаивали на том, что надо Союзу принять участие в агитации среди стачечников и выпустить прокламацию, большинство же считало неправильным подвергать риску неокрепшую еще и неподготовленную к агитации организацию, тем более, что Союз не имеет даже связей с забастовавшей фабрикой. В результате приняли компромиссное решение: отдельные члены могут принять участие в агитации за свой страх и риск, не упоминая о существовании Союза.

Багаев и Махов отправились к стачечникам, выясняли нужды рабочих, помогали им выработать требования. Администрация была удивлена, услышавши впервые толково составленные и хорошо обоснованные требования. Оба члена Союза впервые в своей жизни открыто выступали с речами перед двухтысячной толпой стачечников. Вот как рассказывал об этом Н. Махов.

«Подойдя к фабрике «Компания», я увидел всех бастующих обеих смен. Они ждали приезда начальства. Женщины сидели на бревнах у забора и стояли возле него, против только что отстроенного прядильного корпуса, недалеко от помещения полицейской будки; мужчины толпились среди дороги. В одном месте у мужчин образовалась группа около сотни человек. В середине несколько рабочих горячо говорили, другие слушали. Протискавшись в середину, я узнал, в чем дело. Готовясь к «переговорам» с начальством, говорившие штудировали статьи фабричных законов, напечатанные в расчетных книжках

Н. И. Махов (снимок 1899 г.).

рядом с так называемыми «Правилами внутреннего распорядка», подыскивая статьи в свою пользу.

Послушав их спор, я попросил позволения высказать свое мнение. Охотно согласились. Я сказал им, что напрасно они ищут статей закона в свою пользу. Таких нет во всем фабричном законодательстве. Все они написаны в пользу хозяев. Даже тогда, когда статьи начинаются будто бы в защиту рабочих, они кончаются во вред им. Кем они написаны и для чего? Продажными юристами, чтобы скрутить, связать рабочих по рукам и ногам, заставить работать на хозяев за жалкие гроши, которых нехватает рабочему на хлеб, квартиру и одежду. Об образовании себя и детей не приходится и думать рабочему. А хозяевам выгодно иметь рабочих темных, забитых, покорных: таких легче эксплоатировать.

Моя речь привлекла быстро к себе рабочих. Я стал громко говорить, как заправский оратор, употребляя для выразительности в соответствующих местах подходящие жесты, чему

сначала удивился сам. Это была, насколько мне помнится, первая революционная речь, произнесенная перед двухтысячной массой рабочих в Иваново-Вознесенске.

Говорил я о бедственном положении рабочих и их голодном бесправном существовании, о голодающей деревне, выбрасывающей на фабрики свое молодое поколение, как «излишек населения», и о «свободе», данной царем в 1861 году, после которой «освобожденный» крестьянин никак не может справиться с оброчными и др. платежами. Крестьянин разоряется, идет сам и посылает своих детей в город, в новую кабалу к хозяину-фабриканту, продается в экономическое рабство: от «пасхи» до «покрова» и от «покрова» до «пасхи», — на круглый год... Говорил и о жизни рабочих и крестьян заграницей и их борьбе: стачках и чартистском движении. Особенно много говорил о будущем социальном строе... по Э. Беллами, книжку которого «Через сто лет» я заучил чуть не наизусть и таскал всегда с собой в кармане.

Рабочие, затаив дыхание, напряженно слушали меня. В свою очередь я слился с толпой, увлекся ее вниманием. Не знаю, сколько времени говорил: час или больше, как говорил — хорошо или плохо. Поглощенный исключительно содержанием речи, я сказал тогда многое, что перечувствовал сам. Я не замечал ничего кругом. Меня слушали, как никогда потом. Я даже не заметил движения, вызванного появлением начальства. Из-за Дербеневского моста приближались старший фабричный инспектор Астафьев и окруженный свитой полицейских жандармский полковник Воронов, прибывшие из Владимира. Кто-то потянул меня за полу, и я, невольно подчиняясь, сошел с бревен, на которых стоял, и только тогда понял, в чем дело. Позже рабочие рассказывали, что во время речи ко мне протискивались полицейские — двое-трое, — но рабочие их так ловко отстраняли, что не давали возможности протиснуться ко мне. Руководители стачки стали просить меня остаться для объяснения с начальством. Я отказывался, не зная подробно предъявленных условий и требований, и согласился лишь присутствовать при объяснении, чтобы, стоя сзади, подавать советы, подсказывать, где нужно, объясняющимся.

Переговоры начались вопросом жандармского полковника о причинах забастовки. Рабочие ответили: с покрова сбавили расценки на 16 — 30% без предупреждения за две недели. На новые расценки прожить невозможно. Жандармский полковник начал высчитывать, сколько в месяц нужно рабочему на муку, крупу, масло постное (скоромного масла, а также молока, яиц по жандармскому расписанию рабочему не полагалось), на картошку, на чай, сахар, мыло, спички, керосин, квартиру и пр. Выходило так, что у рабочего еще остается на табак, на вино, на свечки в церковь (на книги, газеты и пр. рабочему тоже не полагалось), и даже можно откладывать на чер-

ный день... В действительности получалось иное: рабочим едва хватало на удовлетворение самых насущных потребностей — пищу, квартиру, а на одежду оставалось лишь у бездетных. «После сбавки совсем невозможно будет жить», — говорили рабочие.

В разговор вступил фабричный инспектор. Он начал убеждать и доказывать, что хозяева и рады бы не сбавлять расценки, да не могут, так как несут большие расходы и терпят убытки, и если не закрывают фабрику совсем, то лишь жалеючи рабочих. Я предложил одному из руководителей спросить: «не на убытки ли «Компания» выстроила в этом году новый корпус (прядильную)?». Послышался чей-то смех. Инспектор покраснел, но не нашел, что ответить на этот вопрос.

На этом первое объяснение кончилось, и начальство пошло в контору фабрики, сказав, что «поговорит после», а полиция и жандармы предложили расходиться и стали напирать на толпу. Объяснявшиеся с начальством руководители, захватив меня, стали выбираться из толпы, и так как многие рабочие глядели в нашу сторону, то махнули им, чтобы не глядели на нас, что и было быстро исполнено. А один из руководителей, сняв с меня шапку, очень маленькую, выделявшуюся на длинных волосах, заменил ее картузом. Мы благополучно выбрались из толпы. Дойдя до глубокого оврага, сели там в яме вчетвером или впятером и прямо приступили к обсуждению создавшегося положения. Предстояло новое объяснение с начальством на другой день. Рабочие непременно хотели познакомиться с фабричным законодательством и просили меня достать книгу о нем. Я обещал... Условились вечером собраться в трактире на углу Новой улицы в восемь часов вечера, а пока я начал рассказывать о свободной жизни при социализме и тут же прочитал им главу или две из романа Беллами «Через сто лет».

Быстро достать требуемую книгу Махов не смог и пошел на условленное свидание только в девятом часу вечера. Ему навстречу бежал рабочий и торопливо сказал: «Не ходи, там полиция рестует забастовщиков»... Это было вечером 10 октября, а на утро, после ареста бастующих, Махов заметил что рабочие избегают, сторонятся его: у них явилось подозрение, что виновником ареста их руководителей будто бы является Махов, только случайно не попавший на назначенное собрание. После этого Махов считал неудобным показываться среди стачечников.

С большим увлечением рассказывал и Багаев о своих выступлениях перед двухтысячной толпой. Он так же, как и Махов, призывал рабочих к организованной борьбе с классовым врагом — буржуазией, указывал, что только сами рабочие своей борьбой могут добиться улучшения своего положения, говорил о расстреле войсками ярославских стачечников. Крупная фигура черного, кудрявого Багаева, так непохожего в общем на

ивановских ткачей с их светлыми волосами и бледно-серыми лицами, была слишком заметна, и жандармы установили за ним усиленную слежку. Багаеву поэтому пришлось уклониться от дальнейшей агитации еще раньше, чем Махову. Таким образом стачечники остались без всякого руководства со стороны Рабочего союза. Тем не менее стачка развивалась: рабочие не шли на фабрику и не брали расчета. Появились объявления от губернатора, в которых было сказано: если рабочие «не встанут на работу или не разойдутся по домам, то будут введены войска для водворения порядка; не желающим получить расчет на фабрике будут выданы причитающиеся им деньги через подлежащие полицейские и волостные правления».

Однако угроза со стороны губернатора не подействовала на рабочих. Они стали уговаривать ткачей четырех смежных фабрик, где работало 10 тысяч человек, примкнуть к забастовке и потребовать повышения расценок. Фабричное и губернское начальство испугалось. 8 октября из Владимира двинулся в поход на рабочих владимирский губернатор Теренин во главе двух батальонов пехоты и двух сотен казаков. На следующий день к губернатору, остановившемуся в доме фабриканта Дербенева, явились делегаты-стачечники в количестве пятидесяти человек и обратились к нему со следующим требованием: 1) повысить объявленные расценки до нормы 1888 года и 2) удалить директора Свешникова, который мучает их непомерными штрафами, увольняет рабочих, по двадцати лет проработавших на этой фабрике, а теперь снижает заработок до 7 — 9 рублей в месяц, на что невозможно прожить.

Губернатор, дряхлый, из ума выживший старик, стал убеждать рабочих начать работу или совсем оставить фабрику. Он говорил, что не может повысить расценки, но предложит администрации фабрики ускорить ход ткацких станков. Рабочие возражали: плохая пряжа не выдержит увеличения хода станков, она станет рваться, и станки будут давать простой. Так эта беседа и не дала никаких результатов.

Подобные же безрезультатные переговоры с губернатором велись и 10 октября. Рабочие продолжали настаивать на своих требованиях. Все эти дни рабочие вели себя замечательно сдержанно и дружно. Каждый день они толпами стояли в поле возле фабрики и обсуждали свое положение. Тогда губернатор распорядился арестовать «зачинщиков». В ночь на 11 октября по распоряжению губернатора было арестовано восемь рабочих из числа тех, которые вели переговоры. Весть об аресте быстро распространилась среди стачечников и привела их в негодование. Днем 11 октября все стачечники в количестве нескольких сотен подошли к дому Дербенева и настойчиво потребовали освобождения арестованных товарищей. Когда губернатор ответил, что рабочие не имеют права ему, начальнику губернии, предъявлять такие требования, некоторые из толпы

с насмешкой закричали: «Переходи на нашу сторону, ведь и мы можем угостить тебя шампанским за общий счет».

— Что с ним разговаривать! — кричали другие. — Он сам состоит на фабричных хлебах.

«Крики и дерзкие слова стали раздаваться все громче», — сообщает Теренин в своем донесении в министерство внутренних дел. И он отдал жандармскому полковнику Воронову распоряжение разогнать рабочих. В это время толпа стачечников разделилась на небольшие группы, удаляясь от квартиры губернатора. И вдруг на расходившихся рабочих напали казаки и с ожесточением начали пороть их нагайками. Рабочие бросились бежать, казаки погнались за ними и во время преследования хлестали нагайками всех проходящих по улице, виновных только в том, что попали на глаза обезумевшим казакам. Они ударили одну учительницу, сбили с ног учителя реального училища — шестидесятилетнего старика Лякомте, нанесли несколько ударов одному конторщику и т. д. Во время этого побоища, в середине дня, ткачи фабрик Дербеневых, А. Гарелина и Бурылина шли на смену, казаки также напали на них и безжалостно пороли всех, кто не успел укрыться.

Удары были настолько сильны, что один удар нагайки иногда разрезал верхнюю одежду рабочего. Несколько человек было ранено. Напав на одну беременную ткачиху, шедшую с мужем на смену, казаки сбили ее с ног и замяли лошадьми, а мужа отхлестали нагайками. Ткачиха была доставлена в фабричную больницу и здесь умерла. Полиция и медицинский персонал больницы скрывали этот факт; они утверждали, что в больницу не было доставлено ни одного тяжело раненого. Между тем очевидцы передавали, что некоторые избитые были доставлены в больницу на извозчиках.

Возмущенные насилием, ткачи фабрики А. Гарелина заявили, что они более не пойдут на работу. По телефону был вызван хозяин фабрики. Гарелин уговорил рабочих приняться за работу, а сам поехал к губернатору с жалобой на казаков. К Гарелину присоединился П. Дербенев. Они заметили губернатору, что такое поведение казаков приведет к забастовке всех рабочих. Губернатор «понял» свою «ошибку», и казаки больше не прибегали к нагайкам.

После этой дикой расправы переговоры рабочих с губернатором больше не возобновлялись, а среди рабочих стала распространяться кем-то пущенная мысль о необходимости пожаловаться на губернатора московскому генерал-губернатору, дяде царя Николая II. Рабочие не были тогда осведомлены о следующем документе. «Русские ведомости» в 1895 г. перепечатали из «Ярославских губернских ведомостей» приказ по войскам Московского военного округа такого содержания: «Начальник главного штаба отзывом сего года за № 23 659 уведомил меня, что на всеподданнейшем докладе о действии войск,

вызванных для содействия гражданским властям к подавлению беспорядков на фабрике Большой Ярославской мануфактуры его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: «весьма доволен спокойным и стойким поведением войск во время фабричных беспорядков». Почитая за счастие о таковом высочайшем одобрении действий во время беспорядков объявить по войскам высочайше вверенного мне округа, предписываю приказ этот прочитать во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах. Молодцам же фанагорийцам, своим доблестным поведением заслужившим одобрение обожаемого монарха, объявляю мое спасибо, а ротных командиров 6-й роты штабс-капитана Калугина и поручика Петрова за умелое и своевременное употребление оружия искренно благодарю» (подписал командующий войсками генерал-адъютант Костанда).

Так царь «защищал» рабочих. Но в Иваново-Вознесенске многие рабочие еще верили в царя и его сородичей. Была составлена жалоба на владимирского губернатора, возили ее в Москву, но видеть генерал-губернатора не пришлось. Тогда мысль о всяких жалобах была оставлена. Рабочие решили более не собираться до 18 октября и, пользуясь свободным временем, занялись устройством личных дел: одни пошли в больницу, чтобы подлечиться от старых недугов, другие засели за чтение, а женщины занялись обшиванием и обмыванием ребятишек.

А в это время все ивановские фабриканты вместе с губернатором устраивали свои собрания, где обсуждали положение дел. Надо при этом заметить, что у троих компаньонов-фабрикантов — Новикова, Фокина и Витова — на их ситцепечатных фабриках подобрался миткаль, пришлось им сократить производство ситца. Они попытались прикупить миткаля у других фабрикантов, но те, пользуясь критическим положением своих «сотоварищей»-покупателей, решили поднажиться и увеличили цену на миткаль на ½—¾ копейки за аршин. В недалеком будущем компаньонам грозила опасность совсем остановить ситцевые фабрики, не говоря уже о том, что общая ткацкая фабрика, не принося доходов, требовала расходов около 1000 руб. ежедневно. Содержание войска тоже обходилось приблизительно в 1000 руб. в день. При распределении расходов по содержанию войск между фабрикантами произошли бурные сцены: одному «Товариществу» было тяжело нести эти расходы, а ситцепечатные фабриканты наотрез отказались участвовать в покрытии этих расходов, говоря, что их рабочие не участвовали в стачке. В конце концов «друзья» помирились: расходы были распределены только между ткацкими фабрикантами, по числу ткацких станков у каждого.

Фокину, Витову, Новикову и Зубкову стачка приносила значительный ущерб. Они, особенно Зубков, согласны были уступить рабочим, но в дело вмешался старший фабричный инспек-

тор Астафьев. Он напугал губернатора и фабрикантов призраком всеобщей стачки, если требования забастовавших рабочих будут уважены. «Всякая уступка во время стачки, — говорил он, — вселит в рабочих уверенность, что путем стачки они могут улучшить свое положение».

16 и 17 октября фабрику освещали на два часа, чтобы показать рабочим, что вся фабрика будто бы работает. Фабрикантам не удалось обмануть рабочих, последние продолжали бастовать.

Наступило 18 октября. Рабочие, изголодавшись за месяц (30 сентября, как сказано выше, они не получили заработной платы), собрались на фабрике и увидали, что за станками стоит до 150 человек, преимущественно из числа тех, кто по окончании сельскохозяйственных работ пришел из деревни. Расценки не были повышены. При отсутствии организации на фабрике, при отсутствии руководства со стороны Рабочего союза и стачечной кассы — рабочие не могли дольше бастовать. Пришлось наниматься на предложенных условиях. Простояв всего пятнадцать дней, с 19 октября фабрика пошла полным ходом. Из новых рабочих, поступивших до 18 октября, часть была переведена в запасные с ничтожной платой по 20 копеек в день, а к станкам были поставлены старые рабочие. Из 2000 забастовавших не приняли на работу вновь около 80 человек.

Так как отказ от работ последовал в течение первых семи дней после 1 октября, а в это время по существовавшим тогда правилам как рабочие, так и фабриканты имеют право безнаказанно расторгнуть договор найма, то судебного преследования против участников забастовки фабриканты при всем желании не могли возбудить. Всех арестованных (за время стачки арестовали 11 человек) выпустили на свободу и отправили на родину этапным порядком, хотя права проживать в Иваново-Вознесенске они не лишались. Относительно руководителей забастовки полицеймейстер 18 октября сообщил губернатору: «Подстрекатели Кустов, Румянцев и Соловьев из г. Иваново-Вознесенска неизвестно куда скрылись. К задержанию их принимались и принимаются строжайшие и тщательные меры. Арестованные Борзов и Морозов высланы после 16 октября в гор. Шую, а остальные: Голышев, Муравьев, Гусев, Шугаев и Ушаков идут сего числа к шуйскому уездному исправнику» (для отправки на родину — **С. Ш**).

Все-таки стачка имела заметные результаты. Директора Свешникова с фабрики уволили, а чтобы возместить уменьшение заработной платы, увеличили ход ткацких станков. Но это нововведение, как и предвидели рабочие, не принесло тогда существенной пользы ни той, ни другой стороне, и его пришлось скоро отменить. Расценки были несколько повышены, а владимирское фабричное присутствие подтвердило всем фабрикантам, чтобы расценки вывешивались, по крайней мере, за две недели

до начала нового срока найма. Рабочие до некоторой степени оказались победителями, не говоря уже о том, что каждая стачка пробуждала классовое самосознание рабочих и давала им революционную закалку, что особенно ярко обнаружилось во время всеобщей стачки 1897 г. Эта дружная двухнедельная стачка показала, что рабочие могли бороться, могли стойко противопоставить притеснениям фабрикантов свою объединенную силу и при благоприятных условиях могли победить...

Наш Союз уклонился от непосредственного руководства забастовкой и не использовал ее в целях агитации и связи с отдельными бастующими рабочими, между тем это легко было сделать, так как силами и некоторыми средствами мы располагали. Но чрезмерная осторожность и стремление во что бы то ни стало сохранить организацию, а отчасти неподготовленность к открытым выступлениям — удержали организацию от активного действия.

Во время стачки чуть не каждый вечер собирались у меня Багаев, Кондратьев и Варенцова. Все они делились впечатлениями от стачки. Припоминаю, как Багаев после своего первого выступления перед стачечниками пришел поздно вечером ко мне и с особенным возбуждением говорил о своих впечатлениях. Я записывал сообщаемые мне сведения и по мере накопления материала составлял описание стачки. Таким образом у меня получилось несколько вариантов последовательного описания стачки, которые старательно переписывала Ольга Афанасьевна печатными буквами. Как только началась стачка, я послал краткое сообщение о ней в Москву и Питер, откуда вскоре приехал член «Союза борьбы» М. А. Сильвин и передал мне для стачечников 200 рублей. Кроме того, я поехал в Москву и там от Рабочего союза получил еще рублей 200 — 300. Конечно, эта помощь при двух тысячах стачечников имела, главным образом, моральное значение.

Когда стачка закончилась, я составил довольно подробное описание ее и через С. П.Невзорову отправил в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Руководители «Союза борьбы», в частности Владимир Ильич, относились к присылаемым им материалам исключительно внимательно: отчет о стачке, основательно переработанный Владимиром Ильичем, был отправлен за границу и напечатан в № 1 — 2 нелегального журнала «Работник» за 1896 г. Этот же отчет о стачке было решено включить в № 1 соц.-дем. журнала «Рабочее дело», который решили издавать нелегально питерцы. (Большинство статей этого журнала и редакция его принадлежали Владимиру Ильичу). Но в ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. Владимир Ильич и его товарищи были арестованы (всего по этому делу было привлечено 88 человек), и весь подготовленный для журнала материал был захвачен у А. А. Ванеева. В жандармском докладе по этому делу говорилось: «две рукописи о стачке ткачей, бывшей 6 октября

С. П. Невзорова-Шестернина (снимок 1894 г.).

1895 года в Иваново-Вознесенске, как признано экспертизой, написаны рукою Владимира Ульянова», который «уклонился от дачи показаний, но не отрицал, что эти рукописи... написаны им». Отчет об ивановской стачке 1895 г. в качестве материала, присланного Владимиру Ильичу и им переработанного, был напечатан в I томе сочинений Ленина издания 1924 г.

Три-четыре года тому назад в «Архиве революции и внешних сношений» обнаружен экземпляр составленного мною описания стачки, изданный на гектографе московским «Союзом борьбы». Брошюра эта, изданная москвичами под названием «Октябрьская стачка в Иваново-Вознесенске», получила распространение в Москве.

В январе 1895 г. исполнилось десятилетие известной морозовской стачки. Помня настоятельный совет Владимира Ильича написать брошюру об этом героическом эпизоде борьбы рабоче-

го класса и, располагая некоторым материалом, полученным главным образом от И. С. Дороднова и В. В. Кривошеи, я решил написать брошюру, посвященную десятилетию морозовской стачки. Мне удалось проникнуть в архив Владимирского окружного суда, в то отделение, где хранились наиболее важные документы. Разыскал судебные дела о морозовской стачке. В них оказался богатый материал.

На основании собранного материала я составил брошюру, прочитал ее Варенцовой, Кондратьеву, Евдокимову и другим. Ольга Афанасьевна с помощью учительницы Е. И. Миловзоровой переписала брошюру печатными буквами, и мы переслали ее в Петербург С. П. Невзоровой. Рукопись была переправлена за границу и под названием «Десятилетие Морозовской стачки» напечатана в 1897 г. в Женевской типографии «Союза русских социал-демократов», как издание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1901 г. ленинская «Искра» выпустила 2-е издание этой брошюры.[1]

ПОДПОЛЬНЫЕ ПАРТШКОЛЫ И ВСТРЕЧА НОВОГО (1896) ГОДА

Стачка на фабрике товарищества Иваново-Вознесенской м-ры всколыхнула всех ивановцев, а в связи с этим значительно оживилась работа Союза. После летних собраний в лесу все с жадностью принялись за чтение. В это время через книжную лавочку «Рабочий союз» значительно пополнил свою библиотеку. Для нынешней молодежи будет интересно знать, что читали их деды и отцы более сорока лет тому назад.

Кроме легальной литературы, в библиотеке Союза имелись: 1-й и 2-й томы «Капитала» Маркса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, «Экономическое учение К. Маркса» Каутского, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Бельтова (псевдоним Плеханова), «История цивилизации в Англии» Бокля, «Промышленная жизнь Англии» Гиббинса, «Восьмичасовой рабочий день» Вебба и Кокса, «Социальная жизнь животных» Эспинаса, «История первобытной культуры» Липперта, «Рабочий вопрос» Ланге, «Дарвинизм» Ферьера, «Ч. Дарвин и его учение» и «Жизнь растений» Тимирязева, «Пролетариат во Франции» и «Ассоциации» Михайлова-Шеллера, «Жизнь европейских народов» Водовозовой, много книжек из серии «Жизнь замечательных людей» издание Павленкова, сочинения Шелгунова, а также сочинения Милля, Рикардо и Родбертуса (в популярном изложении), «Политическая экономия» Иванюкова, «Экономические беседы» Карышева,

[1] См. „Искру“ № 14 от 1 января 1902 г.

«Фабрика (что она дает населению и что она у него берет)» Дементьева и др.

Из беллетристики в библиотеке имелись: «Хроника села Смурина» Засодимского, «Спартак» Джованьоли, «Гаспар Фикс» и «История одного крестьянина» Эркмана-Шатриана, «Один в поле не воин» Шпильгагена, «Овод» Войнича, «На рассвете» Ежа, «Париж в Америке» и «Принц-собачка» Лабулэ, «Жакерия» Меримэ, «Долой оружие» Зутнер, «Через сто лет» Беллами, «Шаг за шагом» Омулевского, «Тяжелые времена», «Домби и сын» и «Святочные рассказы» Диккенса, «Сказки», «Господа Головлевы», «Ташкентцы» и «Современная идиллия» Салтыкова-Щедрина, «93-й год» и «История одного преступления» Гюго, «Углекопы» Золя, а также сочинения Тургенева, Толстого, Некрасова (последний особенно читался рабочими), Златовратского, Глеба Успенского, Решетникова, Гаршина. По критике были сочинения Добролюбова и Писарева. У Союза были также изъятые из библиотек — «Эмма» Швейцера, «Что делать?» Чернышевского и др.

Некоторыми рабочими читались лучшие журналы («Русская мысль» и «Мир божий») и либеральные газеты того времени («Русские ведомости» и «Русская жизнь»).

Из приведенного, притом далеко неполного списка видно, что «Рабочий союз», идя навстречу запросам своих членов, тратил на приобретение книг значительные средства. Большая часть легальной библиотеки хранилась в комнате, которую снимал Евдокимов у Екатерины Васильевны Иовлевой. В течение ряда лет Екатерина Васильевна оказывала всяческую помощь организации: недаром члены организации любовно называли ее «Бабой Мокрой» по имени героини революционного романа «На рассвете» Ежа. Иовлева — интересный тип простой и смелой женщины-революционерки. Багаев, хорошо знавший ее, рассказывал, что Екатерина Васильевна не состояла членом организации, но в течение семи лет оказывала ей всяческое содействие. Ее домик был как бы штаб-квартирой организации. Приезжий или скрывающийся от полиции товарищ всегда находил в нем пристанище; здесь же устраивались собрания, конспиративные совещания, устанавливались явки для приезжающих и т. п. Впоследствии ее привлекли по одному ивановскому делу, и она отбывала год надзора полиции в Вязниках, Владимирской губернии, но это ее не сломило. Во время декабрьского восстания в Москве в 1905 г. Иовлева жила на Конюшковской улице, в двух шагах от Кудринской площади (ныне площадь Восстания), где были баррикады. У нее на квартире хранилась подпольная типография. Район начали оцеплять войска. Екатерина Васильевна и жена Багаева — Анисья Трофимовна Голоскова — вместе с Кудряшевым вывезли типографию в безопасное место. Тотчас же после этого в квартиру Иовлевой явились воинские власти, произвели тщательный обыск, но ничего подозрительно-

го не обнаружили и не решились арестовать бывших в квартире простых на вид женщин.

Возвращаюсь однако к библиотеке Союза. Нелегальная часть библиотеки хрнилась у Кудряшева, снимавшего вместе с сестрами небольшой отдельный домик. Полулегальная литература — произведения Маркса, Энгельса, Чернышевского и пр. — хранилась в конспиративной квартире на Новой Задней улице в доме Кукина (ныне Конспиративная улица).

До организации первого рабочего кружка в 1892 г. хороших книг и особенно нелегальной литературы у иваново-вознесенских рабочих почти не было. Теперь же, благодаря хорошо подобранной библиотеке «Рабочего союза» и книжной лавочке, нелегальные и ценные легальные книги широко распространялись не только среди членов Союза, но и вообще в рабочей массе. Жажда чтения и тяга к книге были чрезвычайно велики. Каждый стремился приобрести за 50 коп. «Словарь иностранных слов», составленный Н. Дубровским. Наша книжная лавочка этот словарь продавала в громадном количестве.

Видеть теперь в руках рабочего книгу уже не было редким явлением, хотя все еще в некоторых местах повторялись гонения на книгу: нередко урядник отбирал совершенно легальную книгу, если в праздник, проходя в пригородной деревне по улице, видел, что рабочие что-то читают, а не выпивают царскую водку или не играют в «орлянку», как это было раньше. То же самое было в фабричных казармах и на фабриках, где легальные книги отбирались у рабочих разными надсмотрщиками, «хожалыми», подмастерьями — одним словом, всеми, кто мнил себя начальством над рабочими и кто не допускал мысли, чтобы рабочие были умнее этого «начальства».

Число членов «Рабочего союза» значительно возросло. Надо было подумать о помещениях для собраний и занятий на зимнее время. Конспиративная квартира на Новой Задней улице в доме члена Союза И. М. Кукина уже не могла вместить всех членов Союза. Слово «квартира», конечно, далеко не соответствовало действительности. Первая, например, квартира около вокзала представляла из себя маленькую комнатку, которая вмещала всего пять-шесть человек, поэтому в шутку ее называли «Хижиной дяди Тома». Квартира на Новой Задней улице была несколько больше первой: маленький домик пять на пять метров, стоявший во дворе сзади дома Кукина. Грязная, неосвещаемая Новая Задняя улица, выходящая на пустырь, была очень удобна для конспиративных целей. Домик состоял из одной комнаты с закопченными стенами. Кроме стола, двух лавок и двух табуреток, кровати и сундука с книгами, никакой мебели не было.

На стене висела большая географическая карта, за которой между пазами прятались две-три нелегальных брошюрки, приготовленные к очередному собранию. На этой квартире соби-

рались более подготовленные члены. Здесь Кондратьев читал составленные им рефераты. Главными предметами занятий были: история первобытной культуры по Липперту, политическая экономия по Марксу, Богданову и Железнову, рабочее движение в Европе, история революционных движений у нас и заграницей (по разным нелегальным изданиям и журнальным статьям). В занятиях отводилось место и таким вопросам, как о вреде пьянства, о нравственности, о происхождении мира и пр. Во всех кружках в программу занятий входили правила конспирации и тактики — как держать себя на допросах в случае ареста.

Для занятий с менее подготовленными членами по поручению «Рабочего союза» Махов снял маленький домик четыре на четыре метра в другом конце города, на бывшей Владимирской улице (ныне Большая Комсомольская) у портного Борисова. Этот домик был на дворе, что представляло значительное удобство. Махов принял к себе в сожители Диомида Яковлевича Талантова и Никиту Ивановича Панкратова, которого Махов же и обучал грамоте. Нередко после 13—14-часового рабочего дня на какой-нибудь ситцепечатной фабрике члены Союза спешили на конспиративную квартиру, чтобы прослушать интересную беседу. «Ночи проводили почти без сна, — говорит товарищ Талантов. — На квартире собирались каждый вечер, дым стоял коромыслом, — споры, обсуждение злободневных вопросов, чтение — шли без конца. Голова без сна отказывалась иногда совершенно работать, веки невольно слипались, и я сидя засыпал, но возникал какой-либо вопрос, — общими усилиями меня будили и разрешали его совместно». Стол и две табуретки — вот и вся меблировка такой «квартиры». Рабочие усаживались прямо на полу. Маленькая семилинейная керосиновая лампа среди синего табачного дыма еле светилась. Иногда нечем было дышать, тогда открывали дверь в сени. Не взирая на такие условия, на опасность быть арестованными, количество посетителей все увеличивалось. На собрания приходила не только молодежь, но и пожилые рабочие.

В кружках повышенного типа члены Союза писали рефераты на разные темы: «Возможно ли мирное разрешение рабочего вопроса», «Возможна ли агитация», «Выгоды восьмичасового рабочего дня» и пр. Для рабочих это составляло большую трудность, так как многие из них не кончили даже трехлетней школы. Составление рефератов на заданную и, в очень редких случаях, на выбранную тему, обсуждение их на собраниях и чтение хороших книг содействовали развитию ивановских рабочих, а последующие тюрьмы и ссылки — эти своеобразные «рабочие университеты» — дали ивановцам настолько солидную подготовку, что некоторые из них по своему развитию были не ниже интеллигентов.

Кружком на квартире в доме Борисова руководил

Багаев, но скоро стало известно, что его настойчиво выслеживают жандармы. По настоянию Кондратьева Багаев в конце декабря 1895 г. снова вынужден был уехать из Иванова, а его заменил по руководству кружком довольно развитой рабочий Дмитрий Авилович Масленников. С третьим, женским, кружком занималась на своей квартире Варенцова. Таким образом занятия производились в двух конспиративных квартирах, а также у Евдокимова, Багаева и Варенцовой — всего в пяти местах. Таковы были подпольные «партшколы», в которых рабочие, помимо общего развития, получали революционную закалку. Число членов «Рабочего союза» доходило до ста человек. Большинство занимавшихся в кружках впоследствии встало в ряды партии Ленина — Сталина.

Занятия производились не только на пяти квартирах в Иванове, но также и в Шуе. С сентября 1895 г. Евдокимов, Кондратьев и Багаев каждую субботу поочередно ездили в Шую и вели там занятия с членами степановского кружка: Евдокимов — по философским вопросам, Кондратьев — по экономическим, а Багаев — по истории революционного движения. Рабочих на занятия приходило до 15 человек: М. Я. Тепляков, В. С. Таланов, В. А. Полонников, А. М. Леонтьев, В. С. Полыгалов, И. Тимофеичев, Н. Огнев, С. Н. Беляков и др. Шуйский рабочий кружок был организован по типу «Иваново-Вознесенского рабочего союза» и являлся как бы его филиалом. В кружке были установлены двухпроцентные взносы, имелась библиотечка из легальных книг. Нелегальная литература получалась исключительно из Иваново-Вознесенска. После смерти Степанова кружок оставался без местного руководителя. Таким впоследствии явился С. Н. Беляков, работавший приказчиком в обществе потребителей.

К концу 1895 г. организация настолько разрослась и оживилась, что было решено устроить встречу нового года. Всем участникам было предложено подготовиться к этому торжеству и выступить с речами, стихами. Из-за тесноты помещения пришлось разбиться на две группы. В первой группе — по словам Махова — были Кондратьев, И. и В. Кукины, двое Беловых, К. Шаров, Соловьев, Талантов, Панкратов и др., а во второй — Евдокимов, Кудряшев, Грачев, Масленников, Бутин, Яшин, Волков, Макаров и др. Все участники произнесли заранее приготовленные речи. Было чрезвычайно оживленно и весело: пели песни, плясали.

Для храбрости ораторов и в целях конспирации на столе стояло пиво, но водки конечно, не было: «Рабочий союз» всегда пропагандировал трезвость среди рабочих.

Как бы в ответ на прежние грустные песни Махов произнес свое стихотворение «На новый год», в котором зазвучали новые нотки, соответствующие новому, более бодрому настроению рабочих.

Скажу, кстати, несколько слов о Махове. Никифор Иванович Махов родился в 1875 г. в бедной крестьянской семье в 60 километрах от Иваново-Вознесенска — в селе Стебачеве, Суздальского уезда, Владимирской губернии. Долгое время он находился в плену религиозного фанатизма: десятилетним мальчиком он один совершал 100-километровые пешеходные путешествия, посещал монастыри. Но «мерзость и запустение», которые увидел Махов в Сергиевском монастыре, разочаровали его в религии, и он после большой внутренней борьбы порвал с религией, став ярым атеистом.

Отец его — Иван Акимович — имел бедняцкое крестьянское хозяйство, и семье пришлось в «светелке» заниматься домашним ткачеством, чтобы свести концы с концами. С одиннадцатилетнего возраста Махов в течение нескольких лет работал в «светелке», разматывая пряжу, а с пятнадцати лет пошел в Иваново на ткацкую фабрику. Отец тоже нередко работал на фабриках. В Иваново-Вознесенске Махову попались сочинения Пушкина и Лермонтова. Юноша пристрастился к поэзии и стал писать стихи, выражая в них настроение рабочих.

По внешнему виду Махов мало отличался от других ивановских ткачей: серое без кровинки лицо, белокурые волосы. Но зато сероголубые глаза, непослушный вихор над упрямым лбом — говорили о его настойчивости и боевом характере. Он запоем читал книги и с весны 1895 г. благодаря Кудряшеву вошел в ивановскую организацию, занял в ней видное положение, а через год вместе с отцом попал в лапы жандармов.

ПЕРВЫЙ РАЗГРОМ РАБОЧЕГО СОЮЗА

Еще в конце 1895 г. появились признаки, указывающие на то, что жандармы установили наблюдение за Союзом, но организация как-то не придавала этому большого значения. Не обратили внимания и на то, что Василий Закс, отошедший от организации и в течение многих месяцев не посещавший ни одного собрания, вдруг зачастил к своим прежним товарищам и проявил особое пристрастие к нелегальной литературе. 14 января 1896 г., присутствуя на собрании Союза в квартире Евдокимова, он выпросил здесь у Кондратьева брошюру «Что нужно знать и помнить каждому рабочему». Через три дня Закс посетил квартиру Кондратьева, 21 января принял участие в собрании на квартире Махова, а 27 января был у Кудряшева и из сундука с нелегальной литературой выбрал две брошюры. Теперь, из жандармских материалов, видно, что Закс с полученными брошюрами на другой день поехал в Шую и передал их жандармскому подполковнику Добржанскому, подробно рассказав ему о собраниях, состоявшихся зимой 1895 г. в квартире Евдокимова, о праздновании 1 Мая 1895 г. и о собраниях 14, 17 и 21

января 1896 г. Жандармы не замедлили воспользоваться сведениями предателя.

29 января 1896 г. в Иваново-Вознесенск нагрянули жандармский полковник Воронов — из Владимира и жандармский подполковник Добржанский с товарищем прокурора Скопинским — из Шуи. Они произвели обыски у Кондратьева, Евдокимова, Махова, Кудряшева, Соколова и Масленникова. Первые трое были арестованы, остальные оставлены на свободе.

У Кондратьева были найдены: брошюра «Что надо знать и помнить каждому рабочему», рукопись об организации рабочих союзов в России, записная книжка с изложением пяти лекций об экономическом строе и отрывок проекта устава рабочего кружка и кассы.

У Евдокимова также были найдены нелегальные брошюры: «Рабочий день» и «Царь-голод», рукопись статьи, посвященной соображениям и практическим выполнениям программы и перечислению мер предосторожности, необходимых для членов кружков, рукопись под заглавием «Теория социализма», рукописная заметка под заглавием «Карл Маркс и русский рабочий». У Махова, кроме брошюр «Царь-голод» и «Рабочая революция», нашли тетрадь с выписками из «Капитала» К. Маркса, рукописное стихотворение «На новый год» и заметку «Краткий обзор рабочего движения в Англии», оканчивающуюся призывом к русским рабочим организоваться в одну общую партию для борьбы за улучшение своего положения.

Обыски у Кудряшева, Соколова и Масленникова не дали никакой поживы для жандармерии. Кудряшеву совершенно случайно удалось спрятать сундук с нелегальной литературой. Он работал тогда в железнодорожном депо. Прибывших жандармов увидел один черносотенный рабочий, с которым Кудряшев часто спорил, и сказал ему:

— «Вон, за тобой приехали». Кудряшев сейчас же побежал домой и успел до обыска переправить сундук с нелегальными книгами в полицейскую будку — к своему дяде.

Воронов, получивший, очевидно, от Закса сведения о складе нелегальной литературы у Кудряшева, тщательно искал в его квартире литературу: жандармы взламывали пол в сенях, перебирали дрова в дровянике, высыпали муку из мешка.

— Куда он упрятал крамольные книжки, — говорил жандармский полковник. — По имеющимся у нас сведениям тут должно быть много их.

Отобранный у руководителей Союза материал в высшей степени характерен для того периода, когда создавались первые организации марксистской социал-демократической партии. Руководители читали книги Маркса, Плеханова, делали из них выписки и писали самостоятельные статьи о теоретическом и практическом обосновании рабочего движения, составляли устав организации и т. п.

Вскоре окончательно выяснилось, что Рабочий союз был выдан членом Союза — железнодорожным рабочим Василием Заксом. Об этом мне удалось узнать при следующих обстоятельствах. В Шуе, на заседаниях уездного съезда, кичившийся своим «либерализмом» товарищ прокурора Скопинский в частной беседе как-то стал громить рабочих за их некультурность, дикость, пьянство. Я рассердился на Скопинского и сказал ему: «Рабочие в массе действительно некультурны, но в этой некультурности в значительной степени повинны и мы, интеллигенты, ничего не делающие для культурного развития рабочих. А что касается пьянства, то рабочие, и притом далеко не все, пьют только по праздникам. А вот сынки фабрикантов и купцов ведут разгульную жизнь и напиваются каждый день». — «Ну, вы всегда защищаете рабочих, — возразил мне Скопинский, — и находите в них много нравственных качеств, а вот на днях ивановский рабочий Закс выдал своих товарищей и получил за это 30 рублей». В душе я поблагодарил Скопинского за эту откровенность и о предательстве Закса сообщил руководителям Союза.

Арестованные держались на допросах стойко, упорно отрицая свое участие в Союзе, а по поводу рукописей Кондратьев объяснил, что в них изложены лишь его теоретические взгляды на рабочее движение, но эти взгляды он не проводил в жизнь. Кондратьева, Евдокимова и Махова продержали в тюрьме около двух месяцев. 22 марта 1896 г. они были освобождены и до окончания дознания подчинены полицейскому надзору: Кондратьев у своего брата в деревне Куликове, Евдокимов — в Суздале и Махов — в селе Стебачеве у отца. Всем им было предъявлено обвинение «в хранении нелегальной литературы и в покушении на образование противозаконного общества».

Первые аресты Ивановская организация переживала тяжело. Некоторые семейные члены Союза отошли от партийной деятельности, жизнь организации уже не била ключом, как прежде. Правда, библиотека продолжала работать, и в кассе, хранившейся у нескольких товарищей, было 100 рублей. Особенно сказывалось отсутствие в Иваново-Вознесенске руководителей Союза — Кондратьева и Евдокимова. Рабочие частенько ходили к Кондратьеву в деревню Куликово, к Махову — в село Стебачево.

За несколько дней до ивановских арестов в Петербурге был арестован Багаев. Он обвинялся в распространении прокламаций в Нижнем-Новгороде и в участии в Ивановской организации.

РАБОТА СОЮЗА В 1896 ГОДУ. НОВЫЙ ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПЛАН. РАЗГРОМ ШУЙСКОГО КРУЖКА

Паника, вызванная первыми арестами, скоро прошла. Первым встрепенулся неутомимый Кудряшев, снова взявшийся энергично за работу. Поступив на завод Пономарева, он по совету

О. А. Варенцовой тотчас же познакомился с очень развитым и энергичным рабочим А. Ф. Ореховым, который еще раньше непосредственно был связан с Варенцовой и получал от нее нелегальную литературу. Кудряшев быстро сблизился с Ореховым и привлек его в организацию, где они и начали большую работу. Кудряшев возобновил сношения с Шуей, — отвозил туда нелегальную литературу, а из Шуи в Иваново-Вознесенск приезжал Тепляков.

Большую энергию по восстановлению организации проявили также К. Г. Отроков, Н. П. Грачев и младший брат Ф. А. Кондратьева — Иван Алексеевич. Последний бывал на свиданиях с братом в шуйской тюрьме и получал от него соответствующие указания.

Младший Кондратьев и фигурой, и характером значительно отличался от своего брата Федора. Ростом он был ниже, узок в плечах, в нем не было той жизнерадостности, бурной энергии, которой был переполнен Ф. А. Я знал Ивана Кондратьева еще реалистом. По выходе из реального училища он поступил простым рабочим на фабрику, где тихо, но настойчиво пропагандировал среди рабочих социал-демократические идеи. Он умер много лет тому назад.

Работа оживилась. Снова обзавелись конспиративными квартирами, начались собрания, товарищи информировали друг друга о положении на фабриках, о настроениях рабочих. Снова начали читать газеты, делать доклады, обсуждать вопросы, имевшие непосредственное отношение к рабочему движению. Была даже устроена маевка, но участников на ней было мало, и прошла она без того воодушевления и подъема, какой имела маевка 1895 г. Кстати, на эту маевку удалось пробраться и Кондратьеву из Куликова.

Оживлению работы содействовало получение большого по тому времени количества нелегальной литературы, изданной «Петербургским союзом борьбы» в Лахтинской типографии. Получив книги через С. П. Невзорову, часть их я передал на хранение бывшей вне всякого подозрения учительнице Е. И. Миловзоровой, а остальные в несколько приемов отнесла О. А. Варенцова в Куликово. Оттуда литературу забирали Кудряшев и Орехов и широко распространяли среди рабочих. Недаром царская прокуратура, как мы увидим ниже, в своих документах говорит «о значительном количестве нелегальных изданий», распространенных среди рабочих.

Не имея возможности лично воздействовать на массу рабочих и не ограничиваясь свиданиями с приходившими к ним отдельными членами Союза, Ф. А. Кондратьев и Евдокимов дают своим сотоварищам по Союзу письменные указания. Кондратьев составил инструкцию о конспирации и о том, как надо держать себя на допросах, а Евдокимов прислал особое воззвание. Инструкция и воззвание — любопытные документы, поз-

воляющие выяснить те идеи, которые пропагандировались среди ивановских рабочих того времени. Инструкция (в передаче прокурора Московской судебной палаты) начиналась: «Наша партия (слово «партия» в то время употреблялось иногда вместо слов «союз» и «организация»—**С. Ш.)** потерпела поражение. Несколько членов арестовано, за некоторыми следит полиция. Подобное положение накладывает на нас, членов партии, особые обязанности. Нет сомнения, что деятельность партии не должна останавливаться, но надобно стараться изо-всех сил, чтобы избежать повторения краха, но это едва ли удастся; в таком случае надо, чтобы вред от него был возможно меньший...»—«После этого вступления, — говорит прокурор судебной палаты, — автор обращается к объяснению причин, повлекших к обнаружению партии и усматривает их в том, что три кружка, входивших до последнего времени в ее состав, были довольно многочисленны, а члены их без разбора посещали собрания всех трех кружков и были знакомы с руководителями их. Ввиду этого автор предлагает, чтобы на будущее время на каждой фабрике, где есть больше четырех членов партии, они составляли отдельный кружок и вели свои дела отдельно по указанию руководителей, имеющих сношение с центром. Далее рекомендуется особая осторожность при вводе в организацию новых членов и обсуждаются условия ее деятельности. Вся партия, говорится затем, может время от времени делать общие собрания, например, в день 1 Мая, осенью — перед началом зимних занятий, чтобы разбиться по квартирам. Но при таких собраниях необходимо соблюдать, чтобы члены не называли друг друга по фамилиям, а тем более не разъясняли бы значение каждого члена в отдельности. Конечно, все эти предосторожности, такая сложная организация предлагаются исключительно ввиду нелегального положения. В случае обнаружения кого-либо из членов кружка воззвание рекомендует запираться при допросах и предостерегает от каких-либо признаний: «Пусть укоряют, уличают, что вы врете, нимало не смущайтесь. Имейте в виду, что своей твердостью вы можете сбить жандармов». «Не слишком робейте, товарищи», — говорит автор в конце инструкции. «Все тюрьмы в России переполнены, и для вас придется строить новые и много их понадобится, потому что за нас весь рабочий класс. Наша пропаганда попадает в общий тон осмыслить рабочее движение. Смелее же вперед, товарищи!».

Рекомендуемый Кондратьевым организационный план впоследствии был полностью проведен в жизнь. Воззвание Евдокимова (в передаче того же прокурора Московской судебной палаты) начиналось так: «Товарищи! Нас соединило одинаковое положение — тяжелая доля наемных работников. Конкурируя между собой, разрозненные единицы рабочего класса задыхаются в объятиях капитала. Не трудно понять противоположность интересов капиталиста и рабочего. Действуя солидарно, поддержи-

вая друг друга на каждом шагу, устраивая организованные стачки, рабочие могут постепенно улучшить свое положение. Так действовали и действуют рабочие Западной Европы, передовая часть их вырабатывает конечную цель рабочего движения. Рабочие должны уничтожить ненавистный капиталистический порядок, это царство паразитных сословий, царство грабителей, прикрывающихся маской собственности». Далее — по словам прокурора — воззвание указывает на тождество нужд и стремлений западно-европейских и русских рабочих и предостерегает последних от забвения магических слов: «Да здравствует социальная революция!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Призывая затем — продолжает прокурор — рабочих к борьбе против существующего строя, воззвание указывает на средства борьбы. «Для того, чтобы составить деятельную силу, ты должен организоваться, выработать классовое самосознание и начать классовую борьбу против своих угнетателей.

Устраивая организованные, строго рассчитанные стачки, мы заставим фабрикантов повысить зарплату и сократить рабочий день. Празднуя 1 Мая с миллионами западно-европейского пролетариата, устраивая демонстрации, мы покажем русскому правительству, какую силу мы составляем, и оно должно будет постепенно уступить требованиям». «Русскому пролетариату — говорится в заключение — не на кого надеяться... Наша сила в нашем сознании.

Только ясное, всестороннее понимание интересов своего класса дает нам надежную дисциплину. Плотно сорганизовавшись, рабочие кружки составят ядро рабочей партии. Тогда дело трудящегося люда будет обеспечено».

Инструкция Кондратьева и воззвание Евдокимова переписывались, читались членами Союза и были обнаружены у некоторых рабочих во время последующих обысков.

Летом 1896 г. шуйский рабочий кружок еще более окреп, но и в этой организации оказался предатель С. Х. Кирьянов, чертежник с фабрики Товарищества Шуйской мануфактуры, так же, как Закс, подкупленный жандармским подполковником Добржанским. По наущению Добржанского Кирьянов ездил в Иваново к Кудряшеву и будто бы от имени Теплякова просил его привезти в Шую запас нелегальной литературы. В ближайшее воскресенье Кудряшев повез в Шую нелегальную литературу, но, увидев за собой слежку, не доезжая до Шуи, спрыгнул с поезда. Благодаря Кирьянову у Добржанского скопилось значительное количество материала, и он вместе с вновь назначенным в Иваново жандармским ротмистром Тимофеевым «отправился в поход». 16 июня в Шуе были арестованы: рабочий Тепляков, конторщик общества потребителей С. Н. Беляков, слесарь А. Леонтьев, почтальон В. С. Полыгалов и кузнец М. В. Пузанов. На следующий день в Иванове были арестованы: Кудряшев, Орехов, И. К. Котомин и В. А. Полон-

ников (последние двое только что приехали в Иваново из Шуи). Орехова арестовали совершенно случайно. Когда жандармы явились на завод Пономарева и пригласили Кудряшева в контору для производства обыска, к инструментальному ящику Кудряшева подбежал Орехов и переложил находящуюся там нелегальную литературу в свой ящик. Это заметил мастер Осинкин и донес жандармам. Орехова обыскали, в ящике нашли: «Царь-голод», «Рабочий день», «Объяснение новых правил для рабочих», «Наши разногласия» Плеханова и сборник «Социал-демократ», а также «О штрафах» и «Ткачи» Гауптмана в нескольких экземплярах.

У других арестованных также были найдены брошюры, рукописи и письмо за подписью «Федя». По сличении почерков экспертиза установила, что письмо писано рукою Ф. А. Кондратьева, поэтому 9 июля 1896 г. его арестовали вторично. А еще ранее, 15 июня, в деревне Стебачеве по доносу местного попа были арестованы и привлечены к ответственности Махов и его отец Иван Акимович Махов. «Отец Махова, — по словам попа, — высказывал среди крестьян противоправительственные воззрения».

Из числа арестованных Котомин, Пузанов, Полонников, братья Борис и Василий Беловы, Леонтьев и Полыгалов были освобождены сравнительно скоро; Беляков и Орехов пробыли в предварительном заключении более пяти месяцев, а Кондратьев, Кудряшев, Н. Махов и Тепляков содержались под стражей до окончания дела (7 августа 1897 г.). Всего по этому делу, объединившему как Ивановскую, так и Шуйскую организации, было привлечено восемнадцать человек. На допросах у жандармов арестованные держались стойко — жандармы не получили обвинительного материала. Поэтому жандармам и прокуратуре пришлось все обвинение построить главным образом на показаниях доносчиков Закса и Кирьянова. По заключению прокуратуры Московской судебной палаты обвиняемым было предъявлено следующее обвинение:

«Образовавшиеся в течение 1895—1896 гг. в г. Иваново-Вознесенске и Шуе тайные рабочие кружки наряду с задачами самообразования преследовали также цель социал-демократической пропаганды среди местных фабричных рабочих. Орудием пропаганды служили как цензурные книги, так и значительное количество нелегальных изданий... Преступная деятельность членов упомянутых кружков преимущественно выражалась именно в распространении в рабочей среде этих произведений наряду с немногими оригинальными статьями агитационного свойства, составленными главным руководителем пропаганды Кондратьевым. Пропаганда велась с некоторым успехом, но агитационная деятельность обоих кружков не привела к определенным результатам. Частные собрания на квартирах отдельных рабочих, а также сходки членов кружков не привлекали

большого числа посетителей. Дознанием установлено знакомство некоторых отдельных членов между собой (Кудряшева, Теплякова), но за отсутствием указаний следует признать, что систематической связи и единства между обоими кружками (т. е. между Ивановской и Шуйской организациями — С. Ш.) не было.

Тем не менее, данными дознания Кондратьев, Евдокимов, Кудряшев, Тепляков, Беляков, Никифор Махов, Леонтьев, Орехов, Полыгалов, Масленников, В. и Б. Беловы изобличаются в принадлежности к тайному сообществу, имевшему целью возбуждение вражды между фабричными рабочими и хозяевами, а равно возбуждение к устройству стачек. Кроме того, первые семь лиц изобличаются в хранении и распространении сочинений, оспаривающих правильность исторически сложившегося правления российской самодержавной власти. Полыгалов изобличается в хранении таких сочинений, а Кондратьев в их составлении; Ив. Махов уличается в произнесении перед своими односельчанами речей, направленных к порицанию существующего в империи порядка правления. В отношении Пузанова, Котмина и Белогубова дознанием установлено лишь посещение ими некоторых сходок и относительно Полонникова установлено устройство им рабочих собраний для совместных чтений, но определенных указаний на принадлежность этих собраний к тайным рабочим кружкам в Шуе или Иваново-Вознесенске не установлено. Наконец Головкин изобличается только в хранении нелегальных брошюр».

Таковы те немногие сведения об ивановской и отчасти о шуйской организации, добытые жандармерией от Закса и Кирьянова.

Дознание по этому делу было направлено в Петербург, а в это время оставшиеся на свободе и вновь привлеченные члены Союза продолжали работу. Особенную энергию в то время проявили: Грачев, Шаров, Яшин, Л. В. Кулдин, И. П. Мокруев и Н. А. Архангельский. Число членов Союза с каждым месяцем значительно увеличивалось. Ф. А. Кондратьев через своего брата Ивана и свою невесту Х. В. Новикову, ездивших к нему на свидание, продолжал руководить Союзом из шуйской тюрьмы, передавая товарищам разные письменные инструкции и советы.

МАЕВКА 1897 г. И ВТОРОЙ РАЗГРОМ РАБОЧЕГО СОЮЗА

В январе 1897 г. была назначена первая всеобщая перепись населения. Мне было предложено заведовать переписным участком, в который входили Вознесенский посад и Дмитровская слобода. Я с радостью согласился. Участие в переписи давало мне возможность собрать многие интересующие меня сведения

о рабочих. Мне надо было набрать десятка два счетчиков. К сожалению, я не мог привлечь в качестве счетчиков членов организации — они весь день были заняты на фабрике. Я обратился к учительскому персоналу, к фельдшерам и другим более грамотным лицам. Во время набора счетчиков ко мне явился молодой человек, высокий, красивый блондин с чудесными голубыми глазами и мягким голосом. Это был фельдшер из «больницы для чернорабочих» — Николай Семенович Кондратьев. Он произвел на меня приятное впечатление и сразу завоевал доверие к себе. Я рассказал ему, что хотелось бы использовать перепись в целях более подробного изучения положения рабочих: жилищные условия, бюджетные данные, питание, болезни и пр. Он согласился. Мы посвятили в свой план надежную группу в семь-восемь человек, разработали программу, а я выделил этой группе по переписи фабричные казармы и рабочие квартиры, т. е. в смысле сбора необходимых нам сведений самые интересные места. Работая по переписи, Кондратьев стал часто приходить ко мне и брать легальные и нелегальные книги. Мы познакомились ближе.

Родился Кондратьев в Ярославской губернии в 1872 г. Отец его, по происхождению крепостной дворовый, по профессии столяр, дал возможность сыну пройти фельдшерскую школу. «История одного крестьянина» Эркмана-Шатриана открыла молодому фельдшеру глаза на непорядки общественного строя, и он начал искать людей, которые раскрыли бы ему «правду жизни». Проработавши несколько лет по борьбе с холерой и эпидемиями, Кондратьев поступил фельдшером на фабрику Большой Ярославской мануфактуры Корзинкиных (ныне «Красный Перекоп»). Он был свидетелем ярославской стачки 1895 г. и расстрела рабочих. Раненым рабочим он оказывал медицинскую помощь. Кондратьев рассказывал, как власти принуждали фабричного врача Воскресенского сделать подлог в акте о смерти убитого рабочего Соловьева и скрыть, что он умер от пулевого ранения в сердце.

Под влиянием ярославских марксистов А. М. Стопани и братьев Михаила и Павла Павловичей Покровских Кондратьев становится марксистом и завязывает сношения с рабочими, но арест рабочего-марксиста Антона Бурцева, устроенного Кондратьевым на фабрику, повлек за собой обыск у Кондратьева и увольнение его с фабрики. Николай Семенович приехал в Иваново и поступил в «больницу для чернорабочих». В самом начале января 1897 г. в больницу поступили на излечение члены Союза Отроков и И. А. Кондратьев. Узнавши Н. С. Кондратьева поближе, они ввели его в организацию. С этого момента Н. С. Кондратьев и стал работать среди ивановских рабочих пропагандистом.

Кроме Н. С. Кондратьева в организацию вошла еще интеллигентка—акушерка Анна Ивановна Хрящева. Она ранее при-

влекалась в Москве по одному народовольческому делу, сидела в тюрьме и была выслана к себе на родину в Суздаль, где в то время жил под надзором Евдокимов. Последний довольно быстро повернул народоволку на марксистский путь и направил ее в Ивановскую организацию, где женщин было мало. Бойкая, небольшого роста, с простецким лицом, Хрящева по внешнему виду ничем не отличалась от ивановских ткачих. Она захотела работать в самой гуще работниц и в целях конспирации скрыла свое звание и поступила работать на фабрику Мефодия Гарелина, обучилась ткачеству и сделалась настоящей ткачихой. Она энергично взялась за пропаганду и привлекла к организации несколько работниц.

К началу 1897 г. Ивановская организация сумела оправиться от ударов, нанесенных ей жандармскими разгромами в 1896 г., настолько окрепла, что сделалась известной и другим соц.-дем. организациям. В марте 1897 г. я уехал в Шую на судебную сессию. Вернувшись через несколько дней из Шуи, вечером я стал расшифровывать полученную в мое отсутствие книгу. Оказалось, дня два-три тому назад я в качестве представителя Ивановской организации должен был выехать на первый партийный съезд сначала в Москву, а затем туда, куда мне укажут. При таком невольном опоздании ехать уже не представляло надобности, и я очень пожалел об этой грустной случайности, помешавшей мне попасть на съезд.

Впоследствии я узнал, что партийный съезд предполагалось провести в Киеве, куда вызывались представители Москвы, Петербурга и Иваново-Вознесенска. Из Москвы приезжал молодой человек, назвавшийся Ивиным. На киевлян он произвел неблагоприятное впечатление, и ему сказали, что съезд не состоится. Остались только питерцы, киевляне и представители группы польских социал-демократов. Естественно, что при таких обстоятельствах собравшиеся не могли объявить себя съездом. Они открыли предсъездовскую конференцию и на заседаниях 17—18 марта 1897 г. постановили созвать партийный съезд, а для объединения соц.-дем. организаций создать общероссийский соц.-дем. орган и разослать всем организациям ряд вопросов, подлежащих обсуждению на съезде.

Желание сохранить растущую организацию (членов Союза тогда было более ста человек), в условиях усиленной слежки жандармов и шпиков, заставило ивановцев создать новый план организации.

Проект так называемого «внутреннего распорядка» был сначала набросан Ф. А. Кондратьевым в тюрьме, потом он долго обсуждался и перерабатывался, а затем через Хрящеву был сообщен в шуйскую тюрьму Кондратьеву, который вполне одобрил его. Это была попытка теснее связать организацию с рабочими массами, расширить ее влияние, создать для нее прочную базу на фабриках и заводах. Ранее связи организации

с предприятиями были случайны, непрочны. Настоящей повседневной работы на фабриках не велось. Весной 1897 г. новый план организации был проведен в жизнь. Все участники по числу наиболее крупных фабрик были разбиты на двенадцать ячеек с тремя-восемью членами в каждой. Во главе ячейки стоял «выборный». Как ячейки, так соответственно им и «выборные», значились под номерами 1—12. На первом собрании в качестве «выборных» от каждой ячейки были избраны: Мокруев, Яшин, Грачев, Соловьев, Архангельский, Кукин, Шаров, Отроков, Сем. Воронин, Кулдин, Бутин, Новиков. Кассиром руководящего центра, состоящего из всех «выборных», был избран В. И. Муравьев, а библиотекарем — Л. В. Кулдин. Так на ивановских фабриках и заводах стали возникать ячейки по типу теперешних фабрично-заводских партийных организаций.

В апреле 1897 г. я получил из Питера, не помню через кого (Невзорова в то время была уже арестована), значительное количество майских листков с ярко выраженными следами нового экономического направления. В листке рекомендовалось рабочим добиваться десятичасового рабочего дня, в то время как в Иванове и Шуе ткачи и прядильщики уже добились девятичасового дня. Мы с О. А. Варенцовой пришли к выводу, что эти листки нельзя распространять. Руководящие работники организации Хрящева, Н. С. Кондратьев, И. А. Кондратьев и Грачев также присоединились к нам, после чего листки были уничтожены.

Таково было отношение ивановской организации в это время к новому направлению — «экономизму», нашедшему отражение в этих листках.

Что же из себя представляло это направление в истории нашего революционного движения? Зародившись в западных губерниях среди ремесленного пролетариата, «экономизм» стал распространяться в Петербурге в то время, когда первые участники Петербургского союза борьбы во главе с В. И. Ульяновым-Лениным после разгромов 1895 и 1896 гг. находились в ссылке и в тюрьмах. После ареста «стариков» руководство рабочим движением перешло к молодым. Они, в противоположность «старикам», не обладали достаточным марксистским образованием и, главное, не имели надлежащей революционной закалки. А между тем с усиленным развитием промышленности новые кадры вливались из деревни на фабрики. В то же время стачечное движение значительно усилилось. Войдя в соприкосновение с широкой рабочей массой, молодые руководители сначала прислушивались к нуждам рабочих, затем стали приспособляться к их запросам. Из поля зрения их стали исчезать другие, более важные, политические задачи. И отсюда сделанный ими ошибочный вывод: рабочие должны вести борьбу не для каких-то будущих поколений, а для себя и для своих детей. Молодые доказывали, что рабочим достаточно вести только экономиче-

скую борьбу, а политическая борьба — это дело либеральной буржуазии. Они считали, что рабочий класс не должен выставлять своих самостоятельных политических требований, а поэтому ему незачем организовывать свою политическую партию. Таким образом молодые выступили против политической самостоятельности рабочего класса, против революционного марксизма.

Выдвижение на первый план экономической борьбы и послужило основанием к тому, что вновь возникшее направление получило название «экономизма».

В. И. Ленин сразу разглядел оппортунизм «экономистов» и повел против них ожесточенную борьбу. Эта борьба Ленина приобрела международный характер, потому что русские «экономисты» тесно сходились во взглядах с западно-европейским оппортунизмом.

Так зарождались будущие большевики и меньшевики. Последние, постепенно приспособляясь сомкнулись с западно-европейским оппортунизмом, вступили в соглашение с буржуазными партиями, а затем скатились в последнее время в объятия империализма.

В первое воскресенье после Первого Мая организация устроила четвертую по счету маевку, которая состоялась там же, где происходили и предыдущие маевки, — в лесу за витовской фабрикой. Погода была чудесная. По открытой дороге — в одиночку и парами — не торопясь, как на прогулку, шли рабочие. На опушке леса и дальше в глубине встречались патрули и указывали направление. Председателем собрания был избран Н. П. Грачев, открывший собрание речью о положении рабочего класса и о необходимости классовой борьбы. Н. С. Кондратьев говорил о развитии капитализма и о возникновении русского пролетариата. Выступали и другие товарищи. На маевке было 46 человек, разошлись с пением революционных песен: «Отречемся от старого мира», «Доля бедняка» и др. Маевка подняла настроение участников, оживила их, вселила веру в правоту рабочего дела и придала силы для дальнейшей борьбы за интересы рабочего класса.

Во время маевки недалеко от собрания раздавались какие-то шорохи, но им не придали никакого значения, а когда участники маевки возвращались в город, то на перилах моста через речку Талку сидели два жандарма и кого-то поджидали...

Радужное настроение членов Союза продолжалось недолго. Жандармский ротмистр Тимофеев, недавно перед тем поселившийся в Иванове со штатом жандармов, очевидно, не дремал и добыл через какого-то, не обнаруженного до сих пор агента подробные сведения о маевке, составе организации, о руководителях и пр. 9 июня 1897 г. Тимофеев произвел обыски у фельдшера «больницы чернорабочих» Н. Кондратьева, у Хрусталева, Лебедева, у Варенцовой, фельдшера Архангельского

приказчика книжной лавочки Капацинской, Хрящевой, у рабочих Бутина, Косякова, Мокруева, Хохлова, Морыганова, Грачева, Кукина, Шарова, Тарасова, Муравьева, Новикова, Маслешникова, Ивана Кондратьева, Отрокова, Кулдина, Соловьева и у конторщика А. А. Кондратьева (брата Федора и Ивана Кондратьевых), учителя М. Д. Кучина, у Евдокимова (в Суздале) и в нашей книжной лавочке — всего 27 обысков. После обысков были арестованы Н. Кондратьев, Капацинская, Бутин, Варенцова, Хрящева, Мокруев, Грачев, Муравьев, Новиков и Кулдин.

Во время обыска были найдены: рукопись «Внутренний распорядок организации», нелегальная литература и, в частности, «Устав центральной союзной рабочей кассы», изданный «Петербургским союзом борьбы за освобождение рабочего класса» в марте 1897 г., что указывает на получение нами из Питера даже самых последних новинок.

Эта довольно многочисленная группа арестованных на допросах оказалась недостаточно стойкой и выдержанной. Товарищ прокурора Скопинский и ротмистр Тимофеев, окончивший курс военно-юридической академии, так запутали арестованных, что Грачев и Кулдин дали довольно откровенные показания и через четыре-пять дней были освобождены под надзор полиции. Мокруев тоже сделал частичное признание и даже выразил сожаление по поводу своего участия в таком «сообществе», но «назвать членов своего кружка он считал себя не вправе». Но самый богатый материал дал жандармам В. И. Муравьев, который за свою начитанность в шутку назывался «философом». Сначала, помня наставления М. А. Багаева и Ф. А. Кондратьева, Муравьев запирался, но скоро дал самые подробные предательские показания о работе организации начиная с 1895 г. Он назвал всех известных ему участников организации, рассказал о кассе, библиотеке, о маевке 1897 г. После показания Муравьева в августе 1897 г. были привлечены к дознанию в качестве обвиняемых: Ефим Соловьев, Кукин, Семен Воронин, К. Отроков, Н. А. Архангельский и Д. С. Яшин, а сам Муравьев был освобожден. Всего по этому делу было привлечено восемнадцать человек, среди которых было 14 рабочих. К концу дознания все арестованные были освобождены, и остались по этому делу в тюрьме до объявления приговора только Варенцова и Хрящева, как «рецидивистки».

Никто из арестованных моей фамилии не назвал (Закс и В. Муравьев меня никогда не видали), и только Хрящева на вопрос, кого она знала из ивановцев до своего переезда в Иваново-Вознесенск, совершенно случайно указала почему-то на меня, хотя в действительности до ее приезда в Иваново-Вознесенск мы с Хрящевой не встречались.

Из арестованных по первому иваново-вознесенскому делу Кондратьев и его товарищи до приговора сидели очень долго:

Махов в два приема просидел один год четыре месяца, Кондратьев — один год три месяца, Тепляков и Кудряшев сидели почти по одному году два месяца. И только 7 августа 1897 г. состоялось царское повеление, по которому сверх предварительного заключения Кондратьев был подвергнут тюремному заключению на шесть месяцев и полицейскому надзору в избранном месте жительства на три года; Евдокимов и Леонтьев — на четыре месяца тюрьмы и на два года полицейского надзора; Беляков получил три месяца тюрьмы и два года надзора; Кудряшев, Н. И. Махов и Тепляков — два месяца тюрьмы и два года надзора; Орехов — один месяц тюрьмы и два года надзора. Полыгалов, Д. Масленников, В. Пузанов, И. К. Котомин, Полонников, Белогубов, И. А. Махов, В. и Б. Беловы подчинены на один год гласному надзору в избранных ими местах жительства. В. Головкин от наказания (семь дней ареста) освобожден за силой коронационного манифеста 14 мая 1896 г., а Багаев постановлением особого совещания от 8 апреля 1896 г. был выслан на три года в Оренбургскую губернию.

По окончании трехлетней ссылки в Оренбурге Багаева сослали в Иркутскую губернию, а затем в Архангельск. В общей сложности он пробыл в ссылке семь с половиной лет и три года и пять месяцев в тюрьмах.

Помимо пропаганды и агитации среди рабочих, главным образом Иваново-Вознесенского края, Багаев был организатором и деятельным работником «Северного рабочего союза». В 1905 г. он участвовал в Москве в организации типографии ЦК партии, а в октябре того же года был членом боевой дружины. Жандармы так характеризовали его: «Багаев представляет собой выдающуюся в политическом отношении личность как по своей энергии и отважности, так и по обширности его сношений с лицами противоправительственного направления». Вместе с Багаевым все его мытарства мужественно переносила его жена А. Т. Голоскова, которая — по удостоверению охранки — была «сильно революционизирована и посвящена во все конспирации мужа». Прибавим — «не только посвящена» но и принимала активное участие в революционной работе мужа. Последние годы мы вместе с Багаевым принимали участие в работе бюро жалоб Комиссии советского контроля СНК СССР и по поручению Марии Ильиничны — сестры В. И. Ленина — принимали участие в обследовании ряда высших судебных органов (Верховный Суд, Прокуратура РСФСР и пр.). Багаевым написана книга «За десять лет» и целый ряд статей в «Пролетарской революции» и в «Старом большевике» по истории революционного движения.

Кондратьев, Евдокимов и Н. И. Махов по отбытии тюремного заключения отправились отбывать надзор в Харьков, где Махов дважды (1 мая 1899 г. и в феврале 1900 г.) был арестован, просидел в харьковской тюрьме пять месяцев и затем

по соц.-дем. харьковскому делу был сослан на три года в Восточную Сибирь. В ачинской тюрьме администрация подвергла его жестоким истязаниям. Кондратьев и Евдокимов в Харькове отошли от революционного марксизма и занимались профсоюзной работой.

Я лично особенно сблизился с Маховым в 1912 г., когда он учился на кооперативных курсах в Народном университете Шанявского в Москве, а я был там преподавателем. С тех пор наши дружеские отношения не прекращались вплоть до его смерти (умер он в Иванове 12 октября 1938г.). Незадолго до смерти он написал свои воспоминания «Жизнь минувшая». В них он ярко и живо изобразил быт голодной и темной деревни 80-х годов XIX века и свои первые шаги на революционном поприще в Иванове.

Н. Н. Кудряшев, будучи и поднадзорным, не прекращал своей социал-демократической деятельности, а затем, перейдя на нелегальное положение, целиком отдался работе в партийных подпольных типографиях. Сначала он едет в Усть-Сысольск к Щеколдину и пытается организовать там типографию, а когда эта попытка не удалась, пробрался в Екатеринослав (ныне Днепропетровск), где и работал в подпольной типографии. Там за ним началась усиленная слежка, и Кудряшев в 1902 г. переехал в Нижний-Новгород. В подполье мелочной лавочки он организовал партийную типографию. Типография скоро провалилась, и Кудряшев, под другой фамилией, перебрался в Москву, где работал в типографии Московского комитета партии под руководством Н. Э. Баумана. После провала этой типографии он становится ответственным техником Московского комитета.

В 1906 г. под руководством Кудряшева было организовано в Москве три тайных типографии, одна из них находилась в комнате, занимаемой Кудряшевым. В 1907 г. вследствие провокации все три типографии вместе с работающими в них товарищами были одновременно арестованы. Кудряшева скоро освободили под значительное имущественное поручительство в виде дома в Москве, принадлежащего какой-то сочувствующей революции девице. Кудряшеву грозила каторга, и он решил уехать за границу. Но тогда предоставленный в залог за него московский дом подлежал бы конфискации в пользу казны. Посоветовавшись с Багаевым и нижегородским адвокатом Синициным, Кудряшев, подобно Лопухову из романа «Что делать?», инсценировал самоубийство: оставил в запертой каюте волжского парохода «предсмертное» письмо и в темную октябрьскую ночь скрылся с парохода... Инсценировка удалась, дом не был конфискован ввиду «самоубийства» Кудряшева, а сам Кудряшев эмигрировал в Америку, откуда вернулся в 1917 г. По возвращении в Москву Кудряшев работал на металлическом кооперативном заводе и умер членом ВКП(б) 2 января 1935 г.

ДЕЛО О КНИЖНОЙ ЛАВОЧКЕ. МОЙ ВЫНУЖДЕННЫЙ ОТЪЕЗД ИЗ ИВАНОВА

Произведенный в книжной лавочке обыск, к счастью, не дал никаких результатов. Насколько в общем невежественны были тогда жандармы, показывает следующий факт: в протоколе обыска сказано, что в лавочке оказались «книги для народа обыкновенного лубочного содержания». Ни одной лубочной книги в лавочке никогда не было. Жандармы приняли за лубочную литературу сочинения Некрасова, Короленко, Шелгунова и других прогрессивных авторов.

Как с Кудряшевым, так и с Капацинской у нас было строго условлено, чтобы на полках не находилось ни одной нелегальной книги, так как всегда можно было ожидать обыска. И Кудряшев, и Капацинская в точности соблюдали это правило, и когда приносили нелегальные брошюры для передачи другим, то всегда хранили их при себе.

Капацинская за время работы в лавочке привлекла к организации несколько работниц, в том числе Е. Г. Зимину и портниху Елизавету Аркадьевну Володину. Впоследствии Володина заняла руководящее положение в организации, но она вскоре была арестована и умерла во время следования в Восточную Сибирь.

Книжная лавочка и при Капацинской продолжала служить местом для явок, свиданий, передач и пр.[1]

В это время в Иваново-Вознесенске уже не было ни Плотниковой, ни Ереминой. Надо было приискать другое благонадежное лицо с видным положением и получить от полицеймейстера разрешение на передачу книжной торговли этому лицу. После долгих хлопот, наконец, нашли нового заведующего в лице доктора И. А. Мукосеева, который сказал: «Векселя буду подписывать, но отказываюсь от выписки книг». Поэтому работа по выписке книг легла на меня. Мне приходилось часто бывать в лавочке, тем более, что Капацинская первое время была неопытна в этом деле. Непосредственно продажей книг я не мог заниматься и ограничивался только рекомендацией покупателям хороших книг. Между тем за лавочкой было установлено постоянное наблюдение переодетых жандармов и шпиков из трактира, расположенного недалеко от лавочки. Жандармы были уверены, что значительное количество нелегальной литературы, широко распространяемой среди рабочих, идет из лавочки.

Из архивных материалов теперь стало известно, что каждого арестованного жандармы допрашивали, откуда они получали нелегальные книги, но никто о лавочке не сказал. Предатель

---

[1] Впоследствии Капацинская стала преданным большевиком; умерла в 1925 г.

Муравьев на вопрос, откуда получается нелегальная литература, ничего не мог сказать («Нам это не говорили»,— отвечал он), но высказал предположение, что литература получалась через Варенцову.

Арестованный Грачев, проявивший, по словам жандармов, «особенно чистосердечное раскаяние», показал: «Откуда идут эти брошюры, совершенно не знаю, это тайна; говорят, что из Швейцарии» (нелегальные брошюры того времени печатались в Москве, Петербурге и частью, действительно, в Швейцарии в Женевской типографии). А один из основателей первого кружка — Новиков — показал, что найденные у него брошюры он нашел на берегу речки, — так впоследствии показывали жандармам все рабочие, у кого находили нелегальную литературу.

Так, ротмистр Тимофеев никаких данных не получил по интересующему его вопросу. Тогда обратились за помощью к соседним торговцам, которым наша лавочка, не преследующая коммерческих целей, просто мозолила глаза: разве может существовать при капитализме торговля, не приносящая дохода и преследующая какие-то просветительские цели. «Очевидно, тут что-то подозрительное, противоправительственное» — решили они и о своих догадках сообщили жандармам. «Лавочка торгует плохо, она поддерживает себя тем, что торгует запрещенными книгами», — показал торговец Шилов. Другой торговец—Яблоков— «слышал, что там можно получить запрещенные книги». То же самое говорили торговец Кувенев и городовые Киселев и Сорокин.

Торговец Шумарин после ареста Капацинской возмущался: «малых берут, а больших оставляют», недвусмысленно намекая на то, чтобы привлекли и организаторов книжной лавочки. Возмущение торговца Шумарина воздействовало на жандармского ротмистра Тимофеева, и он решил привлечь к делу и «больших». Об этом мы узнаем теперь из архивных документов. Организаторы — по сообщению Тимофеева — выдвинули из своей среды «крайне энергичного и убежденного революционера» Ф. А. Кондратьева, два приказчика в лавочке были последовательно арестованы, а «самая лавочка, как установлено рядом свидетельских показаний и агентурным путем, служила как бы клубом для главных учредителей и организаторов только что обнаруженного в Иваново-Вознесенске тайного сообщества революционного характера». Лавочка, по утверждению Тимофеева, имела сношения с «противоправительственным» книжным складом Муриновых в Москве и имела «постоянную связь с целым рядом тайных сообществ, возникших в Иваново-Вознесенске в течение двух лет, и служила притоном для лиц, политически неблагонадежных...». — «Все это изобличает ее тенденциозное направление противоправительственного свойства и характеризует вредную деятельность кружка».

Тимофеев запросил департамент полиции, возбудить ли по

этому поводу особое дознание или дело об интеллигентском кружке включить в дознание о революционном сообществе рабочих. Начались допросы разных инженеров, все участие которых в книжной торговле выразилось в том, что они осенью 1894 г. передали Ереминой несколько десятков рублей для организации этой торговли.

Я в это время был в отпуске (первый отпуск за четырехлетнюю работу в Иванове). Возвратившись из отпуска, узнал от Щеколдина о всем происшедшем и ждал вызова к Тимофееву. О том, что показали арестованные, мне не было известно, тем более, что выпущенные на свободу Муравьев, Кулдин и Мокруев как-то стушевались и на первых порах отошли от работы.

Наконец, я получил от Тимофеева повестку. Товарищ прокурора Скопинский, присутствовавший при допросе, был как-то смущен, а Тимофеев рассыпался в любезностях. Но мне известно было, чего стоят жандармские «любезности». «Мы с вами оба юристы и студенты, — сказал Тимофеев, — вы кончили Московский университет, а я — военно-юридическую академию». И дальше он стал говорить о своих профессорах. «Мы тоже в свое время либеральничали, мечтали, как и вы, о конституции, — продолжал он — наверное и вы тоже были конституционалистом. Да, я признаю и соглашусь с вами, что существующий у нас строй не соответствует идеалам, которые проповедывали нам профессора. Не правда ли?» — обратился он ко мне. — «Мы сейчас не студенты, — возразил я, — а взрослые люди; давайте лучше займемся тем делом, по которому вы пригласили меня к себе». Видя, что я не иду на его удочку, ротмистр начал задавать мне вопросы о лавочке. Но тут моя позиция была крепка. «Вы, как юрист, — сказал я, знаете, что многие преступления — результат нашей дикости, нашей некультурности. Мы с вами получили высшее образование за счет государства и потому должны поднимать культурный уровень населения, которое не может получить даже низшего образования за отсутствием школ. В таком богатом промышленном городе, как Иваново-Вознесенск, каждый год остается за порогом школы до 500 человек, но зато здесь 200 кабаков, на каждой улице по нескольку питейных заведений. Разве можно терпеть такое положение?». Я продолжал говорить на эту тему, как вдруг Тимофеев перебил меня: «А у вас бывали рабочие по вечерам?». Жандармы любили задавать внезапные вопросы, чтобы таким путем смутить допрашиваемого. «Конечно, — спокойно ответил я, — у меня в камере ежедневно бывает до сотни рабочих, а так как рабочие работают чаще всего днем, то я устроил им и вечерний прием. Ко мне, как к судье, часто приходят рабочие со всевозможными жалобами на фабричную администрацию, тем более, что по закону я обязан принимать не только письменные но и словесные заявления». Затем Тимофеев намекнул на мое знакомство с Кондратьевым. Я отве-

тил, что познакомился с Кондратьевым в кружке инженеров. Из разговора нетрудно было понять, что у Тимофеева — кроме догадок и предположений — никакого обвинительного материала против меня нет: никто из арестованных не назвал моей фамилии. И, действительно, меня не только не назвали те рабочие, которые ходили ко мне и хорошо знали о моей революционной работе, но даже не говорили обо мне никому из своих товарищей.

Я думал, что допросом у Тимофеева дело в отношении меня и кончится, но ошибся. Через несколько дней получаю новую повестку: меня приглашали во Владимир к начальнику жандармского управления — полковнику Воронову. После допроса Тимофеева предстоящий вызов меня не смущал, а каких-либо хитроумных вопросов от простоватого и мало образованного полковника нельзя было ждать. Как и следовало ожидать, весь допрос свелся исключительно к вопросу о лавочке.

В то же время прокурор Владимирского окружного суда Говарков сообщил обо мне прокурору Московской судебной палаты, добавив, что я — «не безгрешен» в этом деле, и что на меня поступали жалобы от фабрикантов, что «он, Шестернин, решает дела пристрастно в пользу рабочих». После жандармов меня стало «мытарить» мое начальство: сначала вызвал к себе в Москву старший председатель судебной палаты, а затем вызвали в Петербург в министерство юстиции. Здесь мне сообщили, что департамент полиции не разрешил возбуждать дела о книжной торговле, но министерство юстиции, «ввиду жалоб со стороны фабрикантов», все-таки не оставляет меня в Иваново-Вознесенске, а переводит в Солигалич — городок в Костромской губернии, в 220 километрах от железной дороги. Очевидно, таково было соглашение между департаментом полиции и моим начальством.

Ехать в такую глушь, как Солигалич, мне не хотелось, а в это время освободилось место городского судьи в г. Ефремове, Тульской губернии, куда меня и направили.

Наша книжная лавочка по распоряжению владимирского губернатора была закрыта, а книги, очевидно, пошли на «просвещение жандармов».

Нашей лавочкой, как теперь выяснилось, интересовалась и московская охранка, которая сочла необходимым сообщить о ней даже московскому генерал-губернатору, дяде царя — Сергею Романову. Указав, что революционные партии разбиты, московское охранное отделение в то же время констатирует, что отдельные революционеры под видом просветителей продолжают вести революционную пропаганду. В качестве примера приведена работа нашей книжной торговли. «Насколько деятельность таких просветителей, — говорится в докладе охранки генерал-губернатору, — была успешна в провинции, можно усмотреть хотя бы из переписки о книжном складе, устроенном при

исключительном содействии Муриновой в рабочем центре — г. Иваново-Вознесенске, где пропаганда, которую вели инициаторы этого дела—негласно поднадзорная Ольга Афанасьевна Варенцова и бывший студент Московского Университета, Сергей Павлов Шестернин (охранка скрывает, что пропаганду вел не «бывший студент», а городской судья — С. Ш.) и другие, — вызвала со стороны местной жандармской власти особое расследование». (Меньщиков. — «Охрана и революция», т. II.)

В декабре 1897 г. пришел приказ о переводе меня в Ефремов. Грустно было покидать Иваново, где я провел четыре самых лучших года моей жизни. Мои близкие друзья — Ф. А. Кондратьев, Варенцова, Евдокимов, Н. С. Кондратьев—сидели в тюрьме; оставался самый близкий мне человек—Щеколдин, с которым мы трогательно простились. Он обещал подробно информировать меня об ивановской жизни и свое обещание превосходно исполнил, так что, находясь вне Иваново-Вознесенска, я продолжал жить ивановскими интересами. Мой отъезд совпал с началом первой ивановской всеобщей стачки в декабре 1897 г. Уезжать в момент открытой борьбы было еще более тяжело...

Из арестованных в июне 1897 г. товарищей Бутин и Н. Кондратьев находились в предварительном заключении уже по шести с половиной месяцев, а Варенцова и Хрящева сидели во владимирской губернской тюрьме вплоть до объявления приговора. И только 7 января 1898 г. состоялось «высочайшее (т. е. царское) повеление», в силу которого Варенцова и Хрящева были подвергнуты высылке в Уфимскую губернию на два года. Е. Соловьев подвергнут четырехмесячному тюремному заключению и двухлетнему надзору полиции вне столичных, губернских, университетских городов и фабричных центров. Кулдин и Грачев получили по три месяца тюрьмы и по два года надзора, И. Кондратьев и Мокруев — по два месяца тюрьмы и по одному году надзора; Новиков — один месяц тюрьмы и один год надзора; Муравьев, Бутин и Н. Кондратьев — по два года надзора; Шаров, Яшин и Капацинская — один год надзора. Воронин, Кукин, Н. Архангельский и Отроков от наказания были освобождены. Варенцову и Хрящеву выслали в Бирск, Уфимской губернии, а остальные попали в Астрахань, Орел, Самару и Саратов. В то время в этих городах не было высших учебных заведений, а фабричная промышленность была развита крайне слабо.

В заключение настоящей главы — несколько слов о тюремных порядках того времени. В Иванове, как в безуездном городе, в то время не было тюрьмы, политических сначала сажали на несколько дней в арестантскую при полиции, которая называлась тогда в народе «клоповником», а затем переводили в шуйскую тюрьму. В грязный и вонючий «клоповник» приводили пьяных для вытрезвления, хулиганов и несчастных, опустив-

шихся на «дно человеческой жизни». «Меня, — рассказывал мне впоследствии Н. С. Кондратьев, — посадили сначала в совершенно темную комнату в «клоповнике», где я и пробыл три дня, пока не явился товарищ прокурора Скопинский и не сделал распоряжения о переводе меня в светлую камеру. В шуйской тюрьме посадили меня тоже в полутемную камеру, из которой не было видно ни клочка неба, так как в близком расстоянии от окна была стена другого здания. В шуйской тюрьме было всего девять одиночных камер: четыре в нижнем этаже и пять — в верхнем. Стены в камерах приблизительно на полтора метра были окрашены в черный цвет, что придавало мрачный вид камере. Нары со множеством клопов, небольшой деревянный столик и такой же табурет — вот и все убранство камеры. Пища была отвратительная: постоянная каша-размазня и щи, в которых нередко попадались маленькие червячки, поэтому приходилось питаться главным образом хлебом и чаем. Можно было отказаться от казенной пищи и тогда выдавали на руки кормовые деньги строго по сословному признаку: дворянам по 20 коп., разночинцам (детям чиновников и низшего духовенства) по 10 коп., мещанам—по 6 коп., а крестьянам только по пятачку на день. В девяностых годах прошлого столетия шуйская тюрьма была переполнена политическими, поэтому там легко было переговариваться и видеться друг с другом. Библиотеки в тюрьме не было, но свидания и передачи допускались».

Суздальская тюрьма—как вспоминает Махов—была устроена так же, как и шуйская. В суздальской тюрьме, между прочим, был карцер: маленькая, совершенно темная и не отапливаемая камера, которая служила жилплощадью для многочисленных крыс. Однажды зимою Махов за «строптивость своего нрава» попал в этот карцер и едва не замерз там. Такой же карцер был и в шуйской тюрьме.

Р. М. СЕМЕНЧИКОВ И КОХОМСКИЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ

Через Семенчикова, а впоследствии через Рябинина я был связан с фабричным селом Кохмой, находящемся в 13 километрах от Иваново-Вознесенска. Семенчиков был членом «Ивановского рабочего союза» и сначала бывал у меня редко, но осенью 1896 г. он поступил на фабрику в Кохму и по воскресеньям стал часто заглядывать ко мне. Это был симпатичный 19-летний юноша, задушевный, страстный, полный горячей энергии. Высокий, статный, с черными блестящими глазами — таким и сейчас он представляется мне. Быстрые движения, горячий темперамент, умение быстро схватывать главное—все это свидетельствовало о том, что из Семенчикова выйдет со временем крупный революционер. У меня с Семенчиковым сразу установились простые, дружеские отношения.

Через десять лет после нашей первой встречи, сидя в риж-

ской тюрьме в ожидании смертного приговора, он прочитал в газетах об увольнении меня из судей министром юстиции Акимовым и занес в свой тюремный дневник следующие строки, тронувшие меня до глубины души: «Только что прочитал последнее деяние г. Акимова и что же там оказалось: «уволен в отставку без прошения судья...Ш». Добрый, славный товарищ. Давненько я не слыхал о нем ничего и вдруг прочитал о нем, как о жертве издыхающего змея... Передайте ему мой привет, может быть, он меня еще не забыл...». Как же можно забыть такого милого товарища, стойкого борца, отдавшего свою молодую жизнь рабочему делу...

Через Семенчикова я передавал в Кохму нелегальную литературу, которую он распространял там. Туда же, к своей родной сестре приезжал на каникулы Рябинин и также привозил с собой нелегальные брошюры.

Первой марксистской ласточкой, залетевшей в Кохму, был местный рабочий Бучитов. Он побывал в Орехово-Зуеве и привез оттуда несколько соц.-дем. брошюр. Социал-демократическую пропаганду Бучитов вел недолго: в том же 1896 г. его отдали в солдаты. Но ему удалось распропагандировать юношу Петра Андреевича Кашникова из деревни Пешкова, Кохомской волости. Вместе с Семенчиковым перебрался в Кохму и другой член «Ивановского рабочего союза», выдающийся товарищ — рабочий Д. Я. Талантов. Ивановцы привезли с собой много нелегальной литературы. Работать было очень трудно. Но пионерам марксизма все-таки удалось завербовать в свою среду нескольких рабочих. К весне 1897 г. в составе кохомского рабочего кружка было уже семь человек: Кашников, Талантов, Семенчиков, Сибрин, Першин, Куранов, Косяков.

В 1897 г. близ деревни Пешкова они устроили первое празднование 1 Мая и положили на нем основание «Кохомскому рабочему союзу». На соснах были вырезаны год, число и инициалы участников празднования, что противоречило всем правилам конспирации. Так, позднее Ивановского на два года, возник «Кохомский рабочий союз», в котором Семенчиков занимал руководящее положение.

Считаю долгом коротко сказать о Семенчикове, которым могут гордиться ивановские рабочие. Роман Матвеевич родился в 1877 г. в селе Сидоровском, Шуйского уезда, Владимирской губернии, в семье крестьянина. Отец отличался тяжелым характером и много пил. Мальчик кончил трехлетнюю земскую школу, под руководством брата — красильного мастера — он изучил красильное дело и сделался помощником мастера. Предстояла сытая и спокойная жизнь, но он отказался от нее, уйдя с головой в революционную работу. «Мне нужна жизнь-подвиг»,— неоднократно говорил он. Примкнувши в 1896 г. к «Ивановскому рабочему союзу», он дважды (в 1898 и 1904 гг.) был арестован и долго сидел в ковровской и шуйской тюрьмах. В

Р. М. Семенчиков (Степан Захаров). Снят во дворе рижской тюрьмы в 1906 г. после объявления ему смертного приговора.

1905 г. он перебрался в Ригу и под именем Степана Ивановича Захарова деятельно принялся за нелегальную работу, но скоро был арестован. Революционная волна, высоко поднявшаяся в октябре 1905 г., освободила его. Рижский комитет большевиков поручил Семенчикову создать боевую дружину и назначил его первым начальником дружины. Но скоро он снова был арестован, и в мае 1906 г. военный суд приговорил его к смертной казни. Этот приговор был отменен, и вторичный военный суд вместо смертной казни назначил ему пятнадцатилетнюю каторгу, которую он отбывал в мрачной Шлиссельбургской крепости. «В цепях работать весьма неудобно», — писал он из крепости 12 марта 1907 г., а через два года он сообщил: «С меня сняли

семь фунтов железа, так что здоровье стало поправляться быстрее, хотя сняли только 16 апреля». По окончании кандального срока Семенчиков в 1910 г. был переведен в алгачинскую каторжную тюрьму в Забайкальской области. Режим в Алгачах был исключительно тяжелый: политических сажали в карцер, били прикладами, кулаками, а врач на просьбу закованных в кандалы заключенных цинично отвечал: «У вас ревматизм, а его хорошо лечить кандалами». Семенчикову приходилось лежать под нарами, без постельных принадлежностей. В 1911 г. он был переведен в мальцевскую тюрьму Горного Зерентуя, где обращение с политическими каторжанами было не менее жестокое. Политические заключенные — М. Сломянский и Ф. Петров — были подвергнуты телесному наказанию, после чего Ф. Петров облил себя керосином и пытался покончить с собой. Другие товарищи ответили голодовкой. После двукратной голодовки Семенчиков заболел тифом и умер в тюремной больнице 13 апреля 1911 г. Так закончилась жизнь нашего дорогого товарища...

Революционная целеустремленность Семенчикова была соединена с лирическими настроениями: он писал очень недурные стихи. Вот одно из его стихотворений:

В руки я лиру взял, да не звучную,
Я на ниву вступил, да не тучную,
Я вам песни спою не небесные,
Сказки вам расскажу не чудесные,
Не скажу я привет сердцу праздному,
Не скажу похвалы безобразному.
Нет, я жизни хочу для себя и других,
Сколько силы найду, послужу я для них.
Буду петь до конца о великом труде,
Буду рваться всегда помогать их нужде.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕГАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Скажу несколько слов о моем участии в создании других (кроме книжной торговли) легальных организаций. Летом в 1897 г. в одно из воскресений ко мне явилась группа сравнительно хорошо одетых рабочих, своими костюмами похожих на питерских металлистов.

— Мы, граверы, решили образовать общество взаимопомощи, но не знаем, как приступить к этому делу. Помогите нам составить устав, — обратились ко мне пришедшие. Я изъявил согласие. Насколько я помню, в то время существовали только профессиональные организации приказчиков, но среди фабричных рабочих таких организаций еще не было, и только в так называемом «царстве Польском», входившем в состав прежней Российской империи, стали возникать тогда среди рабочих кассы

взаимопомощи. Я рассказал об этих классах пришедшим граверам, и мы тотчас же засели за составление устава.

После первого свидания граверы приходили ко мне каждое воскресенье, и мы последовательно обсуждали отдельные положения устава. Составление устава и для меня было делом новым, никаких образцов тогда не было, работа подвигалась небыстро. Все-таки в результате был выработан устав «Иваново-Вознесенского общества взаимопомощи фабричных граверов». За всякими допросами и вызовами меня в Москву и в Питер я не успел окончательно отредактировать устав в Иваново-Вознесенске и закончил его уже в Ефремове.

В течение пяти лет устав «вылеживался» в разных канцеляриях и был утвержден только в конце 1902 г. Устав «общества» по тому времени был довольно широк. Кроме оказания материальной помощи в случае болезни, старости и смерти, «общество» имело право устраивать библиотеки, школы, больницы, приюты для престарелых членов и вообще заботиться о материальном, культурном и правовом положении своих членов. Общество начало функционировать с 1 января 1903 г. и просуществовало вплоть до Октябрьской революции, не выходя из пределов легальной взаимопомощи. Использовать это «общество» в революционных целях было трудно, ибо граверы, как наиболее обеспеченная часть фабричных рабочих, в политическом отношении представляли из себя самый отсталый элемент и в общем почти не воспринимали революционных идей. Всякие попытки некоторых членов «общества» — Маурина Г. П., вступившего в 1898 г. в члены партии (и остававшегося в ее рядах до своей смерти в 1938 г.), и др. — расширить несколько его деятельность встречали противодействие со стороны громадного большинства остальных членов. Характерный штрих: на первом общем собрании в качестве почетных членов были избраны три фабриканта. И только в 1905 г. общество сделало единственный радикальный шаг: примкнуло к всеобщей иваново-вознесенской забастовке.

Другая легальная организация, возникшая при моем участии,— «Иваново-Вознесенское общество трезвости» — оказала значительные услуги революционному движению. В 1895 г. была введена в России винная монополия. Правительство, не довольствуясь акцизом со спирта, взяло в свои руки и продажу вина. Так, в образе казенных винных лавок воскресли старинные «царевы кабаки», которые прежде нередко фигурировали в народных песнях. Чтобы как-нибудь прикрыть свою неприглядную роль в этом деле, правительство не препятствовало общественности организовывать общества трезвости с довольно широкой программой культурной деятельности в виде библиотек, читален, чтений, театральных зрелищ и пр. Я подумывал о том, что хорошо было бы в Иваново-Вознесенске создать такое общество.

Однажды ко мне пришел крайне взволнованный, неизвестный мне человек. Это был кустарь-водопроводчик — Иванов Иван Иванович. Он объяснил мне, что земский начальник Куломзин, в участке которого он проживает, хочет арестовать его за то, что Иванов ведет беседы об устройстве общества трезвости. Узнав, что Иванов мещанин, я успокоил его: земский начальник по закону не мог подвергнуть мещанина аресту в административном порядке. Мы разговорились, и Иванов стал просить меня составить устав, написать воззвание к общественности и провести первое общее собрание. Всю дальнейшую, организационную работу — наем помещения, оборудование чайной, наем служащих и пр. — он принимал на себя. Я, конечно, не отказал Иванову в его просьбе.

Призыв к общественности нашел отклик среди известных в городе инженеров (Быков, Оглоблин и др.), по своему заинтересованных в создании общества: для них трезвость была целью, а для «Рабочего союза» и для меня общество трезвости являлось той легальной возможностью, которую можно было использовать в революционном направлении.

Устав был утвержден очень быстро, но открытие общества было произведено уже после моего отъезда из Иваново-Вознесенска. Из писем товарищей я узнал, что предположения об использовании этой легальной возможности вполне оправдались.

Разрешая общества трезвости, царское правительство в то же время стремилось всячески тормозить их культурную работу. Либеральные газеты и прогрессивные книги не допускались в библиотеки обществ трезвости, предписывалось выписывать разные черносотенные издания, вроде «Троицких листков», «Паломника», погромных брошюр генерала Богдановича. Членам «Рабочего союза» и другим сознательным рабочим пришлось самим вносить «корректив» в черносотенную работу правительства: они приходили в чайную общества трезвости с «Русскими ведомостями», читали их и затем оставляли номера этой газеты для общего пользования. Впоследствии, когда в городе стали печататься в большом количестве нелегальные листки и прокламации, их часто находили вложенными в «Троицкие листки». Чайная общества трезвости служила к тому же местом свидания, явок, передач.

Следует иметь в виду, что общество и само вело немалую культурную работу. Одно время оно имело свой рабочий театр, в нем играли сами рабочие и ставили пьесы Островского. Театр пользовался большой популярностью среди рабочих.

МОЯ СУДЕЙСКАЯ РАБОТА В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ

Во время судейской работы передо мною прошло много любопытных дел. В камере судьи, как в фокусе, отражалась жизнь

города: с одной стороны — произвол, жульничество фабрикантов, с другой — бесправие рабочих. При столкновении классовых интересов я всячески стремился оградить рабочих от алчных эксплоататоров, хотя это представляло чрезвычайную трудность, так как сами законы были написаны в угоду буржуазии и помещиков.

Департамент полиции так расценил мою судейскую работу в Иваново-Вознесенске: «По получении должности городского судьи в Иваново-Вознесенске Шестернин завязал сношения с неблагонадежными в политическом отношении лицами, причем обращено было внимание на то обстоятельство, что при разборе дел между фабрикантами и рабочими он постоянно обнаруживал пристрастие в пользу последних».[1]

В самые последние дни моего пребывания в Иваново-Вознесенске жандармерия и прокуратура поставили мне в вину, что я устроил у себя юридическую консультацию, где принимал по вечерам рабочих и побуждал их предъявлять иски к фабрикантам. Обвинение это имело под собой известную почву. Не имея права открыть правильно функционирующую юридическую консультацию, я охотно принимал у себя рабочих, внимательно выслушивал их жалобы. Если жалоба была основательна, то я записывал ее и заводил особое дело. Такая работа даже по царским законам ничего преступного в себе не заключала, ибо существовала статья закона, обязывающая судью принимать не только письменные, но и словесные заявления. А чтобы записать жалобу, надо внимательно расспросить жалобщика, указать ему, какие доказательства он должен представить в подкрепление своей претензии.

Прием заявлений и по вечерам, естественно, привлекал ко мне рабочих. Они шли со всякими жалобами, запросами, за справками юридического характера. Рабочий не всегда располагал нужными доказательствами, а между тем жалоба его представлялась основательной. Иногда приходилось много подумать, как подкрепить на суде такую жалобу. Помню, однажды, в воскресенье ко мне явилась группа прилично одетых, в котелках и галстухах, рабочих, плохо говорящих по-русски. Оказалось, что это поляки, привезенные фабрикантом Д. Г. Бурылиным из Лодзи. При найме в Лодзи им насулили «горы золота», а действительность оказалась далеко ниже данных обещаний, и они, проработав неделю, решили уехать обратно. Но Бурылин недодал им зарплаты и не соглашался уплатить за обратный путь. Никаких письменных документов у них не было, свидетели находились в Польше. Дело могло затянуться на несколько недель. Тогда я нашел такой выход. Одному из пришедших посоветовал отказаться от своей претензии и выступить на суде в качестве свидетеля, а то, что они получат с фабри-

---

[1] Архив Революции и Внешней политики.

канта, разделить между всеми поровну. Они согласились, и я тотчас послал повестку ответчику. Явился представитель фабрики и был очень удивлен, увидевши на суде свидетеля, подтвердившего претензию истцов. Впоследствии я нередко прибегал к этому методу, когда ко мне являлась группа рабочих, чаще всего сезонников, не имевших доказательств их претензии. Разумеется при этом надо было прибегать к сугубой осторожности, каждого человека из группы опрашивать отдельно, чтобы установить справедливость претензии и убедиться, что здесь нет обмана.

Хотя сезонников — плотников, каменщиков, штукатуров, маляров, кровельщиков, землекопов — было в Иванове сравнительно немного, не более 3000 человек, но жалоб от них на подрядчиков было гораздо больше, чем от фабричных рабочих. Объясняется это тем, что на фабрике взаимоотношения между рабочими и фабрикантами определялись хотя и однобоким, но все-таки законом, а существующие на каждой фабрике «правила внутреннего распорядка» утверждались фабричным инспектором. В общем эти правила были почти одинаковы для всех фабрик города. В отношении же сезонников никаких специальных законов не было, и каждый подрядчик составлял своеобразную «конституцию» для рабочих по своему усмотрению, а «усмотрение» подрядчика сводилось к тому, чтобы крепко держать рабочего в своем кулаке и побольше выжать из него соков, прибыли. У меня сохранилось несколько десятков расчетных книжек, выданных фабричным и сезонным рабочим. Вот, например, книжка, выданная 19 апреля 1891 г. подрядчицей Глебовой каменщику Якову Трофимову. В книжке этой, между прочим, сказано: «если рабочий порядился на первый год и не стоит той цены, за которую поряжен, Глебова может понизить цену по ее личному усмотрению» (разрядка моя — **С. Ш.**).

Сроки уплаты заработанных денег нередко совсем не указывались. Расчетные книжки пестрят выдачами пятачков и гривенников. Но мало этого, все эти Глебовы, Мясниковы, Блескины, Скорынины, Евстигнеевы, Безруковы, Гудковы, Денисовы — были в сущности и мелкими жуликами и при помощи своих малограмотных писарей просто обсчитывали сезонников. Выданные деньги нередко записывались цифрами, а не прописью, с явной целью обмануть рабочего. В книжке, выданной в том же 1891 г. подрядчиком Денисовым Парамону Рыжеву, в графе выданных рублей стоит единица, а в графе копеек цифра 5. Рабочий говорит, что получил только 15 копеек, а по словам подрядчика рабочему выдано 1 руб. 5 коп. Сезонники в то время были сплошь неграмотными, и обманывать их было легко. Неопределенность взаимоотношений в области сезонного труда влекла за собой значительное количество претензий, разобраться в которых было нелегко.

Со стороны фабричных рабочих жалоб на неправильный подсчет заработанных денег было меньше: фабриканты значительно реже прибегали к мелкому жульничеству. От фабричных рабочих чаще всего поступали жалобы на неправильное увольнение, что особенно часто практиковалось на фабрике Бурылина и на механическом заводе Пономарева. По закону уволенному с фабрики рабочему предоставлялось право в течение месяца обжаловать суду распоряжение фабричной администрации о своем увольнении. Дела эти для судьи очень сложные, но в то же время весьма интересные, так как давали возможность проникнуть в тайны фабричной жизни, скрытые от посторонних. Обычно, когда уволенный рабочий приходил ко мне с жалобой, я вызывал представителя администрации. Последний всегда при этом ссылался на один из пунктов следующей всеобъемлющей статьи закона: договор найма может быть расторгнут «вследствие дерзости или дурного поведения рабочего, если оно угрожает имущественным интересам фабрики или личной безопасности кого-либо из лиц фабричного управления или наблюдающих за работами» (разрядка моя — **С. Ш.**). В подтверждение «дурного поведения» рабочего представитель фабрики ссылается на свидетелей — агентов администрации. Они бойко рассказывают, как уволенный рабочий ругал и побил какого-нибудь подмастерья. Свидетели из рабочих, указанные администрацией, тоже подтверждают факт побоев, но уже не так бойко и несколько путаются. Свидетели-рабочие со стороны жалобщика, боясь возможного увольнения за правдивое показание, молчат, жмутся. Добиться правдивого показания от рабочего, всецело зависимого от капиталиста, было очень трудно. Приходилось долго убеждать рабочих показывать правду, потому что и с ними может случиться такая же беда: их уволят, а товарищи не будут давать правдивых показаний. Лишь после настойчивых разъяснений и убеждений рабочие становятся смелее и высказывают правду. Выясняется, что подмастерье первый обругал и ударил рабочего, а рабочий в ответ ударил подмастерья. Делаешь очную ставку рабочим той и другой стороны. В результате и свидетели-рабочие, выставленные фабричной администрацией, начинают отказываться от своих прежних показаний.

Таких дел, требующих с моей стороны немалых усилий, проходило довольно много. В большинстве случаев я признавал увольнение рабочего неправильным и присуждал в пользу уволенного денежное вознаграждение в размере двухнедельного заработка при найме на срок неопределенный и в размере двухмесячного заработка при найме на определенный срок (согласно ст. 110 Устава о промышленности). Любопытно, что за четырехлетний период моего судейства в Иваново-Вознесенске фабричная администрация ни разу не обжаловала моих решений по таким делам.

Интересными делами были иски за переработку. При сдельной оплате, существовавшей на ткацких фабриках, исков за переработку не было. Но при повременной плате — месячной или суточной — рабочих нередко заставляли работать сверх часов, указанных в правилах внутреннего распорядка, но сверхурочную работу нередко не учитывали и не оплачивали. Дела эти были тоже очень трудные. Приходилось подсчет сверхурочных работ, иногда за несколько месяцев, обосновывать исключительно свидетельскими показаниями. В делах подобного рода я прибегал к описанному мною выше методу, рекомендуя одному из потерпевших стать свидетелем, и затем присужденную сумму разделить между всеми товарищами.

Дел об оскорблениях было очень мало. Рабочие иногда поругаются, подерутся, но выпьют вместе и — помирятся. Но был случай жалобы одного рабочего на другого за побои. В суде при этом произошла сцена, которая у присутствующих вызвала не только улыбку, но и сдержанный смех. Побои были нанесены в фабричной уборной, где собралось много рабочих: одни курили, а некоторые, как это нередко бывает в толпе, говорили остроты и шутки. У одного рабочего оказался чрезмерно большой нос. «Вот так нос, — сказал один зубоскал, — такой нос по праздникам бы только носить, а он и в будни не жалеет». Все громко захохотали. Тогда обладатель большого носа набросился на обидчика и сильно поколотил его. Избитый пришел ко мне с жалобой. Свидетели на суде подтвердили жалобу. Взывая к классовому единству сторон, стал уговаривать их помириться. Потерпевший долго упрямился, но затем стал колебаться и, наконец, простил своего обидчика. «Мирись, мирись», — говорила рабочая публика, находившаяся в судейской камере.

Не мешает здесь отметить, что публика вообще живо откликалась на все происходящее в суде. Острое словцо, шутка, одобрение решения, советы тяжущимся раздавались среди публики, которая, придавая живость судебному заседанию, при всем том вела себя в высшей степени корректно и не только не мешала вести судебное заседание, но даже приобщала как-то к своему жизнерадостному настроению. Проводимые мною судебные заседания нравились публике. Нередко бывало так: разбираешь последнее дело, а в камере публика продолжает сидеть. «А у вас какие дела», — спросишь оставшихся. «Мы пришли послушать, у вас интересно», — отвечали мне.

Оскорбления и побои, нанесенные рабочему представителями фабричной администрации, встречали во мне не «мирового», а довольно жесткого судью, тем более, что такие дела доходили до суда очень редко, потому что рабочий решался жаловаться только тогда, когда увольнялся с фабрики. Однажды, перед пасхой, за избиение рабочего я приговорил инженера с химического завода Лепешкина к аресту на месяц. На пасху инженер уезжал за границу и для получения заграничного паспорта надо

было ему получить справку о несудимости. Такой справки я выдать не мог. На другой день после суда он пришел ко мне вместе с потерпевшим рабочим. Последний просил прекратить дело (в то время дела об оскорблениях могли прекращаться по заявлениям потерпевших даже после суда). Просьбу я обязан был удовлетворить. Когда ушел инженер, рабочий сказал мне, что на мировую он получил с инженера 25 рублей, сумму, которая тогда равнялась почти двухмесячному заработку рабочего.

Припоминаю еще случай, имевший место на витовской фабрике, находившейся в районе земского начальника 3-го участка Шуйского уезда И. А. Куломзина. На этой фабрике один из хозяев поколотил рабочего. Хотя обвинение в нанесении побоев было установлено на суде, «премудрый Соломон» Куломзин [1] приговорил Витова только к штрафу на 3 рубля. Куломзин написал в приговоре буквально следующее: «Фабрикант не может без причины побить рабочего, а потому Витов подлежит ничтожному штрафу, но не аресту». Рабочий прибежал ко мне за советом, показал копию приговора. Я объяснил ему, что приговор неправилен и его надо обжаловать Шуйскому уездному суду, который, как я сказал, рассматривал жалобы на решения и приговоры городских судей, земских начальников и волостных судов. Председательствовал в уездном суде обычно член окружного суда Я. И. Богданов (из бедных семинаристов), окончивший Ярославский юридический лицей. Обремененный большой семьей и живя очень скудно, он недолюбливал помещиков, фабрикантов и купцов. Когда в уездном съезде мы прочитали дело Витова, Богданов в совещательной комнате возмущался незаконным приговором Куломзина и высказался за отмену этого приговора. Я присоединился к его мнению. Съезд постановил приговор Куломзина отменить и дело для нового рассмотрения передать мне. «Вы построже расправьтесь с Витовым», — шепнул мне Богданов. Я и без совета Богданова знал, что делать, и при разборе дела приговорил Витова к аресту на один месяц. Но и этот приговор не пришлось привести в исполнение: Витов откупился от ареста 25 рублями, которые он выдал рабочему, и последний прекратил дело. Так фабриканты и все капиталисты, покровительствуемые царскими законами, ускользали легко и дешево от ответственности.

Как и все капиталисты, иваново-вознесенские фабриканты нимало не заботились о здоровье и жизни своих рабочих. Минимальные требования по технике безопасности не выполнялись, а это вело к тому, что на фабриках происходили сплошь и рядом несчастные случаи, часто со смертельным исходом. Дела эти были подсудны Владимирскому окружному суду, но

[1] Земские начальники вместе с административными полномочиями соединяли и полномочия судебные, унаследованные ими от упраздненных мировых судей.

для пополнения состава окружного суда до трех лиц приглашали иногда и нас, городских судей.

Из числа многих подобных дел приведу два, рассматривавшиеся в окружном суде при моем участии 13 и 14 февраля 1896 г. Председательствовал в окружном суде товарищ председателя суда Н. В. Кобылкин, человек весьма неприятный. По первому делу обвинялся ивановский фабрикант Н. М. Гандурин. По его приказанию переносились машины и другие приспособления из старого в новый фабричный корпус. Десятнику артели плотников Крайнову было предложено перенести водяной бак весом в 120 пудов. Бак находился на высоте двух метров, и его надо было на канатах спустить вниз. Фабричная контора вместо каната выдала две веревки. Плотники заявили администрации, что веревки не выдержат такой тяжести, тем более, что одна веревка старая, но на это заявление не обратили никакого внимания. Тогда рабочие сказали об этом фабриканту Гандурину, а тот пригрозил им: «Я уволю вас с работы, если бак не будет спущен к вечеру». Сознавая опасность своей работы, плотники устроили откосы, простились друг с другом, как показал на суде свидетель Селиванов, и приступили к спуску бака. Одна веревка тотчас же лопнула, бак упал и размозжил голову плотнику Дуняшкину.

На суде десятник Крайнов и фабрикант Гандурин виноватыми себя не признали. Гандурин всячески изворачивался, чтобы избежать ответственности. Он говорил, что бак был гнилой, и он, будто бы, приказал не спускать бак, а разобрать его на дрова. Таковы были обстоятельства дела, в рассмотрении которого я должен был принять участие вместе с Богдановым.

Желая воздействовать на нас, председательствующий Кобылкин еще накануне суда говорил нам, что ему жаль Гандурина, что вина его ничтожна. А в день суда, до открытия заседания, Богданов отвел меня в сторону и возмущенно сообщил: «Кобылкин вчера был на вечеринке у фабрикантов, где был и Гандурин». В качестве своего защитника Гандурин пригласил знаменитого московского адвоката Н. П. Шубинского, десять лет перед этим произнесшего блестящую речь в защиту морозовских рабочих. А теперь Шубинской разливался «соловьем», доказывая невиновность Гандурина. Лживые увороты Гандурина были разоблачены на суде фабричным инспектором Юргенсоном. Инспектор показал, что бак был недолго в употреблении и сейчас стоит с водой в новом корпусе, а веревки, как установлено исследованием, могут выдержать тяжесть лишь в пределах 15 пудов. После заседания мы, судьи, перешли в совещательную комнату, где и произошла настоящая буря. Кобылкин бегал по совещательной комнате и не хуже Шубинского защищал перед нами Гандурина, а мы с Богдановым говорили о бесчеловечном отношении Гандурина к рабочим и высказывались за его обвинение и за удовлетворение предъявленного

вдовой раздавленного рабочего гражданского иска. Поскольку мы с Богдановым имели два голоса, Кобылкин волей-неволей принужден был присоединиться к нашему предложению. Крайнов и Гандурин были присуждены к аресту при тюрьме, правда, всего на три дня, а гражданский иск был удовлетворен в размере 10 рублей в месяц пожизненно (Дуняшкин получал только 15 рублей в месяц).

По другому делу скамью подсудимых заняли: директор фабрики «Товарищества Мануфактур И. Гарелина с сыновьями» — П. А. Успенский и механик той же фабрики Завьялов. Они обвинялись в том, что в течение трех лет и четырех месяцев, несмотря на неоднократные предупреждения фабричной инспекции, не исполняли предписанных правил по технике безопасности, вследствие чего 14 апреля 1895 г. один из рабочих попал в машину: у него вырвало плечо и часть легкого. И тут сказалась крайняя небрежность и скупость фабричной администрации. Устройство приспособления, могущего предотвратить такое несчастие, потребовало бы — по заключению фабричных инспекторов Астафьева и Гончарова — всего нескольких часов. Хороши были и фабричные инспектора! В течение трех лет они только делали предупреждения и не приняли за такой долгий период никаких мер к охране рабочих на фабрике алчного фабриканта. Жадность А. И. Гарелина к деньгам была действительно исключительна. Свои капиталы он положил в германский банк, и после того, как во время империалистической войны стало известно о конфискации немцами денег, Гарелина нашли повесившимся.

На этот раз Кобылкин с нами не спорил, и оба подсудимые были приговорены к аресту на два месяца.

Некоторые судебные дела оканчивались мною с пользой для местных просветительных учреждений. Припоминаю одно такое дело. У моста через реку Уводь жили в дружбе и согласии два приятеля — владелец булочной Сарычев и заводчик И. А. Кулаков. Точь-в-точь, как гоголевские Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, из-за каких-то пустяков они поссорились. Подвыпивший Кулаков однажды в приятельской компании сказал, что купил у соседа булку с запеченной мышью. Булочнику сообщили об этом. Сарычев подал на Кулакова в суд и требовал привлечь его к уголовной ответственности за клевету. На заседание явились стороны и приглашенный Кулаковым из Владимира защитник Левитский. Свидетели подтвердили жалобу булочника. Приходилось подвергать Кулакова аресту, но что толку в этом аресте? Я решил примирить враждующих «петухов» с тем условием, чтобы обидчик от имени обиженного внес какую-либо сумму в одно из просветительных учреждений. После долгих убеждений и уговоров помочь библиотеке, состоящей при городском училище, откуда брали книги ученики и рабочие, стороны помирились: Кулаков внес 100 рублей. На эти

деньги я купил книг в нашей лавочке и передал их библиотеке, откуда булочник получил благодарственное письмо за сделанное им «пожертвование» и список полученных книг, с указанием цен. Таких дел, однако, было мало: представители буржуазии судились редко, а предлагать беднякам, которые сами нуждались в помощи, передавать в просветительные учреждения полученные на мировую деньги я, конечно, не мог.

Отмечу еще дела по искам лавочников к рабочим за забранные продукты. После поступления на фабрику рабочий получал заработок впервые не раньше, чем через две недели, а между тем он нуждался в хлебе, крупе, чае, сахаре. Никаких касс взаимопомощи и обществ потребителей в городе тогда не было, и рабочий, естественно, шел к ближайшему мелочному лавочнику (крупные магазины не хотели иметь дела с рабочими) и предъявлял только что полученную на фабрике расчетную книжку. Лавочник записывал в своей книге адрес рабочего, номер его книжки и место работы, после чего открывал ему счет в своей книге, рабочему же выдавал заборную книжку и записывал в нее отпускаемые в кредит продукты. Получив дачку, рабочий платил лавочнику за забранные в течение двух недель харчи и снова начинал забирать в кредит. Весь забор рабочего составлял обычно 6—7 рублей и изредка доходил до 10—12 рублей в месяц. Если рабочий пропускал две-три дачки, лавочник предъявлял к нему иск. Вызванный на суд должник-рабочий обычно всегда признавал предъявленный иск. Лавочник, по моему совету, отказывался от судебных и за ведение дела издержек и тотчас же получал от меня исполнительный лист, по которому контора фабрики, где работал должник-рабочий, производила вычеты из его заработка — не выше одной трети у холостого и одной четверти у семейных.

В заключение расскажу о деле, которое закончилось приговором «по указу его величества народа русского». В конце 1895 г. в Иваново-Вознесенск по народническому делу были высланы под надзор полиции брат моего университетского товарища Н. П. Фомин и кандидат математических наук М. Е. Березин, только что отбывшие тюремное заключение. Они зашли ко мне и потом стали часто навещать меня.

Полиция зорко наблюдала за Березиным и Фоминым. Они не были склонны к знакомству с рабочими, и все шло гладко. И вот случилось так, что Березин и Фомин переехали с одной улицы на другую, а эта улица, оказывается, находилась вне городской черты. Отсюда нелепое обвинение — самовольное оставление города и самовольный переезд на уездную территорию. Полиция, строго соблюдавшая законы, если острие их направлено против рабочих, а тем более против поднадзорных, составила протокол, подписанный взяточником-полицеймейстером Декаполитовым. Протокол был передан мне для применения к Фомину и Березину статьи закона, каравшей поднадзорных

за самовольное оставление назначенного места жительства арестом до трех месяцев или штрафом до 300 рублей. Однажды после большого спора я сказал Фомину и Березину: «Ну, товарищи, успокойтесь; вы совершили уголовное преступление, и я сейчас буду судить вас». Прочитал протокол, «подсудимые» признали себя виновными в переезде на другую улицу, которая, как оказалось, вклинивается в городскую территорию, в то же время оставаясь вне городской черты. Вины в переезде при таких обстоятельствах не было, но оправдательный приговор был невыгоден для Фомина и Березина, ибо давал полицеймейстеру право обжаловать его по существу в уездный съезд, а там дело могло окончиться неблагоприятно для обвиняемых. Поэтому я решил назначить штраф в минимальном размере и таким путем лишить полицеймейстера возможности обжаловать мой приговор по существу (такие небольшие штрафы не подлежали обжалованию). Я встал, обвиняемые поднялись тоже, и прочитал приговор: «по указу его величества народа русского» подвергнуть подсудимых штрафу по 2 рубля с каждого». Все улыбались, а я при этом сказал: «Настанет же, наконец, время, когда судьи будут произносить приговоры не по указу царя, а по указу его величества русского народа».

«Осужденные» остались недовольны приговором и просили меня увеличить размер штрафа, но я объяснил им, с какой целью был назначен минимальный штраф.

Такова в кратких словах моя судейская работа. Жандармы, не отличавшиеся вообще ясностью ума, в данном случае правильно оценили мою работу: во всех спорах фабрикантов с рабочими я действительно «постоянно обнаруживал пристрастие в пользу последних».

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ КОМИТЕТ РСДРП И ТРЕТИЙ РАЗГРОМ ОРГАНИЗАЦИИ В 1898 г.

Одновременно с моим отъездом, 22 декабря 1897 г., в Иваново-Вознесенске началась стачка, быстро охватившая почти все городские ткацкие, прядильные и ситцепечатные фабрики. Это была первая ивановская всеобщая стачка. Продолжалась она до 13 января 1898 г. Ивановская организация, ослабленная в 1897 г. июньскими арестами, не могла принять широкого участия в стачке, но отдельные старые члены — К. Н. Отроков, Д. С. Яшин и только что вступивший в организацию К. М. Макаров — сыграли в стачке значительную роль.

Подробнее о стачке будет рассказано ниже, а сейчас отмечу несколько важных событий из дальнейшей жизни Ивановской организации.

В начале 1898 г. организация снова завязывает сношения с «Московским союзом борьбы». Из показаний арестованных мо-

сковских студентов Ситнина и С. А. Щербакова (Ситнин фигурировал в качестве обвиняемого на процессе «Промпартии в 1930 г.») эта связь стала известна полиции, что причинило много вреда Ивановской организации.

Вследствие усиленной слежки жандармов и шпиков в 1898 г. не удалось провести общей маевки: товарищи разбились на несколько групп и проводили маевку в разное время и в разных местах.

Несмотря на полицейские преследования, организация, руководителем которой стал теперь молодой рабочий Павел Арефьевич Курочкин, ученик Щеколдина, все более разрасталась. К организации примкнули Федор Афанасьевич Афанасьев— «Отец» (убит черносотенцами 22 октября 1905 г.), Семен Иванович Балашов, Евлампий Александрович Дунаев, Елизавета Аркадьевна Володина и целый ряд других рабочих, принявших потом видное участие в революционном движении.

Летом 1898 г. был получен манифест, провозгласивший создание Российской социал-демократической рабочей партии, и иванcвцы объявили себя Комитетом РСДРП.

«Кохомский рабочий союз» также значительно расширился... Вплотную вошел там в работу А. Н. Рябинин, высланный в 1897 г. из Питера в Кохму.

Жизнь Ивановской организации через какого-то агента-предателя из числа членов была известна ротмистру Тимофееву во всех подробностях. Как теперь выяснилось, жандармы вели дневники, чуть не ежедневно отмечая работу организации. Из этих дневников видно, что 14 июня 1898 г. по дороге в Тейково, в лесу, в 5 — 6 километрах от Иваново-Вознесенска, состоялось, собрание, на котором присутствовали как члены Ивановской организации, так и представители от «Кохомского союза»—Кашников и другие. Председательствовал на собрании Курочкин: он прочитал «Манифест РСДРП» и сделал отчеты по «Красному кресту» и по «Рабочему союзу». Отчеты эти говорят о недостаточности средств первых соц.-дем. организаций. «Красный крест» за истекший год получил 208 р., а израсходовал 199 р.; остаток по кассе Союза составил всего 9 руб. На собрании выборных 10 июля было доложено, что остаток на это число составляет уже 78 р. 25 к., из коих, как сказано в дневнике, 50 р. недавно были присланы городским судьей Шестерниным. Из этих денег решено было послать Бутину в Орел и Кулдину в Астрахань по 5 руб. На общем собрании были избраны «выборные»: Семен Воронин, Павел Ерофеев, Сергей Кисляков, Роман Семенчиков, Сергей Гришанов, Никита Панкратов, Алексей Шапатин (кассир), Спиридон Тарасов (библиотекарь), Белов, Елизавета Володина и Павел Курочкин. Курочкину было поручено наблюдать за деятельностью членов Союза и следить за жандармами. Благодаря своему агенту-предателю ротмистр Тимофеев собрал богатый материал об Ивановс-Вознесенском комитете, в результате чего в августе

1898 г. было арестовано 35 человек: Воронин, Володина, Кисляков, Курочкин, Семенчиков, Тарасов, Шапатин, М. Гаравин, А. Гудков, Е. Г. Зимина, Гришанов, Парменов, Трегубов, В. Белов, А. Звездин, В. Соловьев, И. Кукин, Д. Талантов, Ф. Афанасьев, Баранов, В. Беляков, Дьяконов, Догадкин, Жаров, Жуков, Калинин, Карпилов, Отяковская, М. М. Тюрин, Чернышев, Панов, Ф. Гаравин, Ерофеев, Панкратов (последние трое арестованы в результате откровенных показаний С. Воронина, супругов Шапатиных и Гудкова), Щеколдин и Кулаков, только что поступивший в Петербургский технологический институт по окончании Иваново-Вознесенского реального училища.

Большинство арестованных было освобождено в течение первого месяца, а Щеколдин, Володина, Курочкин, Ф. Гаравин, Гришанов и Кисляков в ноябре 1898 г. были отправлены в Москву. Их дела были присоединены к делу «Московского союза борьбы», с которым Ивановский комитет имел связь через студентов С. А. Щербакова и Ситнина. Ф. Гаравин и Курочкин до отправки в Москву сидели во владимирской тюрьме. В Москве опять начались мучительные допросы, и в результате 25 ноября 1898 г. в Таганской тюрьме Ф. Гаравин с целью самоубийства бросился с лестницы второго этажа, сильно разбился и умер в тюремной больнице 5 марта 1899 г., а слабый здоровьем юноша Курочкин заболел в тюрьме туберкулезом и умер в тюремной больнице 12 апреля 1899 г. Остальные арестованные в мае 1899 г. были освобождены, лишь Щеколдин выслан в Воронеж под особый надзор полиции впредь до окончания дела.

В том же 1899 г. были получены известия о смерти еще двоих наших товарищей: умер Отроков, сосланный в Олонецкую губернию за руководство всеобщей стачкой, и покончил жизнь самоубийством Орехов.

Этим милым юношам, четырем жертвам царского произвола и жандармской расправы, я посвятил несколько строк в своей нелегальной брошюре «Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе», напечатанной за границей «Союзом русских социал-демократов» в 1900 г. Считаю не лишним и сейчас коротко сказать об этих пионерах ивановского социал-демократического рабочего движения.

Кирилл Николаевич Отроков родился в феврале 1871 г. в одной из деревень Нерехтского уезда, Костромской губернии. Отец его — зажиточный, но грубый крестьянин, а мать — добрая, религиозная женщина. Скоро родители переселились в Иваново-Вознесенск, где отец открыл кабак, а девятилетнего мальчика отдали в земскую школу. Торговля не пошла, отец стал пить. Сына до окончания курса взяли из школы помогать отцу в торговле, но дело от этого не улучшилось. Отец продолжал усиленно пить, и в семье водворился ад; торговля окончательно пала, после чего Отрокова отдали в лавку мальчиком, а мать поступила на фабрику. После смерти отца четырнадцатилетний мальчик

также поступает на ткацкую фабрику. Вскоре заболела мать, и Отрокову пришлось содержать ее. Борясь с нуждой и читая книги, взятые в библиотеке или у товарищей, юноша задумывается над положением рабочих. В 1892 г. Отроков попадает в первый рабочий кружок, где находит ответ на мучившие его вопросы, затем переходит к изучению рабочего вопроса у нас в России и на Западе. В то же время он увлекается мыслью — основать в Иваново-Вознесенске потребительское общество. В 1897 г. Отроков привлекался по делу Варенцовой и других, но был оправдан.

В декабре 1897 г. он принял самое деятельное участие в стачке и сыграл в ней выдающуюся роль. Во время стачки был арестован и административным порядком отправлен в Повенец, Олонецкой губ., где терпел страшную нужду. Приходилось за 30 коп. в день пилить дрова. По его просьбе он был переведен в другой город и умер в августе 1899 г. от болезни сердца.

Павел Арефьевич Курочкин был значительно моложе Отрокова: он родился в январе 1879 г. в д. Чуприне, Шуйского уезда. Семья П. А. — самая простая. Отец — умный, честный, трудолюбивый человек. Зная цену образования, он всегда был на стороне просвещения и предоставил сыну полную возможность учиться. В школу в Митрофановском погосте, где учительствовал Щеколдин, мальчик поступил в 1889 г. уже грамотным, проявил большие способности и через два года окончил курс, но остался при школе еще на год для пополнения образования. Павел очень много читал, не расставаясь с книжкой часто даже во время обеда и чая. Это был живой, подвижный и впечатлительный мальчик. Вскоре за свои познания Курочкин был выбран школьным библиотекарем, а затем в течение целого года состоял помощником учителя. В Иваново-Вознесенске он поселился в начале 1895 г. и одно время работал за небольшое вознаграждение в ткацкой конторе Иваново-Вознесенской мануфактуры, а затем стал работать на печатной машине на фабрике Полушина. Благодаря рекомендациям — отзыв Щеколдина — Павел Арефьевич Курочкин очень скоро сошелся с сознательными рабочими... Будучи восемнадцатилетним юношей Курочкин уже свободно выступал на сходках и пользовался большим уважением среди товарищей. Его квартира всегда служила местом для сходок. Никогда не терял он присутствия духа. Арестованный вместе с другими в августе 1898 г., Курочкин был весел, шутил, острил и оживлял окружающих. Его отправили в шуйскую тюрьму, а затем во владимирскую. Одиночное заключение, отсутствие книг и скверная тюремная пища сильно подействовали на этого живого и впечатлительного молодого человека. В ноябре 1898 г. он был переведен в московскую тюрьму. Пребывание в тюрьмах тяжело отразилось на здоровье Курочкина: у него быстро развился туберкулез, а его, тем не менее, продолжали держать в тюрьме. 6 апреля 1899 г. тюремный врач сообщил о тяжелом по-

ложении больного. Тогда жандармы 8 апреля спешно составили постановление об освобождении Курочкина под особый надзор полиции: «Ввиду крайне болезненного состояния Курочкина и невозможности выписать его, он по его желанию оставлен в тюремной больнице не в качестве арестованного, до возможности его выписать». А через четыре дня, 12 апреля 1899 г., «освобожденный» Курочкин скончался в тюремной больнице...

Филипп Яковлевич Гаравин — приблизительно таких же лет, как и Курочкин. Насколько хороша семья у последнего, настолько она плоха была у Гаравина. Отец его, правда, грамотный, но тупица и скряга, был бичом своей семьи. Гаравин совсем не учился в школе, ибо еще мальчиком был отдан на один из мелких заводов, где сын владельца выучил его грамоте. Благодаря хорошему влиянию некоторых родственников и товарищей, мальчик в свободное время усердно учился. Мягкий, вдумчивый, скромный, он держал себя просто и пользовался общей любовью. К несчастью, чахотка, повидимому, уже давно свила себе гнездо в слабой груди этого милого юноши. Под влиянием болезни в нем развилась неуверенность в своих силах, при полной готовности отдать себя на борьбу за счастье рабочих.

Юноша, как бы заранее вычеркнувший себя из списка кандидатов на жизнь, нисколько не жалел себя. Его честность и преданность делу были прямо трогательны. Работая ткачом на фабрике А. Гарелина, он самостоятельно заведовал небольшим кружком рабочих, а летом 1898 г. ездил в Ярославль, чтобы образовать там рабочий кружок. В августе 1898 г. Гаравин был арестован вместе с Курочкиным и вместе с ним же испытал тяжелые условия владимирской тюрьмы, а затем был переведен в московскую Таганскую тюрьму. За время мыканья по тюрьмам злой недуг еще более усилился, и 25 ноября 1898 г. несчастный страдалец, идя с прогулки, бросился с лестницы второго этажа вниз головой на каменный пол нижнего этажа. Хотя это падение и не вызвало немедленной смерти, но, вследствие перелома бедра и сильного ушиба затылочной части головы, 5 марта 1899 г. Гаравин умер в тюремной больнице. Тюремный врач дал заключение, что «смерть последовала от хронического туберкулеза»...

Как Курочкин, так и Гаравин были подготовлены к революционной работе главным образом учителем Щеколдиным.

Александр Федорович Орехов происходил из крестьян д. Иваново, Шуйского уезда, Владимирской губернии. Он начал свою жизнь при более сносной обстановке, чем наши друзья Отроков и Гаравин. Отец Орехова — ткацкий подмастерье — дал сыну возможность окончить курс в «Иваново-Вознесенском училище для детей мастеровых и рабочих» (курс равнялся городскому шестиклассному училищу). По окончании курса Орехов некоторое время работал в Шуе в механической мастерской своего дяди Шишалова, а затем перешел в Москву, где в ка-

честве токаря по металлу работал на разных заводах, а последнее время был помощником машиниста на Николаевской жел. дороге. Зная отлично свое ремесло, Орехов имел всегда хороший заработок, чему способствовала хорошая школьная подготовка. После Москвы Орехов переселяется в Иваново-Вознесенск. Здесь через свою двоюродную сестру Шишалову он познакомился с О. А. Варенцовой, а затем с Кудряшевым и постепенно входит в революционную работу.

Вскоре, в 1896 г., и притом совершенно случайно, Орехов был арестован только потому, что желал спасти Кудряшева из лап жандармов. Во время производства дела Орехов вел себя безукоризненно. Ему пришлось посидеть в тюрьме пять месяцев, и тюрьма — по словам Орехова — помогла ему сделаться вполне сознательным рабочим. Читал он много и, будучи от природы пытливым, ничего не принимал на веру без основательной проверки. Он обладал и поэтическим талантом. В особенности хороши его стихи, написанные в тюрьме. По приговору Орехов должен был оставить Иваново-Вознесенск и прожить два года в Ростове-на-Дону под надзором полиции. Сначала жизнь Орехова в этом городе не налаживалась, но затем он занял здесь видное положение в рабочих кружках, был выборным, читал рефераты. Однако кружковая деятельность не удовлетворяла этого бурного человека с широким размахом. Запасшись чужим паспортом, он сбежал из Ростова. Преследуемый полицией, Орехов подумывал о бегстве за границу, но снова вернулся в Ростов, где у него начались объяснения с начальством и обыски. Положение Орехова ухудшалось еще тем, что под давлением жандармерии его стали увольнять с заводов после нескольких дней работы. Последнее время Орехов был мрачен; он стал говорить, что работать при современных полицейских условиях крайне трудно, а ждать, пока эти условия изменятся, слишком долго.

Гидра царизма своими полицейскими когтями душила его... Вольнолюбивый Орехов не выдержал — он стал искать компаньона для самоубийства и, когда нашел его в лице несчастной девушки, умиравшей от чахотки, то с согласия девушки убил из революльвера ее, а затем и себя. Это было в Ростове 3 октября 1899 г., в самый день окончания надзора. Орехов в расцвете сил сошел в могилу: ему было всего только двадцать пять лет.

Эти четыре биографии-характеристики, написанные мною в конце 1899 г. вскоре по получении грустных известий о преждевременной смерти четырех наших хороших товарищей, свидетельствуют, как трудно было работать пионерам революционного марксизма. Нередко тяжелые семейные условия, с раннего возраста непосильная работа на фабрике, неимение зачастую достаточного образования и тем не менее страстное стремление к знанию, свету; затем — товарищеский кружок, нелегальные брошюры и приобщение к идеям революционного

марксизма — вот условия жизни и путь развития многих сознательных рабочих. Как общее правило, этих революционно настроенных юношей ждала мрачная тюрьма, часто без книг и прогулок, с плохой пищей, тягучие, выматывающие душу жандармские допросы, издевательства тюремной стражи. Нередко тюрьма доводила до самоубийства, сумасшествия и преждевременной смерти в тюремной больнице. Дальше, после тюрьмы, предстоял многолетний тягостный полицейский надзор, благодаря которому «поднадзорные» не могли найти заработка, ибо фабриканты и заводчики смотрели на поднадзорных, как на зачумленных. Таков был жизненный путь пионеров марксизма, первых «кротов» социал-демократического подполья, которые своей неустанной работой подрывали стены, охранявшие российский капитализм и царское самодержавие. Теперешней молодежи очень трудно представить себе тяжелую жизнь людей, которые закладывали первые камни нашей великой партии. Несомненно, и этих пионеров марксизма между прочим имел в виду наш великий учитель и вождь товарищ Сталин, когда говорил на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов: «Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты».

Всеобщая стачка 1897 — 1898 гг. настолько встряхнула всех иваново-вознесенских рабочих и укрепила социал-демократическую организацию, что даже многочисленные аресты, произведенные в августе 1898 г., не разрушили организации. Освобожденные скоро после ареста С. Воронин, Тарасов, М. Гаравин, Парменов, Ерофеев и др. вновь повели прерванную было работу, правда, с большей осторожностью. Во главе Иваново-Вознесенского комитета встали тогда С. Воронин, Ал. Жаров, Тарасов и Ерофеев. В 1899 г. комитет впервые выпустил гектографированные прокламации, которые у всех фабрик раздавались прямо в руки рабочим и имели значительный успех. Вместо прежних семи человек, положивших в 1892 г. основание первому рабочему марксистскому кружку, теперь, через семь лет, в городе были уже сотни рабочих, разделявших идеи революционного марксизма и входивших в революционные кружки. Так из искры возгорелось пламя.

Дело Щеколдина и других товарищей, арестованных в августе 1898 г., затянулось, так как было присоединено к московскому делу. Всего по обоим делам привлекалось тогда шестьдесят человек. И только 9 февраля 1900 г. состоялось «высочайшее повеление», по которому Щеколдин был выслан на два года в Вологодскую губ. в г. Усть-Сысольск (ныне г. Сыктывкар, республика Коми). Остальные, кроме предварительного заключения, подверглись гласному надзору полиции вне столичных и университетских городов и фабричных районов: Кулаков и Гудков — на два года, Ерофеев, Шапатин, Панкратов, Тарасов, С. Воронин, Гришанов и Панов — на один год; Кисляков и Пар-

менов отданы под надзор полиции на один год на родине и Володина на один год в Иваново-Вознесенске. Остальные от наказания были освобождены. И высланные под надзор ивановцы разбрелись по Руси, направившись в Царицын, Саратов, Поти, Калугу, Воронеж и другие города, где скорее можно было найти работу для поднадзорного, всюду продолжая революционную деятельность.

1898 год тяжело прошел и для Кохомской организации: там были произведены обыски и аресты. В результате было привлечено к делу одиннадцать человек: Смирнов, Першин, Кашников, М. Китаев, И. Г. Китаев, П. И. Морковкин, А. И. Тюрин, Семенчиков, Талантов, Сибрин и др. Кохомское дело тоже очень затянулось, и только 25 января 1900 г. состоялось «высочайшее повеление», по которому были подчинены гласному надзору вне столичных, университетских городов и фабрично-заводских районов: Кашников и Першин — на два года, Смирнов, Тюрин, Ив. Китаев, Морковкин и Талантов — на один год. Сибрин и М. Китаев, взятые на военную службу, были подвергнуты строгому надзору военного начальства на все время пребывания в армии. О Семенчикове дело было приостановлено впредь до окончания ивановского дела о Щеколдине и др. По объявлении приговора они были арестованы и отправлены по их выбору в Каменец-Подольск, Ростов-на-Дону, Петровск и Оренбург. Так самодержавное правительство, искореняя революционное движение, в действительности сеяло семена марксизма повсюду и даже там, где не было фабрично-заводской промышленности. Революционный марксизм был тем мифическим Антеем, который, соприкасаясь с рабочим классом, получал все новые и новые силы для борьбы с самодержавием и капитализмом за пролетарскую революцию, за диктатуру рабочего класса.

КАК ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО РАСПРАВЛЯЛОСЬ С РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ

Говоря о многочисленных арестах, я писал о жандармских дознаниях, о приговорах по так называемому «высочайшему повелению» или по «особому совещанию», о высылках и полицейском надзоре. Современная молодежь ничего этого не знает и никогда не узнает, и потому я считаю необходимым для характеристики самодержавного произвола и бесправия рассказать о том, как «судили» революционеров в царское время и каким наказаниям они подвергались. Суда, в точном смысле этого слова, тогда не было. Дознание по политическим делам сосредоточивалось в руках жандармов, они производили обыски и аресты, допрашивали арестованных и свидетелей. По закону, который никогда не соблюдался, жандармы должны были все это производить в присутствии лиц прокурорского надзора,

но прокуроры нередко были хуже жандармов. «Блюстителями законов» назначались всякие выскочки, карьеристы: они стремились угодить начальству и путем угодничества занять более высокую должность, продвинуться в министерство юстиции или департамент полиции, где широко пользовались секретными фондами.

Арестованный полностью находился в руках жандарма, производившего дознание. Арестованный не присутствовал при допросе свидетелей (а ими часто бывали разные агенты, шпики, провокаторы, полицейские и жандармы) и не мог уличить «свидетелей» во лжи. Самые показания записывались, как общее правило, жандармами, но записать точно показание — дело очень трудное даже для культурного, беспристрастного следователя, а жандармы отличались именно своей некультурностью. Они стремились к тому, чтобы выловить побольше революционеров. Чем больше арестованных революционеров, — тем больше всяких наград для жандарма в виде чинов, орденов и денежных пособий. Естественно, от жандармов нельзя было ждать беспристрастных дознаний. Не всегда умея разобраться в собранных материалах, жандармы главным образом стремились принудить арестованного сознаться в предъявленных обвинениях и выдать сотоварищей. Отсюда бесконечные, мучительные допросы, иногда с пытками и издевательствами. Сознавшихся быстро освобождали, а упорствующих долго морили в тюрьме... Но вот весь материал собран, дознание закончено, по соглашению с прокуратурой написано заключение с проектом наказаний для каждого арестованного. Дознание направляется в Питер, и здесь по соглашению министра юстиции с министром внутренних дел (в лице департамента полиции) принимается окончательное решение и преподносится на утверждение царю, который, разумеется, никогда с этими делами даже не знакомился. Вот это царское, так называемое «высочайшее повеление» и являлось приговором. От жандармов и чиновников-карьеристов, сидящих в министерстве юстиции и в департаменте полиции и никогда не видавших арестованных, зависела участь последних. Это был не суд, а застенок. Но и описанный порядок производства формальных дознаний оказался стеснительным для правительства: присутствие прокурора все-таки до некоторой степени стесняло жандармов. Поэтому после казни народовольцами царя Александра II в 1881 г. был издан закон об охранах и введен упрощенный порядок рассмотрения политических дел. По этому, так называемому «охранному порядку» губернатор или градоначальник, признав данное лицо вредным для государственного и общественного спокойствия и потому подлежащим высылке, немедленно арестовывал его и сообщал об этом министру внутренних дел. «Особое совещание» при министре обычно удовлетворяло ходатайство губернатора или градоначальника, а министр его утвер-

ждал. В результате получался приговор «особого совещания». Приговоры по «высочайшему повелению» и по «особому совещанию» — вот те орудия, с помощью которых правительство расправлялось с революционерами. Если было добыто много улик, прибегали к «высочайшему повелению», а если улик не было или были только одни агентурные сведения, тогда дело разрешалось в порядке «особого совещания» (охранный порядок). Так «судили» тогда революционеров. Наказаниями служили — тюрьма, ссылка, полицейский надзор и высылка (каторга и смертные приговоры назначались только по суду).

Срок высылки определялся по закону от одного года до пяти лет, но нередко ссылка затягивалась до десяти лет. После ссылки, а также после тюрьмы, следовало запрещение проживания в двадцати-двадцати пяти местах — в университетских городах и фабричных местностях. Полицейский надзор, к которому очень часто приговаривали революционеров, также являлся очень тяжелым наказанием. По закону срок надзора продолжался не свыше пяти лет, но в действительности он нередко затягивался на много лет. Кроме так называемого «гласного», был еще «негласный» надзор, под которым «неблагонадежные» и «сомнительно-благонадежные» лица, знакомые с «неблагонадежными», могли состоять всю жизнь. Поднадзорные были лишены даже минимальных прав. Им все было запрещено и трудно сказать, какая же деятельность разрешалась поднадзорным. Вид на жительство у поднадзорных отбирался, и они не могли отлучаться из места жительства без разрешения полиции, иначе им грозил арест до трех месяцев или штраф до 300 р. Полиция имела право входа в квартиру поднадзорного и производства там обыска во всякое время. Поднадзорный обязан был являться в полицию не только по первому требованию, но также и в дни, назначенные полицией. Деятельность поднадзорного была сильно ограничена: он не мог состоять на государственной и общественной службе, ему запрещалось заниматься педагогической работой. Словом, лицам умственного труда всякая деятельность была запрещена, а рабочих прогоняли с фабрики, как только фабричная администрация узнавала, что они состоят под надзором полиции.

В отдельных случаях воспрещалось поднадзорному непосредственно получать письма и телеграммы: тогда полиция просматривала всю как получаемую, так и отправляемую поднадзорным корреспонденцию. В городах поднадзорные все-таки находили кое-какую работу. Тяжелее было положение поднадзорных, сосланных в глухую тайгу, на север, в Якутию и в другие гиблые в то время места. В сущности полицейский надзор обрекал людей на голодную смерть, но, к счастью, жители ссыльных мест, ненавидящие правительство, относились к поднадзорным сочувственно и старались облегчить их тяжелое материальное и правовое положение. Все граждане (вернее сказать, обыва-

тели, ибо граждан в царской России не было) находились под попечительным надзором правительства русского и делились тогда на благонадежных, сомнительно-благонадежных и, наконец, на неблагонадежных. К последним — по секретным циркулярам царского правительства — относились рабочие, крестьяне и учащаяся молодежь. Значит, правительство никаких «благих надежд» не могло возложить и в действительности не возлагало на всех трудящихся. В 1881 г. был издан гнусный закон об охранах, и скоро вся Россия была покрыта сетью усиленных и чрезвычайных охран, а некоторые местности были объявлены на исключительном и даже на военном положении. В силу этих положений полиция и жандармерия имели право производить обыски во всякое время и во всех без исключения помещениях, имели право каждого жителя подвергнуть без всякого суда аресту на две недели, а при чрезвычайной охране — аресту до трех месяцев или штрафу до 3 тысяч руб. Очень часто аресты производились на основании клеветнических агентурных данных и анонимных доносов. Нередко в постановлениях об аресте писали: «арестовать впредь до выяснения причин ареста». Значит, арестовывали не потому, что собраны какие-либо улики, а для того, чтобы собрать эти улики. С тою же целью производились повальные обыски среди «неблагонадежных» людей. По закону 1881 г. полиция могла производить обыски только по письменному предложению старших чинов полиции — исправников в уездах и полицеймейстеров в крупных городах. В действительности, становые приставы и даже околоточные надзиратели и урядники производили обыски без разрешения своего начальства и за такое «превышение власти» не только не подвергались наказанию, но даже получали награды.

А если заглянуть в деревню, то там, помимо общего бесправия, царил особый, ничем не ограниченный произвол властей. Полиция сажала под арест старост за недоимки крестьян, а те в свою очередь вымещали свою злобу на неплательщиках; земские начальники без всякого суда сажали крестьян под арест за неисполнение их будто бы «законных» требований; волостные суды под влиянием земских начальников и помещиков пороли крестьян, а сельские общества под давлением кулаков-мироедов без всякого суда ссылали своих «порочных членов» в Сибирь. Таков был произвол в царской России, такова была расправа не только с революционерами, но и с «неблагонадежными» в глазах правительства слоями трудового народа.

ЕФРЕМОВ, БОБРОВ И МОИ СНОШЕНИЯ С ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОМ

Из Иванова, как сказано выше, я попал в Ефремов, Тульской губ. Если в Иваново-Вознесенске хозяйничали фабриканты,

то в Тульской губ., где преобладало помещичье хозяйство, тон жизни задавали дворяне, беззастенчиво эксплоатировавшие крестьян — съемщиков помещичьей земли и наемных рабочих. В 1897 г. Тульскую губернию постиг сильный неурожай, но говорить о неурожае и голоде было строго запрещено: можно было говорить только о «недороде» и «недоедании». Последствия неурожая сказались особенно к весне 1898 г., который тоже был неурожайный. «Рожь пропала совершенно, — говорит Лев Николаевич Толстой. — Едешь версту, две, десять, двадцать, и по обеим сторонам дороги на помещичьих землях вместо ржи сплошная лебеда, на крестьянских — нет даже лебеды». (Т. 12-й, ст. «Голод или не голод?»). Положение тульских крестьян было ужасное, а между тем всякая помощь голодающим была строго запрещена. Столовые, открытые даже Л. Н. Толстым в Тульской губ., были опечатаны по распоряжению губернатора. «Считается, — добавляет Л. Н. Толстой в той же статье, — что нужды в Ефремовском уезде нет, и что помощь не нужна».

Молодежь по примеру борьбы с голодом в 1891 — 1892 гг. двинулась в деревню на помощь голодающим. Приехали и к нам в Ефремов несколько студентов, которые нашли приют у меня, но полиция бесцеремонно прогнала их из деревни. Нельзя было равнодушно смотреть на страдания крестьян, особенно детей, женщин... Несмотря на запрещение администрации, я все же направился в деревню, где увидел удручающую картину. Люди ходили, как тени, многие не ели по три-четыре дня. Не имея возможности помочь всем, я взял на себя заботу о детях. На полученные из Москвы деньги я закупил пшена и раздавал его по деревням для малышей.

Губернатору и земским начальникам такая деятельность пришлась не по вкусу, они поднялись на дыбы; со стороны дворян посыпались жалобы на мое «пристрастное» отношение к крестьянам в их спорах с помещиками. Чаша дворянского «терпения» переполнилась, когда я публично заявил, что никогда не пойду на утверждение приговора волостного суда о телесном наказании. Надо сказать, что за мое четырехлетнее пребывание в Иваново-Вознесенске в Шуйском уезде, где дворянские имения в громадном большинстве перешли к фабрикантам, не было ни одного приговора волостного суда с назначением телесного наказания. В дворянском же Ефремовском уезде телесное наказание в волостных судах под влиянием помещиков постоянно практиковалось. Таким образом, несмотря на отмену крепостного права, остатки крепостничества здесь продолжали существовать. При рассмотрении в Уездном съезде жалоб на приговоры волостных судов земские начальники, зная мои взгляды, сначала высказывались за отмену телесного наказания, но после моих посещений голодающих деревень они изменили тактику — высказывались за телесное наказание, а я, конечно, не подписы-

вал их постановлений. Полетели телеграммы в Питер и в начале 1899 г. меня перевели в Бобров, маленький город Воронежской губернии.

В Воронеже я встретил своего друга — Щеколдина, высланного после тюрьмы в Воронеж впредь до окончания дела. Через него мои связи с Иваново-Вознесенском еще более оживились.

В 1900 г. в Париже должен был состояться Международный социалистический конгресс. Иваново-Вознесенский комитет РСДРП предложил мне написать доклад к этому конгрессу, что я и выполнил, так как за время моего пребывания в Иваново-Вознесенске собрал значительный материал о рабочем движении в Ивановском районе. Составленный мною доклад был одобрен комитетом, отправлен за границу и был напечатан «Союзом русских социал-демократов» в женевской типографии в 1900 г. под заглавием «Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе за последние 15 лет». В том же году мне еще раз пришлось коснуться жизни рабочих Иваново-Вознесенска. В декабрьской книжке народнического журнала «Русское богатство» за 1900 г. была помещена гнусная статья фабричного инспектора Дадонова об ивановцах. Теперь стало известно, что статья Дадонова до ее напечатания встретила в редакционной коллегии журнала большие возражения. Один редактор возражал против цифр, а другой редактор — В. Г. Короленко — «выкинул почти две главы, цифры сократил тоже довольно радикально», — так писал Короленко третьему члену редакции, известному противнику марксизма Н. К. Михайловскому.

Общий вывод Дадонова, что фабрика ничего не дает рабочим и не содействует их развитию, очевидно, соответствовал настроениям народнического журнала. Указание Дадонова, что «ивановские рабочие проявляют глубокое равнодушие к знанию» и что в Иваново-Вознесенске «нет ни одной книги на дому в целом районе с 20 000 жителей», являлось гнуснейшей клеветой на рабочих, а они, как я знал, с большим желанием брали для чтения книги из библиотек, тратили последние гроши для покупки книг в нашей лавочке, с жадностью читали нелегальные брошюры и вообще рвались к свету и знанию. Такой тяги к книге среди фабричных рабочих не видели ни Дадонов, ни народники из «Русского богатства». Надо было разоблачить клеветнические выпады Дадонова. Ивановские товарищи прислали мне необходимый цифровой материал, и я написал статью против Дадонова. В мартовской книжке «Русского богатства» за 1901 г. появилась моя статья «Город Иваново-Вознесенск», разоблачающая Дадонова. Дадонов написал довольно слабый ответ, но редактор Михайловский не дал мне возможности высказаться вторично и на этом прекратил нашу полемику.

Оказывается, Владимир Ильич, живя в то время в эмиграции, прочитал статью Дадонова и мое возражение и сейчас же

принял меры к окончательному разоблачению измышлений Дадонова. По поручению Владимира Ильича 17 апреля 1901 г. Н. К. Крупская в своем письме (опубликованном в № 8 «Ленинского сборника») писала в Орехово ученику Владимира Ильича — рабочему Ивану Васильевичу Бабушкину, который часто бывал в Иваново-Вознесенске: «В «Русском богатстве» некто Дадонов написал возмутительную статью об Иваново-Вознесенске... Шестернин опровергал там же Дадонова. Дадонов написал статью еще более возмутительную, и тогда «Русское богатство» заявило, что оно прекращает дальнейшее обсуждение вопроса. Очень важно бы было поместить в «Искре» или в «Заре» опровержение этого вздора со стороны рабочего» (в рукописи последнее слово подчеркнуто Владимиром Ильичем тремя чертами). Не стесненный легальными рамками, Бабушкин блестяще выполнил поручение Владимира Ильича. Статья Бабушкина «В защиту иваново-вознесенских рабочих» за подписью «Рабочий за рабочих» была напечатана в приложении к № 9 «Искры» за октябрь 1901 г.

ИВАНОВЦЫ В ВОРОНЕЖЕ. ОРГАНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА И МОЯ ВТОРАЯ ВСТРЕЧА С В. И. ЛЕНИНЫМ

В начале 1900 г. О. А. Варенцова окончила срок ссылки в Бирске, Уфимской губ.

Помимо Уфимской губ. О. А. Варенцова впоследствии отбывала ссылку в Астраханской, Вологодской и Олонецкой губерниях, всего пробыла в ссылке десять лет, сидела три года одиннадцать месяцев в разных тюрьмах и много лет пробыла под надзором полиции. Была организатором и деятельным членом «Северного рабочего союза» и принимала самое активное участие в подпольной работе. С марта 1917 г. Варенцова работала секретарем военного бюро при Московском комитете РСДРП(б), а с 1919 г. по 1921 г. — секретарем Иваново-Вознесенского губкома РКП(б)... Последнее время Варенцова работала в институте Маркса — Энгельса — Ленина. Написала несколько книг («Северный рабочий союз», «Стачки и демонстрации 1912—1914 гг.», «Военное бюро при МК большевиков 1917 г.» и «IV объединительный съезд») и целый ряд статей по истории ВКП(б). О. А. Варенцова член партии с 1893 г.

Царская охранка так характеризовала Варенцову: «выдержанная, уравновешенная натура, заядлая социал-демократка искровского толка. Много поработала в Иваново-Вознесенске... Лично ведет постоянную пропаганду среди рабочих».

Характеристика неплохая, хотя и шла из вражеского лагеря.

По окончании ссылки в Бирске Варенцова получила свободу, но с запрещением проживания в двадцати двух губерниях, в числе которых были Владимирская и даже Уфимская губ.

Сначала она перебралась в Уфу, где встретилась с В. И. Лениным и Н. К. Крупской, возвратившимися в феврале того же года из ссылки в Восточной Сибири. Недели через две после переезда в Уфу полиция предложила Варенцовой в трехдневный срок покинуть Уфимскую губ. Тогда она решила переселиться в Воронеж, но по моему приглашению предварительно приехала в Бобров и отдыхала у меня до конца апреля. Хотя Варенцова жила у нас уединенно, на улицу выходила только по вечерам, все же «всевидящие и всезнающие» жандармы пронюхали о приезде Варенцовой и сообщили об этом в департамент полиции. Как видно теперь из архивных материалов, департамент полиции тогда писал: «городской судья г. Боброва, Воронежской губ., Шестернин, равно как и жена его Софья Павловна, урожденная Невзорова, привлекавшаяся в 1897 г. к дознанию по обвинению в государственном преступлении, вошли в непосредственные сношения с лицами, занимающимися активной революционной деятельностью, оказывая последним приют в своей квартире. Из числа лиц последней категории заслуживает особого внимания проживавшая в квартире супругов Шестерниных видная представительница «Северного рабочего союза» Ольга Варенцова, высланная ныне по высочайшему повелению под надзор полиции на три года в Астраханскую губернию».[1] Отдохнув в Боброве, Варенцова перебралась в Воронеж. С ее приездом там образовалась группа ивановцев: Тепляков, Варенцова и др. Щеколдин, также проживающий в Воронеже, получил приговор по своему делу и был отправлен в ссылку в Усть-Сысольск на три года.

Конец девяностых годов прошлого столетия для революционного движения был тяжелым временем. Это был — по выражению В. И. Ленина — период разброда, распада, шатаний. I съезд РСДРП, состоявшийся в 1898 г., не преодолел раздробленности и кустарничества организаций.

Значительно усилился и в России и заграницей «экономизм». После ареста Ленина к руководству «Петербургским союзом борьбы» пришли так называемые «молодые», которые начали издавать газету «Рабочая мысль» с ярко выраженным (№ 5) экономическим направлением. И вообще повели ошибочную линию. В 1898 г. Кускова и Прокопович выпускают свое пресловутое «Кредо» (Исповедание веры). Они провозглашают, что русские рабочие должны вести только экономическую борьбу. Этому оппортунистическому, изложенному в «Кредо» положению, ставящему рабочих в подчинение буржуазии, Ленин с товарищами по ссылке наносит сокрушительный удар в своем «Протесте 17-ти».

В эмиграции «экономисты» захватывают в свои руки заграничный «Союз русских социал-демократов» и издаваемый союзом журнал «Рабочее дело». Группа «Освобождение труда»

---

[1] Архив Революции и Внешней политики.

во главе с Плехановым выходит из «Союза русских социал-демократов». «Экономисты», которые по своему органу теперь стали называться «рабочедельцами», и другие враги марксизма всячески стараются выхолостить революционную сущность из учения Маркса, защищая бесперспективность, раздробленность, кустарщину.

Отстоять революционный марксизм, создать общероссийский орган и сплотить действительных сторонников марксизма в единую боевую революционную партию — такова была задача ближайшего времени. Эту задачу поставил и блестяще разрешил Владимир Ильич Ленин.

В Воронеже с его слабо развитой промышленностью скопилось в то время много ссыльных и поднадзорных. Тут были народовольцы, рабочедельцы во главе с Юлией Маховец, брат которой — Махновец-Акимов — жил тогда в эмиграции и входил в состав редакции «Рабочего дела». Кроме того, поднадзорные — Л. Н. Карпов, А. И. Любимов, Д. С. Постоловский, Н. Н. Кардашев с женой, Д. В. Костеркин и др. — составляли вместе с ивановцами обособленную и сплоченную группу. Участников этой группы называли «американцами». Я частенько приезжал из Боброва и постоянно виделся с «американцами». Все они были тогда сторонниками революционного марксизма и вели постоянную борьбу с рабочедельцами...

В самый разгар этой борьбы Ю. П. Махновец возвратилась из Женевы, где только что происходил съезд заграничного «Союза русских социал-демократов». Было решено созвать в Воронеже совещание, куда были приглашены между прочим Чернышев из Курска, я и моя жена С. П. Невзорова. Но жена на этом совещании по болезни не могла быть.

В мае, в одно из воскресений, нас собралось человек тридцать, и на трех лодках мы поехали по реке Воронежу среди топких и болотистых берегов. Среди собравшихся были не только марксисты и рабочедельцы, но даже несколько народовольцев. С трудом отыскали сухой берег, покрытый молодой зеленью. Махновец сделала доклад о съезде и сообщила о причинах выхода плехановцев из союза русских социал-демократов, объясняя это не принципиальными разногласиями между двумя направлениями, а диктаторским свойством характера Плеханова. Доклад не удовлетворил собравшихся, так как позиция Плеханова была выяснена недостаточно. «Надо выслушать и другую сторону», — говорили собравшиеся.

Среди марксистов наиболее подготовленной оказалась О. А. Варенцова. Будучи в Уфе, она познакомилась с «Кредо» и «Протестом 17-ти», а также с организационным планом В. И. Ленина. Выступив вслед за Махновец, Варенцова указала на принципиальную сторону разногласий. Собрание прошло вяло и вследствие пестрого состава не приняло никакого постановления.

Осенью 1900 г. ивановцы вместе с другими «американцами»

и при участии специально вызванного для этой цели М. А. Багаева положили основание «Северному рабочему союзу».[1] Союз поставил своей целью сплотить партийные организации, находившиеся во Владимирской, Ярославской и Костромской губерниях, и проводить там «искровское» направление.

Полемика между марксистами и рабочедельцами в Воронеже порою принимала характер резких столкновений. Одно из таких столкновений было даже предметом третейского разбирательства. Марксисты революционного направления в качестве судьи выставили твердокаменного и горячего Н. А. Ряховского, а рабочедельцы — статистика Воронова. Долго спорили о председателе третейского суда и в конце концов остановились на мне. На заседаниях с трудом приходилось сдерживать стороны от бурных выступлений.

В этот приезд я остановился у одного из знакомых — В. Г. Георгиевского. Он ни в какую революционную организацию не входил. Возвратясь с последнего заседания в пять часов утра, я с ужасом узнал, что Георгиевский накануне вечером покончил жизнь самоубийством, бросившись под поезд. Комната его оказалась опечатанной, а в ней, что меня очень встревожило, находился мой маленький чемоданчик с нелегальными брошюрами. К счастью, квартира опечатывалась не полицией, а судебным приставом, и описи вещей еще не производилось. По моей просьбе пристав распечатал квартиру и выдал мне, как судье, чемоданчик, не взглянув в него.

В том же 1900 г. я имел счастье вторично повидаться с В. И. Лениным. В начале июня мы с женой получили телеграмму от А. И. Ульяновой с приглашением приехать в Подольск по указанному адресу. Значит, Владимир Ильич в Подольске— решили мы — и тотчас же выехали из Боброва.

Шесть лет прошло со дня моей первой встречи с Лениным. За это время Владимир Ильич возмужал, стал шире в плечах. Он был жизнерадостен, оживлен и полон планов объединения представителей революционного марксизма. Владимир Ильич много говорил об издании заграницей общероссийского партийного органа и приглашал нас с женой сотрудничать в этом органе.

Мы с женой пробыли два дня в семье Владимира Ильича. С ним были тогда его мать, милая Мария Александровна, сестры — Мария Ильинична и Анна Ильинична со своим мужем М. Т. Елизаровым и брат, врач Димитрий Ильич.

Как сейчас, вижу Марию Александровну с ее нежной, прелестной улыбкой и чудесными глазами. Она умела каждого окружить теплотой своего сердца, и всем около нее было както особенно хорошо и приятно. Удивительно большая душевная сила таилась в этой маленькой, хрупкой фигуре, которая вынесла так много горя и страданий в связи с казнью

---

[1] История „Северного рабочего союза“ подробно описана в книге О. А. Варенцовой.

старшего сына и многократными арестами остальных детей. В радостной встрече с друзьями и в задушевных разговорах время протекало необыкновенно быстро. Погода стояла превосходная, солнце светило ярко. Мы с Владимиром Ильичем уходили на реку Пахру купаться, плавали, ныряли, любовались бриллиантами брызг, причудливо сверкавшими на солнце. Мы вели себя, как пятнадцатилетние юноши, хотя Владимиру Ильичу было тогда уже тридцать лет. Он с каким-то особенным воодушевлением и страстностью отдавался этому приятному удовольствию.

Вспоминается наш разговор о «Рабочем деле». Узнав, что нам, практическим работникам на местах, приходится поневоле пользоваться некоторыми брошюрами «Рабочего дела», хотя мы и не разделяли «экономизма», Владимир Ильич слегка пожурил нас. Анна Ильинична стала защищать, говоря, что другой литературы нет, поэтому и приходится довольствоваться некоторыми изданиями «Рабочего дела».

На второй день вечером мы с женой поехали в Нижний-Новгород, куда через день прибыли и Владимир Ильич с Анной Ильиничной. Жена, как нижегородка, созвала местных партийцев, перед которыми Владимир Ильич развивал свои организационные планы объединения сил и издания заграничного партийного органа. Собрание происходило в квартире матери моей жены на Полевой улице (ныне улица Боброва) в доме Пятова.

Так мы провели с Владимиром Ильичем еще один день, памятный на всю жизнь.

Мы с женой некоторое время пробыли в Нижнем, а Владимир Ильич с Анной Ильиничной направились на пароходе в Уфу к Надежде Константиновне, которой предстояло пробыть в ссылке еще один год.

КАК ЖИЛИ КРЕСТЬЯНЕ В 70—80 ГОДАХ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ

Мои воспоминания были бы неполны, если бы я не коснулся бедственного положения крестьян и рабочих, нищета и бесправие которых в значительной степени обусловили развитие революционного движения.

При выходе на «волю» в 1861 г. у крестьян была отрезана одна пятая, а в некоторых случаях одна треть лучшей земли, бывшей в их владении. Причем помещики так разверстали угодья, что их земли в большинстве вклинивались в крестьянские наделы, преграждая крестьянскому скоту доступ к водопою и пастбищу. «Куренка выпустить некуда», — говорили крестьяне, сдавленные со всех сторон помещичьей землей. «Вольные» крестьяне шли к своему бывшему «барину», просили «полоски земли», прогон к водопою и пастбищу. Помещик

отказывался от денег за эти «прогоны» и «полоски», а «просил» крестьян помочь ему в хозяйстве — попахать, пожать, покосить и обещал поставить ведерко водки. В иных случаях соглашался сдать крестьянам землю исполу, т. е. полученную землю крестьяне обязаны обработать, засеять, собрать урожай и половину его отдать помещику.

Крестьянам некуда было податься, иного выхода не было, и они соглашались поработать на своего бывшего барина. Эти крепостнические пережитки в виде всяких «отработок» и «испольщины» остались и после отмены крепостного права, ложась тяжелым бременем на крестьян.

Вот, например, каковы были «соглашения» крестьян с местным помещиком в начале 80-х годов прошлого столетия в д. Громоздове, Переславского уезда, Владимирской губернии.

Крестьяне этой деревни снимали у помещика 114 десятин лесной поросли для выгона скота и за это должны были ежегодно выставлять на барские луга 30 дневных кос, 30 лошадей для возки навоза, 60 жней и 60 косцов на яровое поле и, кроме того, должны были вспахать 5 десятин под озимое и возить всей деревней снопы два дня. Такая чрезмерная плата за пользование негодной лесной порослью объясняется исключительно малоземельем крестьянства: у крестьян этой деревни не было пастбища, не было и прогона на свои земли. Такие «соглашения» были во многих и многих деревнях Владимирской губернии.

«...Громадные остатки барщинного хозяйства и всевозможные пережитки крепостного права при невиданном обнищании и разорении крестьянской бедноты, — писал Ленин в 1907 г., — вполне объясняют глубокие источники революционного крестьянского движения, глубокие корни революционности крестьянства, как массы» (т. III, стр. 11).

Помимо земельной тесноты на плечи крестьян легло бремя непосильных налогов. За землю, которую они обрабатывали сотни лет, крестьяне должны были в течение 49½ лет платить выкупные платежи, в два раза превышавшие действительную стоимость земли. А дальше следовали — поземельный налог, земский сбор на содержание земских учреждений, натуральные и денежные повинности в пользу поземельной общины.

Налогов за землю было так много, что они в общей сложности значительно превышали доходность земли. Так, по Владимирской губ. все платежи за землю по вычислению профессора Янсона составляли 276 проц. ее доходности.

Это был ничем не прикрытый денной грабеж. Вот обычная картина. Тотчас же после 1 октября в окна крестьянских изб стучит староста и требует уплаты податей, а иначе грозит продать последнюю скотину. Крестьяне-бедняки, которым самим нехватит хлеба до нового урожая, наваливают на телегу несколько мешков ржи и везут продавать в город, на базар. Здесь их ждет жадная свора разных маклаков-скупщиков, они нажимают на крестьян и скупают у них хлеб за бесценок.

В январе—феврале у бедняка свой хлеб кончается, и он вынужден итти к кулаку-богатею просить денег или пудик мучицы и попадает в новую кабалу: за ссуду надо было платить живоглотам 5 — 10 процентов в месяц или отрабатывать летом несколько дней на полях мироеда. Кроме того, с января — февраля цены на хлеб на базаре поднимались, и бедняку, продавшему осенью свой хлеб по дешевке, приходилось покупать его уже по дорогой цене.

Ивановский фабричный поэт Ив. Фролов писал:

Как бедный крестьянин живет:
Все лето он с пашней хлопочет,
А хлеб покупать не минет...

Некрасов вывел в стихотворении «Влас» кулака-ростовщика, который:

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет.

Но прямых налогов царским казнокрадам нехватало, они обложили особым, так называемым «косвенным» налогом многие предметы широкого потребления. Захочет человек покурить — плати налог за табак; взял спичку — опять налог; попил чаю с сахаром, посолил солью кусок хлеба, зажег керосиновую лампу, — за все сверх стоимости этих предметов плати и плати особый налог — акциз.

Так в 70 — 80 годах прошлого столетия, всегда недоедая и нередко голодая, жила деревенская беднота. Такой бедноты в деревне было не менее 65 процентов всех крестьянских дворов. Средний слой крестьянства еле-еле сводил концы с концами, но зато путем растовщичества и скупки-продажи сельскохозяйственных продуктов все более богатела немногочисленная верхушка деревни. Возникала деревенская буржуазия. Она пускала свой капитал в торговлю (лавочки, чайные, питейные заведения), в устройство какого-либо промышленного заведения — маслобойки, крупорушки и т. п. — или же покупала землю у бывшего помещика и обрабатывала ее наемным трудом. Середняки тянулись к богачам, но чаще спускались в разряд бедняков, а беднота, малоземельная, обремененная высокими налогами, все более пролетаризировалась.

По сравнению с крестьянской беднотой, жившей в такой земельной тесноте, дворяне-помещики владели громадным количеством земли. «У десяти миллионов крестьянских дворов, — писал Ленин, — 73 миллиона десятин земли. У 28 тысяч благородных и чумазых лендлордов — 62 миллиона десятин. Таков основной фон того поля, на котором развертывается крестьянская борьба за землю». (Т. XI. стр. 337). Значит, у каждой крестьянской семьи, состоящей в среднем из пяти-шести человек, было с небольшим 8 гектаров, в помещик в среднем имел

2500 гектаров, не говоря уже о 699 помещиках, из которых каждый имел по 30 000 гектаров.

На помещичьих и даже на крестьянских середняцких землях после отмены крепостного права урожайность значительно повысилась, вывоз хлеба за границу возрастал с каждым годом. Для провоза хлеба внутри страны и для вывоза его за границу нужны были железные дороги. Поэтому после отмены крепостного права началось усиленное строительство железных дорог. Малоземелье, непосильные налоги, голод погнали крестьян на эти работы.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.
Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...

(Некрасов — „Железная дорога").

Железные дороги требовали металла и каменного угля. Стала быстро развиваться металлургия, усилилась добыча каменного угля. Появились крупные фабрики и заводы с механическими двигателями. В России чрезвычайно быстро возрастали крупная промышленность и торговля, бурно развивался финансовый капитал. Россия вошла в круговорот мирового хозяйства с его кризисами, неизбежными спутниками капиталистического хозяйства. Выросла крупная буржуазия в лице фабрикантов, заводчиков и купцов. Российская дворянская империя во главе с царем превращалась в феодально-буржуазную империю. Самодержавное правительство, состоявшее из царя и крупных родовитых помещиков, правда, не подпускало буржуазию к кормилу власти, но всеми мерами поддерживало ее. Сами представители власти говорили, что власть «всегда чутко прислушивалась к голосу промышленников и купцов». Самодержавная власть не издавала ни одного закона, не посоветовавшись с капиталистами. Для поддержания «отечественной промышленности» правительство облагало иностранные товары высокими пошлинами, носящими запретительный характер, выдавало фабрикантам и заводчикам поощрительные премии при вывозе русских товаров за границу. Наши сахарозаводчики, например, продавали сахар внутри России по дорогой цене, а, получив вывозную премию, продавали русский сахар за границей по дешевой цене. В результате в России пили чай с дорогим сахаром «вприкуску», а иногда только «вприглядку», в Англии же помещики дешевым русским сахаром откармливали свиней. Естественно поэтому, что русская буржуазия, пригретая на теплой груди самодержавия, была всей душой предана «престолу и отечеству» и припадала к «позлащенным стопам» самодержца. Такова была паразитическая верхушка из царя, помещиков и буржуазии, угнетавшая трудящиеся классы.

Неимоверный гнет феодалов и нарождавшейся буржуазии имел чрезвычайно пагубные последствия в деревне. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись. Держась всеми силами за свое убогое хозяйство, крестьяне цеплялись за каждый ничтожный заработок в деревне. В частности, как в окрестностях Иванова, так и во всей Владимирской губернии было широко распространено ручное ткачество (на дому и в так называемых «светелках») из пряжи, получаемой от фабрикантов и разных мастерков. Так, например, в 40-х годах прошлого столетия на фабриках Шуйского уезда, на территории которого находились прежнее село Иваново и Вознесенский посад (в 1871 г. преобразованные в г. Иваново-Вознесенск), было только 1200 ткачей, а в деревнях этого уезда на фабрикантов работало до 40—45 тысяч ткачей. На фабрике Посылиных в Шуе было 200 станков, а по деревням Посылины раздавали пряжи на 2000 станков. Во время моего детства, в 70-х годах прошлого столетия, почти в каждой деревне были светелки. В ручном ткачестве царила неимоверная эксплоатация. Ткачи работали с 4—5 часов утра до 12 часов ночи и зарабатывали в среднем 20 коп. в день, т. е. по 1 коп. за час. Из этого же ничтожного заработка ткач должен был платить хозяину светелки за пользование станком, за освещение, платить шпульнику-мальчику семи-десяти лет по 1 коп. за рабочий день.

Фабрика с паровым двигателем и механическими ткацкими станками вытеснила ручное ткачество.

В Иванове задымились ткацкие, прядильные и ситцепечатные фабрики, куда и потянулась деревенская беднота.

«Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка» (Ленин, т. III, стр. 466; разрядка моя — С. Ш.).

СВЯЗЬ ФАБРИКИ С ДЕРЕВНЕЙ В 80—90-х ГОДАХ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ

В городах и фабричных поселках рынок труда быстро переполнился, что отразилось прежде всего на заработной плате. Повсюду был избыток рабочих. В 80-х годах прошлого столетия, во время экономического кризиса, на каждой ткацкой фабрике были запасные ткачи, они числились при фабрике, но большей частью никакой определенной платы не получали. Только на некоторых фабриках им платили по 20 коп. в день, если они были заняты какой-либо подсобной работой на фабрике или фабричном дворе. Тяжелое материальное положение вынуждало их довольствоваться тем ничтожным заработком, который приходился на их долю при замещении товарища, почему-либо не вышедшего на работу. Таких запасных ткачей на каждой фабрике были десятки, сотни.

В голодной обнищавшей деревне было не лучше. От голодной смерти деревенская беднота искала спасения на фабрике, не порывая первое время связи с землей. На время летних работ, особенно на сенокос, фабрики ручного труда сокращали производство или совсем приостанавливались. Но с введением машин такая, даже временная, приостановка фабрик была уже крайне невыгодна фабрикантам, и они стали принимать различные меры против ухода рабочих на полевые работы.

Прежде всего, на летний период с апреля до октября расценки на сдельные работы повышались на 10 — 15 процентов. За самовольный уход с фабрики до окончания срока найма рабочий подвергался штрафу. Летом штрафы были значительно больше, чем зимой. Если зимой рабочий подвергался штрафу за уход в размере полумесячного заработка, то летом этот штраф, как общее правило, составлял 30—50 процентов всего летнего заработка. А были и такие фабрики, где за самовольный уход удерживали с рабочих все заработанные деньги. Это практиковалось в былые времена у Морозова, особенно у сезонников. Чтобы гарантировать себя от самовольных уходов, фабриканты в виде залога ежемесячно удерживали у рабочего часть заработка и выдавали ее только при окончательном расчете. Такие условия найма обычно не заносились в расчетную книжку, но были обязательны для рабочих.

Правительство, как и всегда, пошло навстречу фабрикантам и в 1886 г. издало закон, по которому самовольный уход рабочих до срока найма стал караться, как уголовное преступление, арестом до одного месяца. В то же время фабриканты за самовольное увольнение рабочих до срока найма не подвергались никакой уголовной каре. Такие односторонние законы издавало тогда царское правительство, считавшее себя «беспристрастным судьей» в спорах фабрикантов с рабочими. Впрочем, этот закон не получил широкого применения. В Иванове, например, при 20 тысячах рабочих за время с 1 января 1890 г. по 1 января 1896 г. было привлечено к ответственности по этому закону всего 143 человека (из них тринадцать женщин), или в среднем по 24 человека в год. Из них было осуждено 86 рабочих, из которых каждый просидел под арестом по восемь дней. А за мое четырехлетнее судейство в Иванове ко мне не поступило ни одной жалобы на самовольный уход рабочих.

Связь рабочих с деревней все более и более порывалась, и прежние полупролетарии стали превращаться в настоящих пролетариев, у которых, кроме рук, не было других средств и орудий производства. Единственный источник их существования — продажа фабриканту своей рабочей силы. А фабрикант, пользуясь выгодами фабричного производства и переполнением трудового рынка, пускал в ход все средства, чтобы выжать из рабочих побольше крови, побольше прибыли.

В этом с фабрикантами состязались и помещики: в погоне

за прибылью они прибегали к чудовищным попыткам обеспечения своих хозяйств рабочей силой. Тульский губернский съезд земских начальников, назначаемых из местных помещиков, в 1898 г. постановил ходатайствовать о закрытии фабрик на лето, чтобы таким путем дать помещикам возможность пользоваться наиболее дешевой рабочей силой, больше эксплоатировать трудящихся.

После кризиса в 80-х годах прошлого столетия наша промышленность в 90-х годах оживилась. Начали строиться новые фабрики и заводы, в связи с этим возросло число наемных рабочих. В своем классическом труде «Развитие капитализма в России» Ленин количество всех наемных рабочих для середины 90-х годов прошлого столетия определял почти в 10 миллионов человек (т. III, стр. 453—454). Несмотря на такие очевидные факты, народники продолжали отрицать развитие нашей промышленности.

КАК ЖИЛИ РАБОЧИЕ ИВАНОВСКОГО КРАЯ В 80—90-х ГОДАХ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ

Теперь посмотрим, как жилось рабочим Ивановского края сорок—пятьдесят лет тому назад. Приведу данные, которые были собраны мною лично и моими друзьями — Варенцовой, Багаевым, Ф. Кондратьевым, Н. С. Кондратьевым.

Условия работы

На ткацких фабриках станки тогда были расставлены так тесно, что трудно было пройти между ними, опасные части машин не ограждались. Кое-какие правила безопасности, изданные владимирским фабричным присутствием, годами не выполнялись. Происходили частые увечья, нередко со смертельным исходом.

По подсчетам фабричного инспектора доктора Пескова на одной из фабрик Владимирской губернии в течение двух лет (1881 и 1882 гг.) было 325 несчастных случаев с рабочими. На фабрике А. Баранова в Александровском уезде из каждых 100 ставильщиков 25 ежегодно попадали в машины. А на фабрике Лемешенской м-ры, Владимирского уезда, где было 698 рабочих, в течение 1882 года 550 рабочих с травматическими повреждениями (раны, ушибы, переломы, вывихи) обращались за больничной и амбулаторной помощью, а ведь рабочий с незначительной болезнью да еще при сдельной плате не обращался в больницу или амбулаторию. Об этих увечьях фабричные и заводские рабочие сложили и распевали песенку:

Лето красное проходит,
Зима морозна настает.
Зима морозна настает,
У фабричных сердце мрет.
С полуночи встает,

На работу поспеет.
На машине задремал,
Праву ручку оторвал.
Праву ручку оторвал,
К отцу-матери послал.
Отец с матерью идут,
Слезы в три ручья текут.
А в народе говорят,
Фабрикантов все бранят.

На всех текстильных фабриках были страшная пыль, испорченный воздух, высокая температура, отсутствие искусственной вентиляции, форточки же постоянно бывали забиты. Сильнейший шум в ткацких обычно влек за собой притупление слуха у ткача, а на ситценабивных и красильных фабриках разрушали здоровье ядовитые испарения и страшная жара. Затрата мышечного труда на этих фабриках невелика, но однообразные и крайне ограниченные движения притупляли внимание рабочих. Носящаяся повсюду пыль вызывала глазные и легочные заболевания. Чахотка была профессиональной болезнью текстильщиков. Испитые, бескровные лица, дряблая кожа, слабые мышцы — так выглядели рабочие. Фабриканты никаких мер к улучшению труда не принимали и делали только то, что служило их обогащению. Крупной пыли хлопка, например, не давали разлетаться по трепальной: ее собирали и вновь пускали в переработку, а мелкая пыль, не имеющая цены для производства, но особенно вредная для здоровья, не собиралась и наполняла чесальные, трепальные и другие отделения прядильных фабрик.

В наполненном пылью и разными ядовитыми газами помещении при скоплении множества людей на ограниченном пространстве и среди неогражденных опасных частей машин рабочему приходилось работать двенадцать - четырнадцать часов ежедневно и тут же иногда принимать пищу. А за отсутствием жилья нередко после долгой изнурительной работы ткачи, прядильщики располагались спать тут же на столах, верстаках, на полу, подложивши под голову какую-нибудь рваную одежонку.

Труд женщин и детей

При машинном производстве прежние искусные мастера уже были не нужны. Машина разложила процесс на самые простые операции. Фабриканты начинают широко эксплоатировать более дешевый труд женщин и детей. Никаких законодательных ограничений в использовании женского и детского труда сначала не существовало. Первоначально женщины и дети работали днем и ночью наравне со взрослыми мужчинами.

Чрезмерная эксплоатация женского и особенно детского труда влекла за собой вырождение населения. Правительство, наконец, обратило внимание на это явление. После значительных волнений на Вознесенской мануфактуре (в бывшем Дмитровском уезде, недалеко от Москвы), сопровождавшихся при-

менением вооруженной силы, правительство вынуждено было издать в 1845 г. закон, запрещающий ночную работу малолетним в возрасте до двенадцати лет. Но правительство не решилось даже опубликовать его в качестве действующего закона, и закон остался «мертвой буквой».

Через пятнадцать лет после издания этого «мертвого» закона даже правительственные комиссии устанавливали, что дети в возрасте восьми-четырнадцати лет работают днем и ночью по четырнадцати часов в сутки. «В последние часы работы, к вечеру, дети бывают до того утомлены, что работают бессознательно, едва держатся на ногах и, возвращаясь домой, не в силах бывают ужинать, а спешат скорее заснуть...». «Дети, работающие на бумагопрядильнях, вообще бледны, имеют вид изнуренный, малы ростом, так что 11 — 12-летним, пробывшим два-три года на фабрике, часто на вид нельзя дать более семи-восьми лет». Так говорилось в материалах правительственной комиссии.

И только 1 июня 1882 г. был издан закон, запрещающий на фабриках и заводах работу детей до двенадцати лет от роду. Работа малолетних в возрасте двенадцати-пятнадцати лет была ограничена восемью часами в сутки; ночная работа, а также работа в воскресенье и в праздничные дни, малолетним запрещалась. На владельцев предприятий законом возлагалась обязанность предоставить возможность малолетним рабочим, не окончившим учения в начальной школе, поступить в эти школы, а для надзора за исполнением закона была учреждена фабричная инспекция.

Издан этот первый фабричный закон, несомненно, под давлением начавшегося революционного движения рабочих. При обсуждении этого закона в государственном совете сановники с тревогой говорили о том, что надломленные физически и нравственно дети оказывались впоследствии неспособными быть полезными гражданами и легко поддавались восприятию революционных идей».

Таким образом грозный призрак революции встал перед самодержавным правительством уже в самом начале 80-х годов прошлого века и с тех пор не давал покоя правящим классам.

Не мешает отметить, что первые фабричные инспектора — доктор П. А. Песков по Владимирской губернии и профессор Московского университета И. И. Янжул по Московской губернии, — в отличие от последующих представителей этого института, пытались защищать интересы рабочих, но вызвали сильное недовольство со стороны фабрикантов. Янжул вследствие столкновений с московскими фабрикантами и московским генерал-губернатором вынужден был скоро оставить должность фабричного инспектора. Отчеты первых фабричных инспекторов, довольно объективно изображавшие тяжелое положение рабочих, были напечатаны только за первые два года, а затем по требованию фабрикантов правительство прекратило печатать

отчеты, желая скрыть ту бесчеловечную эксплоатацию, которая царила тогда на фабриках.

Но и после издания закона о работе малолетних можно было видеть на фабриках и заводах детей семи и восьми лет, а фабричный инспектор Янжул видел даже трехлетних малюток, помогавших родителям в работе (рогожная мастерская). При появлении на фабриках фабричного инспектора малолетних детей скрывали на чердаках, а если этого не успевали сделать, то мастера и приказчики заставляли детей прибавлять себе года. То же самое из-за нужды нередко делали и сами родители. Они просили у сельских властей увеличивать в документах возраст детей, чтобы получить возможность отдать ребенка на фабрику и раньше двенадцатилетнего возраста. Мы не знаем точного количества детей, работавших на фабриках в 80-х годах прошлого столетия. Приблизительно три четверти общего количества работавших детей было на прядильных фабриках, из них среди ставильщиков работало две трети и одна треть среди ватерщиков. На ткацких фабриках среди проборщиков и подавальщиков малолетних было более половины, а при сушильных барабанах и каландрах — на ситцепечатных фабриках — дети составляли одну треть всего числа рабочих.

Малолетние нанимались или фабрикой в качестве подручных, или же самими рабочими в качестве учеников (особенно на металлозаводах). Работа детей на фабриках была постоянно связана с риском для их жизни и здоровья. Очень часто чистка машин возлагалась на малолетних, а так как от остановки машин при сдельной плате терпели все рабочие, то чистка машин производилась обычно на ходу, хотя это запрещалось. Подростки, выполнявшие эту работу, часто получали увечья и даже смерть. Они работали главным образом в тех отделениях, где носится много хлопчатобумажной пыли, и в результате — утверждал доктор Песков — дети бледны, малокровны, страдают глазными и легочными болезнями.

Помню жуткую картину: человек двадцать мальчиков, покрытых хлопчатобумажными волокнами, быстро бежали с фабрики на реку купаться. Предстояло пробежать с полкилометра, но только немногие добежали до реки, а большинство детей на середине пути остановилось, долго кашляло и затем уже медленно пошло дальше. «Многие из них не доживут и до сорока лет», — подумал я. Так капиталистическая фабрика, точно легендарный Молох, пожирала детей.

Жестоко эксплоатировался на текстильных предприятиях женский труд, применявшийся в этой области промышленности в довольно широких масштабах. В 80-х годах прошлого столетия на прядильных фабриках женщины составляли одну треть всего количества рабочих, на ткацких — две трети, на ситцепечатных меньше — всего четверть работавших. Среди прядильщиков, например, на банкаброшах, работали исключительно женщины, подавляющее количество ватерщиков были также женщины.

Никаких льгот для женщин беременных и в послеродовой период не было, работали они одинаково с мужчинами. По исследованиям владимирского санитарного врача С. В. Любимского в 1883 г. беременные женщины работали до наступления решительного момента (на фабрике Демидова в Вязниковском уезде был случай родов даже в фабричном помещении) и, из боязни потерять заработок, обычно возвращались на работу на второй и третий день после родов. Но мало этого. Кроме своего труда, многие молодые работницы под угрозой штрафов и увольнений должны были отдавать на фабрике и свою честь. Не только хозяйские сынки и управляющие фабриками, но и мастера, табельщики, конторщики считали себя вправе пользоваться молодыми работницами. Так было на фабриках у Мефодия Гарелина, Бурылина, Дербеневых и у братьев Гандуриных. А на фабрике Дербеневых, по свидетельству Махова, была особая «комната для свиданий», где управляющий Н. Ф. Кучин и табельщик А. С. Волков удовлетворяли свою похоть.

Нередко в эту злосчастную комнату вызывались молодые женщины, а оттуда они возвращались с поникшими головами и скорбным видом.

В таких тяжелых условиях в 80—90-х гг. прошлого века работали малолетние и женщины на текстильных фабриках.

Рабочий день

Фабрики с ручным трудом работали в год 266 — 270 дней и с машинным оборудованием — 276 — 280 дней. Почти четверть года падала на воскресные дни и на «большие» церковные праздники (так называемые «царские дни» — именины царя, «восшествие» на престол, коронация и т. п. — на фабриках не праздновались).

На прядильных и отчасти на ткацких фабриках работа тогда производилась круглые сутки двумя сменами, из которых каждая работала по двенадцати часов в два приема, или же одну неделю одна смена работала шестнадцать часов, а другая смена — восемь часов.

До издания закона 1 июня 1882 г. в ночной работе участвовали мужчины, женщины и даже дети.

Если шестнадцатичасовой рабочий день был чрезвычайно тяжел для рабочих, то не легче было по два раза в день приходить на фабрику при двенадцатичасовом рабочем дне. Рабочие нередко жили в нескольких километрах от фабрики, и им приходилось по четыре раза в день проходить расстояние между фабрикой и жильем, на скорую руку поесть и в течение суток поспать в два приема по два-три часа. При таком распределении времени рабочий не только не имел времени для читки газет и книг, он не мог нормально отдохнуть, чтобы полностью восстановить потерянные за день силы.

Ситцепечатные фабрики, как правило, работали в одну смену — с 5 час. утра до 8 час. вечера с полутора-двухчасовым перерывом на отдых и на принятие пищи. Непомерно длинный рабочий день (13—13½ часов) еще более увеличивался при помощи сверхурочных работ, применяемых на ситцепечатных фабриках. Так на ситцепечатной фабрике Фокина в Иваново-Вознесенске в течение трех-четырех летних месяцев работа продолжалась с 5 часов утра до 10 — 12 часов ночи, а иногда и до часу ночи. Таким образом каждый рабочий на этой фабрике был занят восемнадцать-двадцать часов. Хотя по закону сверхурочные работы считались «добровольными», в действительности для рабочих они были обязательны: кто отказывался исполнять их, того немедленно рассчитывали. Разве можно говорить о «добровольности», о «свободе соглашения» между всемогущим фабрикантом и рабочим, нуждающимся для своего существования в ничтожном заработке? Какое отличие нашего счастливого времени от этого ужасного прошлого! Наши рабочие теперь имеют самый короткий в мире восьмичасовой рабочий день, а в некоторых отраслях промышленности работают по шести часов!

Работа перед днями отдыха кончалась так же, как и в другие дни, без всякого сокращения. Напротив, фабриканты всячески стремились сократить праздничный отдых рабочих. Работа в ночь под праздники была распространенным явлением на фабриках. Еще в 1896 г. на фабрике Треумова (в г. Коврове, Владимирской губ.) работа накануне праздников кончалась в самый праздник в 4 часа утра, а на Гусевской бумагопрядильной фабрике Нечаева-Мальцева в 1881 г. такая работа кончалась в 8 часов утра. Если прибавить к этому один-два часа на чистку машин, то будет понятно, насколько была тяжела эта праздничная работа. Особенно наглядный пример эксплоатации в этом отношении приводит фабричный инспектор доктор Песков в своем отчете за 1882/1883 г. Работа на фабрике Саввы Морозова, находившейся тогда в пределах бывшей Владимирской губ., *начиналась в 6 час. утра в понедельник, а кончалась в воскресенье в 6 час. вечера*. Праздничный отдых рабочего составлял всего только двенадцать ночных часов. Такой же порядок был и на фабрике Каретниковых в Тейкове, с той только разницей, что работа в понедельник начиналась с 4 час. утра. А на некоторых фабриках (например, на Тверской мануфактуре и др.) работа под праздник кончалась в обычное время, но в праздник рабочие должны были приходить на фабрику на несколько часов и бесплатно чистить машины. Эта праздничная работа была особенно ненавистна рабочим и наряду с чрезмерными штрафами и понижением зарплаты вызвала на Тверской мануфактуре в феврале 1885 г. продолжительную забастовку, в которой приняли участие более 5000 рабочих.

Никаких оплачиваемых фабрикою отпусков рабочие не имели, и только на пасху, когда фабрики останавливались на ремонт на

две-четыре недели, рабочие отдыхали, но...за свой счет.

В мае 1896 г. по случаю коронации царя фабрики не работали два дня. Рабочим было выдано за счет фабрики угощение, но фабриканты отказались оплачивать рабочим за коронационные дни. Рабочие дружно и настойчиво потребовали уплаты, и фабриканты, боясь нарушить «торжественные дни священного коронования божьего помазанника», вынуждены были удовлетворить требования рабочих.

Зарплата

В районе Иваново-Вознесенска издавна установились два срока найма: с пасхи до 1 октября и с 1 октября по пасху. Эти сроки были выгодны для фабрикантов. Они увеличивали расценки на сдельные работы на лето на 10—20 %, чтобы таким путем удержать рабочих на летний период. С 1 октября расценки снова понижались.

На пасху и на 1 октября сроки найма кончались, все рабочие считались к этому времени уволенными, и, следовательно, фабрикант имел возможность устанавливать новые расценки и не принимать тех рабочих, которые в предшествующем периоде по тем или иным соображениям оказались непригодными для фабриканта. В первую голову не принимались рабочие «неблагонадежные» в политическом отношении, а также те, кто имел столкновения с мастерами.

Зарплата была поденная для чернорабочих, месячная у мастеров, служащих и рабочих ситцепечатных фабрик и сдельная — на прядильных (прядильщики, присучальщики, ватерщики, банкаброшницы, ленточницы) и на ткацких (ткачи, проборщики с подавальщиками, сновальщики, и крутильщики). Вот как в разные периоды изменялась реальная зарплата.

Вот две любопытных, составленных фабрикантом Я. П. Гарелиным таблицы движения зарплаты и роста цен на жизнен-

Месячный заработок в с. Иванове и окрестностях[1]
(в рублях и копейках серебром)

Квалификации	Годы			
	Около 1810	Около 1830	Около 1850	Около 1860
Набойщики	12—20	8—15	6—12	5—8
Ткачи ручные	6	4.50	3.50—4	3 —3.50
Ткачи механические	—	—	12—16	10—13
Мытильщики	3—4	5	7—7.30	7.50—9
Закотельщики	2—3	3.25	3.50—4	4.50—4.75
Рабочие на цилинд. маш.	—	3.75	4.60	5 6.50
Рабочие на каландрах	2—2.50	3.15	3.50	3.75—4.15
Чернорабочие	1.50—2	3.15—3.50	3.50—4.20	3.75—4 50
Мальчики	1—1.25	1.25—2	1.80	2—2.50
Женщины, (сшивалки, переборщицы и пр.)	1.50—1.75	1.75—2.50	2.25—2.75	2.50—3
Цена пуда ржаной муки	0.14—0.19	0.28—0.33	0.50—0.60	0.60—0.65

[1] Таблица взята из книги Туган-Барановского „Русская фабрика в прошлом и настоящем". Изд. Соцэкгиза, 1938 г., стр. 172.

ные припасы. Таблицы эти наглядно говорят о значительном понижении жизненного уровня рабочих в Иванове за все прошлое столетие.

Из первой таблицы видно, что зарплата набойщиков и ручных ткачей быстро падала. Денежная (номинальная) плата других рабочих несколько повышается, но на много отстает от неимоверно возросших цен на продукты, что видно из следующей таблицы.

Предметы потребления[1]

Предметы потребления	Периоды							
	I 1820—1824	II 1825—1829	III 1830—1834	IV 1835—1839	V 1840—1843	VI 1858—	VII 1872—1877	VIII 1878—1882
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Ржаная мука (пуд)	—40	—31	—	—65	—65	—55	—76	1.11
Гречневая крупа (пуд)	—60	—40	—51	1 —	7 —50*	—	1.40**	1.70**
Масло постное (пуд)	3—	1.31	—	—	—	—	4.98	5.56
Масло коровье (пуд)	—	2.90	—	4.30	—	6 —	9.95	10 95
Говядина (пуд)	1. 32	1.12	—	—	—	1.35	4.38	4.29
Соль (пуд)	—57	—	—66	—	—62	—	—74	—63
Свечи сальные (пуд)	—	3.25	1.60	4 —	—	—	6.29	6.51
Дрова березовые***	1.47	—	—	2.30	2.09	—	5.88	6.20
Разнолес***	1.35	1.40	—	1.30	1.70	—	5.80	5.68

Сравнивая цену пуда (16 кг) ржаной муки за время 1878—1882 гг. (VIII период) с ценами предыдущих периодов, находим, что сравнительно с I периодом она увеличилась на 177,5 процента, по сравнению с II периодом — на 258 процентов, с IV и V — на 70,7 процента, с VI — на 10,2 процента и, наконец, с самым близким, VII, — на 46 с небольшим процентов. Подобное повышение цен было и на прочие предметы потребления, кроме соли. Повышение цен на предметы потребления не влекло за собой соответствующего повышения денежной зарплаты, а напротив, зарплата набойщика и особенно ручных ткачей понизилась в два-три раза. Так с каждым годом ухудшались жизненные условия ивановских рабочих.

Во второй половине 60-х годов прошлого столетия фабриканты получали громадные прибыли, чему в значительной степени содействовало общее оживление промышленности после «освобождения» крестьян. В Ивановском текстильном крае были тогда построены две железнодорожные линии: в 1868 г. от ст. Новки, Московско-Нижегородской жел. дор., до Шуи и Иванова, а

[1] Таблица приведена в книге Я. П. Гарелина „Город Иваново-Вознесенск", ч. II, стр. 101.

* Цена указана за четверть. Четверть (мера сыпучих тел) заключала в себе 8 четвериков; четверик равен 26,24 литра.

** Цена указана за четверик.

*** Цена указана за погонную сажень, которая равнялась одной четвертой части кубич. сажени.

в 1871 г. от Иванова до Кинешмы (на Волге). Железнодорожная связь Иванова с Москвой, Нижегородской ярмаркой и Волгой, а также ярмарки Ирбитская, украинские и местные содействовали быстрому распространению ситцев по всей деревенской России.

Пошли по лавкам странники,
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами...

— писал Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Вместе с оживлением промышленности поднялась несколько заработная плата в нашем крае, но уже с 1881 г. начался мировой экономический кризис, который продолжался целых шесть лет и тяжело отозвался и на иваново-вознесенских рабочих. Повсюду, как во Владимирской, так и в Московской губернии, произошло сокращение рабочих. Крупные фабриканты некоторое время еще держались путем чрезмерного сокращения зарплаты и громадного увеличения штрафов, но затем и они стали сокращать производство, закрывать фабрики и распускать рабочих.

Месячная заработная плата рабочих в Иванове, Шуе и Тейкове в середине восьмидесятых годов прошлого столетия была очень низкая. На прядильных фабриках — у мужчин немного более 10 руб. и у женщин несколько более 8 руб.; малолетние имели заработок от 3 руб. 50 коп. до 5 руб. На механических ткацких фабриках мужчины и женщины в среднем зарабатывали в месяц 11 — 12 руб. и малолетние 5 — 6 руб. На красильных, ситцепечатных и отбельных фабриках мужчины зарабатывали в среднем в месяц 9 — 11 руб., женщины — 8 — 9 руб. и малолетние — 6 — 7 руб. К концу прошлого столетия номинальная зарплата несколько повысилась, но не в такой мере, как стоимость хлеба и других продуктов.

Если сравнить зарплату русского рабочего того времени с соответствующей зарплатой английского и американского рабочего, то окажется, что средний заработок нашего рабочего (11 руб.) был в два с половиной раза ниже зарплаты английского рабочего и в четыре с половиной раза ниже заработка американского рабочего. А если учесть, что рабочий день у нас был значительно длиннее, чем в Англии и Америке, то получится, что англичанин получал в четыре раза, а американец в пять с половиной раз больше русского рабочего. При сравнении же цен на предметы потребления в России с соответствующими ценами английскими и американскими оказывалось, что эти цены там были не выше, а скорее ниже, чем у нас. Последние данные заимствованы нами из материалов фабричной инспекции, а она, конечно, не была заинтересована в сгущении красок.

Сроки выдачи зарплаты первоначально не были определены ни законом, ни рабочим договором. Фабрикант выдавал деньги рабочим по своему усмотрению: два раза в год (на пасху и рождество, т. е. в апреле и декабре), три раза, четыре и т. д. Рабочие должны были выпрашивать заработанные деньги как

особую милость. На некоторых фабриках практиковался даже такой порядок: деньги совсем не выдавались рабочему на руки в течение года до окончания найма. Если же рабочему деньги требовались для уплаты податей, иначе сельские власти не выдавали паспорта, то они отсылались прямо в волостное правление. Не получая денег иногда в течение года, рабочий должен был кредитоваться у того же хозяина, забирая у него харчи по повышенным ценам. При окончательном расчете из заработка рабочего удерживались долги по лавке, штрафы, разные вычеты. В результате, за год каторжной работы рабочий получал на руки несколько рублей.

Вычеты и штрафы

Нищенскую плату рабочих фабриканты стремились всячески урезать путем всевозможных вычетов и бесконечных штрафов, идущих до второй половины 80-х годов прошлого столетия в карман фабриканта.

Самый размер штрафов устанавливался совершенно произвольно. Никаких правил на этот счет не существовало. В расчетных книжках говорилось кратко: «замеченные в нарушении фабричных правил штрафуются по усмотрению хозяев». Хозяин же на фабрике — самодержавный владыка, для него никаких законов не было, рабочие обязаны ему «беспрекословно повиноваться», как гласили правила на некоторых фабриках. Поэтому штрафы на рабочих сыпались без конца. За опоздание на фабрику на пять, десять или пятнадцать минут брали штраф в размере однодневного заработка, за прогульный день — в размере двух-трехдневного заработка.

На некоторых фабриках брали штраф «за непосещение церкви», «за дремание во время работы» (Воскресенская мануфактура в Ковровском уезде), «за возвращение в казармы летом после 10 час. вечера и зимой после 8 час. вечера» (фабрика Морозовых) и пр.

Больше всего штрафов было на ткацких фабриках, где к ткачам предъявляли такие требования, что даже самый искусный ткач не мог их выполнить. На этих фабриках не было ни одного рабочего, не оштрафованного несколько раз в год.

Штрафы составляли значительную часть дохода фабриканта и очень часто находились в прямой зависимости от оборотов фабрики. Если цены на миткаль и ситец понижались на рынке, то фабрикант спешил пополнить недобор штрафами. Путем штрафов фабрикант часто отнимал у рабочих до 50 процентов его заработка. Произвол в наложении штрафов особенно раздражал рабочих и вызывал среди них большое недовольство.

В этом отношении чрезвычайно любопытен секретный циркуляр, изданный Владимирским губернатором еще в 1875 г.: «штрафы нередко взыскиваются совершенно напрасно, по одним ни на чем не основанным начетам табельщиков, и во многих случаях

в размерах, далеко превышающих виновность, так что многим рабочим часто приходится уходить с фабрики без всякого заработка».

Вопросу о штрафах В. И. Ленин придавал огромное значение. В 90-х годах прошлого века он написал специальную брошюру «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», где подробно изложил суть этого вопроса и указал рабочим путь борьбы с этим злом.

Вычеты за медикаменты и лечение также являлись доходной статьей алчных фабрикантов. Подобные вычеты нередко значительно превышали содержание больницы. Так, на фабрике Демидовых в г. Вязниках, Владимирской губ., с рабочих за медицинскую помощь вычиталось в год 4003 руб., а содержание больницы обходилось в 2579 руб. 80 коп.

В более глухих местах Ивановского края произвол фабрикантов в отношении разных вычетов из заработка был еще более значителен. Если на большинстве фабрик вычеты делались на каком-либо основании, то на фабрике А. Я. Балина в Юже, Вязниковского уезда, Владимирской губ., происходил уже настоящий грабеж. Там со всех решительно рабочих в количестве 1210 человек, без указания каких-либо причин, удерживали по 10 коп. с каждого заработанного рубля. А на двух фабриках наследников Б. Ф. Демидова в Вязниках с двумя с половиной тысячами рабочих поступали еще проще: там заранее не определяли платы (ни месячной, ни сдельной), а платили столько, сколько пожелает фабрикант. В 23 пункте книжек этой фабрики было напечатано: «Если не будет в книжке означено жалование сдельное или месячное, то это будет соответствовать тому, что рабочий поступил без ряды, на жалование, какое ему назначит хозяин по своему усмотрению, судя по заслуге и работе нанявшегося». На вопрос: «сколько получает?» рабочий этой фабрики обычно покорно отвечал: «Не знаю, что положат». А если рабочий покидал такую кабальную фабрику, то лишался всех заработанных денег (19 пункт расчетной книжки) или же у него вычитался месячный заработок (как это было на фабрике С. И. Сенькова в том же городе). Если же заработка не хватало для уплаты всего вычета, то у рабочего удерживался паспорт впредь до погашения требуемой суммы.

Харчевые фабричные лавки

Приносимый этими лавками доход, по словам владимирского фабричного инспектора Микулина, был настолько велик, что трудно было установить, является ли харчевая лавка при фабрике или, наоборот, фабрика состоит при лавке.[1]

[1] Микулин. „Очерки по истории применения закона 3 июня 1886 г. о найме рабочих на фабриках и заводах Владимирской губернии“, стр. 84.

Обычно в расчетных книжках указывалось, что рабочий обязан брать харчи в фабричной лавке или у торговца, который за весьма высокую цену (несколько тысяч рублей) арендовал у фабриканта лавочное помещение при фабрике и, естественно, повышал цены на продукты, даже недоброкачественные. Цены в харчевых лавках были выше рыночных. Так, в начале 80-х годов прошлого столетия ржаная мука отпускалась вместо 1 руб. 05 коп. за 1 руб. 35 коп. за пуд (16 кг), а керосин продавался иногда по двойной цене. Нередко из фабричной лавки рабочим отпускалось вино, что давало также значительный доход. Правда, в Шуе в эти годы харчевых лавок было очень мало, а в Иванове их совсем не было, ввиду развития в этих городах частной торговли. Но в сельских местностях — Тейкове и других фабричных селах — харчевые лавки процветали. В других местах частных лавок не было, и аппетиты фабрикантов ничем не сдерживались. Цены на продукты в этих лавках целиком зависели от усмотрения фабрикантов.

Владимирский губернатор еще в 1875 г. пытался бороться с произволом фабрикантов, опасаясь, что на этой почве могут возникнуть волнения рабочих, и предписал исправникам строго наблюдать, чтобы из фабричных лавок не отпускались продукты недоброкачественные и дороже базарных цен. Чины полиции (сплошь взяточники) по-своему поняли этот циркуляр: они стали чаще заглядывать в фабричные лавки и выходить оттуда с кулечками, в которых были продукты, полученные бесплатно или по ценам даже ниже базарных. Для рабочих, конечно, остались прежние высокие цены: они вынуждены были кредитоваться в этих лавках так как зарплата нередко выдавалась только в конце второго месяца по поступлении рабочего на фабрику.

Жилища рабочих

Рабочие, как мы видели, сорок-пятьдесят лет тому назад получали в общем нищенскую плату, из которой путем бесконечных штрафов и всевозможных вычетов фабриканты стремились урвать значительную часть. Далее следовали подати, ибо без уплаты податей нельзя было получить паспорта. Поэтому на удовлетворение личных потребностей у рабочего оставалось очень мало: приходилось урезывать себя во всем — в пище, жилище и одежде. Относительно жилищ я имею самые подробные сведения, собранные мною и моими товарищами-счетчиками во время всеобщей переписи 1897 г.

На некоторых фабриках, в особенности на ручных, рабочие нередко спали в тех помещениях, где работали, но таких фабрик в середине 80-х годов прошлого века было сравнительно немного. Обычно же в каком-нибудь старом, сыром фабричном корпусе устраивались или общие казармы («спальни»), или каморки. Каморки — сравнительно небольшие комнаты, в которых жили две, три и более семей, нередко с детьми. В каждом

углу, завешенном занавескою, спали супруги. На стенах в этих каморках висели образа (иконы) с лампадками и царские портреты.

В каморках обычно жили более квалифицированные рабочие и мастера, а остальная масса жила в громадных казармах, которые представляли из себя сплошной ужас. Кровати с мочальными тюфяками и с подушками, набитыми соломой, представляли весьма редкое и счастливое исключение. Обычно в спальнях были общие нары, нередко в два этажа (расстояние между нарами и потолком было не более полуметра), без тюфяков и подушек. Чаще всего в казармах никакой мебели не было, кроме стола со скамейками. Рабочие спали, подложивши под головы какую-нибудь рухлядь.

Ни о какой жилищной норме фабриканты, разумеется, и не думали. Ивановский фабрикант Я. П. Гарелин, которого нельзя заподозрить в пристрастии к рабочим, удостоверяет, что в казармах приходилось от 3,2 до 0,97 куб. метра воздуха на человека (от $^1/_3$ до $^1/_{10}$ куб. саж.), т. е. в десять —тридцать раз меньше средней необходимой жилищной нормы. При сменной работе в казармах помещались две очереди рабочих, посменно занимавших одни и те же нары. В праздничные дни, когда не работали обе смены, казармы представляли нечто невероятное по своей тесноте.

Никаких других помещений — прачечной, сушилки, курительной комнаты — не было, и рабочим приходилось все делать в казармах. Поэтому дым от махорки наполнял все помещение, на полу — непролазная грязь, тут же идет стирка, сушка белья. В дождливое время ко всему этому прибавляется развешанная на стенах и натянутых веревках мокрая одежда, онучи. Разве можно говорить об отдыхе в такой обстановке? Естественно, казармы были рассадником всевозможных болезней, от которых ежегодно гибли сотни и тысячи рабочих.

В начале 80-х годов прошлого столетия рабочие не платили за пользование казармами; баня и угли предоставлялись рабочим бесплатно. Но вот изданный в 1886 г. закон лишил фабрикантов некоторых доходов (от фабричных лавок, за пользование лечебной помощью и медикаментами и пр.). Тогда фабриканты стали брать с каждого живущего в казарме по 1 руб. за помещение, угли и баню. И только немногие ивановские фабриканты, желая удержать на фабрике рабочих, предоставляли спальни бесплатно.

Такова была жизнь в фабричных казармах. Не лучше жилось и на вольных квартирах, снимаемых у частных лиц артелями рабочих — земляками или товарищами по совместной работе. Здесь не было нар, а спали где попало: на лавках, вповалку на полу. Плата за вольную квартиру колебалась от 1 руб. до 1 руб. 20 коп. в месяц. Сюда входили отопление, освещение и «приварок» — горячий кипяток для чая, капуста и приго-

товление пищи из продуктов рабочего. Как и фабричные казармы, вольные квартиры были страшно переполнены, а при сменной работе нередко вмещали двойной комплект жильцов. Здесь также была страшная теснота. Вот, например, точно измеренные товарищами две небольшие комнаты: в ширину и в длину они по 6—7 метров и вышиною — в 2,3 метра. В них жили четыре прядильщика с женами, семнадцать парней и мальчиков и еще пятнадцать женщин и девушек, а всего вместе с хозяйкой — сорок один человек. Следовательно, каждый жилец располагал площадью в 1 кв. метр и объемом воздуха в 2,5 кубометра.

На лето из душных каморок и квартир многие рабочие перебирались в своеобразные балаганчики, иронически называемые «дачами». Где-нибудь поблизости от фабрики, на пустыре или на дворе, рабочие сколачивали эти «дачи» из разломанных ящиков, жердей и разного хлама. «Дачи» своим примитивным видом напоминали собачью конуру или курятник, и в каждом таком курятнике жили целые семьи. За отсутствием площади эти курятники иногда устраивались в два этажа.

Рабочие из деревень, ближайших к Иванову (5—10 километров от города), совсем не имели в городе квартир, а ходили ночевать домой. Прогулка по осенней и весенней грязи очень утомляла рабочих, но зато они после фабричной духоты и пыли имели возможность подышать свежим воздухом.

Пища и одежда рабочих

Пища рабочих в связи с низким заработком была очень скудна. Мясо на столе рабочего появлялось только по большим праздникам; в будни же и в небольшие праздники рабочий довольствовался хлебом, картошкой, пустыми щами, кашей, горохом, редькой и другими незатейливыми блюдами. И так изо дня в день, круглый год, без малейшего разнообразия. Естественно, что такая грубая пища с малым количеством жиров содействовала распространению среди рабочих кишечно-желудочных заболеваний.

Приблизительно одна треть всех ивановских рабочих питалась тогда в артельных кухнях при фабриках. Артель избирала из своей среды старосту с платой от артели 25 руб. в месяц; он освобождался от фабричной работы, нанимал кухарку (5 руб. в месяц) и закупал продукты. Продовольствие в артельной кухне обходилось в месяц от 3 до 5 рублей. Каждый мужчина и женщина тратили на пищу одну треть, половину и даже две трети своего заработка. Такую же приблизительно сумму на пищу и квартиру тратили и рабочие, живущие на частных квартирах, и питались значительно хуже, чем их товарищи, столовавшиеся в артельных кухнях. Рабочие, ночующие в ближайших к фабрике селениях, питались лучше, так как имели молоко от своих коров. Но хуже всего питались рабочие из деревень,

расположенных в 10—15 километрах от фабрики. Они ходили домой только на воскресенье, приносили из дома хлеб и картошку и питались ими всухомятку от воскресенья до воскресенья. «При нашей работе и есть не хочется», — горько говорили рабочие.

Одежда рабочих того времени была крайне проста и однообразна. Картуз, ситцевая рубаха навыпуск, нанковые штаны и пиджак, а для холодного времени — легкое пальто на вате. У женщин — ситцевое платье, ситцевый платок, а на зиму — теплая шаль и ватное пальтишко. Зимой носили валенки, а летом мужчины надевали на босую ногу какие-нибудь опорки.

Заболеваемость и смертность

Чрезмерно-длинный рабочий день на фабриках, переполненных пылью, совершенно испорченный воздух, страшная жара, однообразные и ограниченные движения при работе, скученность в зловонных жилищах, крайне скудная пища — все это губительно отзывалось на здоровье рабочих. Все текстильщики по сравнению с рабочими, обрабатывающими неволокнистые вещества, по исследованию врачей в то время, оказывались ниже ростом, были с менее развитой грудью и с более слабыми мышцами рук и стана. Организм этих рабочих изнашивался быстрее и сильнее.

Невыносимые условия жизни приводили к частым заболеваниям. Чахотка, катар желудка, глазные болезни были широко распространены среди рабочих. Вот, например, какие сведения мы имеем о заболеваемости 1606 рабочих за 1883 г. в Иваново-Вознесенске на прядильно-ткацкой и ситцепечатной фабрике «Никона Гарелина сыновья». Два мальчика в возрасте 10 — 15 лет, работавшие на этой фабрике, в течение года переболели всевозможными болезнями. Каждый мальчик в течение года болел более чем по шести раз. Среди рабочих-прядильщиков и ситцепечатников в возрасте 15—20 лет болевших было 25%, среди 20—25-летних — 31%, а среди рабочих старше 40 лет заболеваемость доходила до 86%, т. е. почти все рабочие этого возраста в течение года переболели по одному разу. Ткачи болели еще чаще: среди них заболеваемость составляла почти 120%.

В 80 и 90-х годах прошлого столетия количество больных с каждым годом значительно возрастало, составляя 200 — 300 %, т. е. каждый рабочий болел в году два-три раза.

Как общее правило, фабриканты никакой медицинской помощи своим рабочим не оказывали. Фабричные больницы были редкостью. При некоторых фабриках были так называемые приемные покои, где имелся врач, а чаще всего фельдшер. При многих фабриках не было даже простых приемных покоев. В обследовании фабрик, произведенном Владимирским земством в 1890 г., мы читаем: «существуют зачастую и такие больнич-

ки, где нет ни врача, ни фельдшера, имеются лишь аптечка, или правильнее — шкафчик с некоторыми сомнительной свежести медикаментами, и две-три кровати, существующие лишь «напоказ».

Но даже и такая примитивная помощь оказывалась не бесплатно: с рабочих производились вычеты и нередко в большем размере, чем стоила вся медицинская помощь.

В 1860 г. ивановские фабриканты выстроили в городе на 80 кроватей небольшую «Больницу для чернорабочих», затратив на нее 12 тысяч рублей, а рабочие должны были ежегодно уплачивать больничный сбор в размере 70 копеек. Больница эта даже в 90-х годах прошлого столетия была обставлена крайне бедно: на кроватях — тюфяки, набитые соломой, больных кормили жиденьким супом и кашей-размазней, так как на продовольствие каждого больного отпускалось в день только 12—13 копеек. Таким образом больные, находившиеся в больнице, питались значительно хуже, чем рабочие в артельных кухнях. В больнице работали три врача, пять фельдшеров и одна акушерка.

Прибавим сюда три маленькие больнички на 44 кровати при трех фабриках — вот и вся медицинская помощь на 20 тысяч ивановских рабочих.

За время болезни, а также в случае увечья, рабочие не получали никакого пособия от фабриканта. Самое большее, на что мог рассчитывать квалифицированный рабочий, десятки лет проработавший на фабрике и получивший там увечье, — это на получение работы в качестве сторожа. Некоторым престарелым инвалидам выдавалось пособие, но делалось это из милости, келейно, чтобы не узнали другие рабочие.

При этих условиях рабочий к 40 годам становился инвалидом, и фабрикант выбрасывал его с фабрики, как негодную для производства вещь. Больной рабочий брел к себе в деревню доживать там последние годы своей жизни, а если не было своего угла в деревне, то ему приходилось нищенствовать, потому что никаких учреждений для инвалидов труда царское самодержавие не создавало.

Хорошо передает положение ткачей того времени следующее стихотворение «Ткачи»:

Грохот машин, духота нестерпимая,
В воздухе клочья хлопка,
Маслом прогорклым воняет удушливо...
Да, жизнь ткача нелегка.
Мучит, терзает головушку бедную
Грохот машинных колес,
Свет застилается в оченьках крупными
Каплями пота и слез.
Эх, да зачем же вы льетеся,
Горькие-горькие слезы, из глаз?
Делу помеха: основа испортится,

Быть мне в ответе за вас...
Как не завидовать главному мастеру:
Вишь, на оконце сидит,
Чай попивает да гладит бородушку,
Видно, душа не болит.
Ласков на вид, а приди к нему вечером,—
Станешь работу сдавать, —
Он и работу бранит и ругается,
Все норовит браковать.
Так вот и гнет, чтоб поменьше досталося
Нашему брату, ткачу.
Эх, главный мастер, хозяин, надсмотрщики,
Жить ведь я тоже хочу!

Таково было положение ткачей в прежнее время.

Положение заводских и сезонных рабочих

До сих пор речь шла главным образом о текстильных рабочих — ткачах, прядильщиках и ситцепечатниках, как об основных кадрах иваново-вознесенского пролетариата. Заводских рабочих в Иванове на механическом и чугуннолитейном заводах Понамарева и Смоляковых в то время было немного — всего 482 человека. Зарплата на заводах была несколько выше, чем на текстильных фабриках, но эксплоатировали рабочих здесь так же беспощадно, как и на текстильных предприятиях.

Особенно тяжело было положение сезонных рабочих: каменщиков, штукатуров, маляров, кровельщиков, плотников, землекопов, которых по приблизительному подсчету в городе насчитывалось до 3000 человек. Разбросанные по многим артелям, в подавляющем большинстве совершенно неграмотные, сезонники терпели больший произвол, чем фабричные или заводские рабочие. По зимам сезонники жили в деревнях, а в апреле приходили в Иваново и работали здесь до 1 ноября. Заработная плата мастеров, в зависимости от квалификации, колебалась от 7 до 20 руб. в месяц на хозяйских харчах, а многие рабочие, не знающие мастерства, получали от 3 до 7 руб. в месяц. Если рабочий не хотел пользоваться хозяйскими харчами и помещением, то получал от хозяина сверх жалованья еще 6 руб. в месяц. Но и эту чрезвычайно низкую зарплату подрядчик стремился уменьшить, переводя рабочего в низший разряд «по своему личному усмотрению», не говоря уже о многочисленных обсчитываниях в артелях. За дни, в которые будут больны рабочие, жалованья не полагается», — гласило «правило».

Подрядчик рассматривал себя и своих десятников правительственными агентами и «в случае явного неповиновения» угрожал рабочим «наказаниями, определенными за восстание против властей, правительством установленных», — как говорилось в ряде расчетных книжек. Вот перед нами двадцать две такие книжки, выданные разными иваново-вознесенскими под-

рядчиками в течение 1891—1897 гг. Каждая книжка — своеобразная «конституция», где хозяин-законодатель по своему усмотрению возлагал на своих подчиненных бесконечное множество всяких обязанностей. Никаких специальных законов, регулирующих труд сезонников, тогда не было, и каждый подрядчик устанавливал в своей артели те правила, какие ему заблагорассудилось издать. Рабочий день у сезонников длился с 4 часов утра до 8 часов вечера (по некоторым книжкам — «до заката солнца») с перерывом на обед и отдых на два часа. Следовательно, «нормальный» рабочий день продолжался ежедневно четырнадцать часов, причем рабочий не имел права отказываться от работы «ни в дождь, ни в морозы». Но кроме четырнадцати часов нормальной работы, по требованию подрядчика, рабочий обязан работать сверхурочно, «не долее в общей сложности двадцати четырех часов в неделю, получая за эту работу, как обыкновенно, час за час». Итак, по требованию подрядчика рабочий обязан работать с 4 часов утра до 11—12 часов ночи с перерывом на два часа на обед и отдых, получая при этом 4—5 копеек за каждый час сверхурочной работы. Большей эксплоатации нельзя себе и представить!

Рабочий обязан работать не только в Иванове, но и в любой местности России, куда его пошлет подрядчик. В случае самовольного ухода рабочего до срока он платил подрядчику неустойку в размере всего обусловленного в расчетной книжке заработка, или, чаще всего, в размере 20—30 рублей. Кроме неустойки, рабочий «не должен требовать до срока паспорта». Задержка паспорта, естественно, была хуже всякой неустойки, ибо без паспорта никуда нельзя было поступить на работу. Мало того, по прежним жестоким законам человек без паспорта нес ответственность за так называемую «бесписьменность» и высылался по этапу на родину. Жалоб на задержку паспортов подрядчиками у меня в суде, например, было очень много. Несмотря на разные подписки рабочих об их согласии подчиняться правилам подрядчика, я неизменно удовлетворял просьбы рабочих о немедленном возвращении паспорта, считая условие о задержке паспорта незаконным. Жилищные условия сезонников были прямо-таки кошмарными. Мне довелось осмотреть и измерить ряд казарм сезонников, а кроме того, у меня сохранились записи, проведенные участниками первой всеобщей переписи 1897 г. В результате получалась очень мрачная картина. Спальня сезонников в то же время была и столовой. Нары в два яруса, а у одного подрядчика даже в три яруса. Никаких постельных принадлежностей на нарах не было. В расчетных книжках так и значилось: «предоставляется квартира и нары без постели и других принадлежностей, кои рабочие должны иметь от себя». На каждого рабочего приходилось от одной десятой до одной трети куб. сажени воздуха (0,97—3,2 куб. метра).

„Черные списки“

Личные и имущественные права рабочих постоянно нарушались фабричной администрацией, тем не менее жалоб со стороны рабочих как в суд, так и в фабричную инспекцию поступало сравнительно мало. Жалобщик считался неспокойным человеком, и ему всегда угрожало увольнение. Обычно жаловались только уволенные рабочие или те, кто думал переходить на другую фабрику. Помимо увольнения, «неспокойному», а также «политически неблагонадежному» рабочему угрожала опасность попасть в так называемый «черный список», который составлялся фабрикантами. Так, на фабрике Саввы Морозова была так называемая «книга порочных». Помимо своих «беспокойных» уволенных рабочих, в «черные списки» включались сведения и о тех рабочих, которые по распоряжению правительства высылались из крупных фабричных центров за участие в фабричных «беспорядках». Но мало этого. Списки «беспокойных» фабриканты нередко передавали на соседние фабрики, и, таким образом, уволенному рабочему и там нельзя было поступить. Эту передачу списков на соседние фабрики признает и фабричный инспектор Владимирской губернии Микулин.[1]

Рабочие убеждались, что в борьбе с произволом фабрикантов жалобы одиночек не дают результатов: не отдельный рабочий в одиночку, а только организованный рабочий класс мог вступить в борьбу с всесильными фабрикантами.

СТАЧКИ И ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Долго терпели рабочие произвол и насилия, долго мирились со своим нищенским положением. Задумываясь над своей неприглядной жизнью и сравнивая ее с роскошной жизнью фабрикантов, рабочие начали понимать причины политического и экономического неравенства и изыскивать средства борьбы со своими притеснителями. Рабочих на каждой фабрике много: работают все вместе, в больших фабричных помещениях, где так легко сговориться. В деревне тоже много недовольных, но они разбросаны, не объединены, не имеют руководителей. Отдельные вспышки крестьянской бедноты в виде потравы барского луга, лесопорубок, захвата участка барской земли, а иногда и в виде «красного петуха», не приводили ни к чему существенному и кончались только тюрьмою и ссылкой в Сибирь. Вся дальнейшая история с очевидностью показала, что беднейшее крестьянство сильно только тогда, когда оно идет вместе с рабочими под руководством рабочей партии. В деревнях Ивановского района, где земля в жизни крестьян не имела решающего значения, даже этих вспышек деревенской

---

[1] См. названную работу Лишулина.

бедноты было очень мало. Не то было в Иваново-Вознесенске и других фабричных центрах. Терпение рабочих истощалось, и они прибегали к единственному, бывшему в их руках, средству борьбы с фабрикантами и ненавистным строем — к стачке.

Общая характеристика стачек

Первоначально борьба рабочих с фабрикантами носила стихийный характер, проходила неорганизованно, сопровождалась иногда разгромом фабричного оборудования и велась на отдельных фабриках и против отдельных фабрикантов. Понизит фабрикант расценки, — рабочие прекращают работу и с жалобой идут к высшему представителю административной власти в городе — к полицеймейстеру. Так было во время стачки на фабрике Зубкова в 1881 г. Но скоро рабочие поняли, что интересы рабочих разных фабрик одинаковы, что угрожают этим интересам не отдельные фабриканты — Зубковы, Гарелины, Бурылины и пр., а все они вместе, ибо всех фабрикантов объединяют их общие интересы. Рабочие отдельных фабрик начинают объединяться и ведут уже совместную борьбу. В 80-х годах прошлого столетия в Ивановском районе происходят стачки, в которых одновременно принимают участие рабочие разных фабрик. В 1885 г. в Иваново-Вознесенске происходит стачка 6000 рабочих пяти ткацких и прядильных фабрик, в 1889 г. забастовали все ткацкие фабрики в Иванове, Шуе и в Ковровском уезде, а в 1897 г. в Иванове происходит первая всеобщая стачка, охватившая 15 тысяч ткачей, прядильщиков и ситцепечатников всех ивановских фабрик. В этих объединенных стачках все более выявляются классовое самосознание рабочих и противоречие их интересов интересам фабрикантов. Против класса буржуазии поднимается класс рабочих. Начинается *организованная* классовая борьба, рабочие получают крепкую революционную закалку.

Первоначально во время стачек выдвигаются экономические требования как наиболее близкие тем слоям рабочих, которые еще не порвали с деревенским хозяйством, не успели освободиться от собственнической психологии. Но мало-по-малу предъявляемые во время стачек экономические требования начинают переплетаться с политическими, ибо классовая борьба в то же время и — политическая борьба, а стачки, даже с экономическими требованиями, — одна из форм классовой политической борьбы. «Стачки — это *одно* из средств борьбы рабочего класса за свое освобождение» (Ленин, т. II, стр. 577).

В 1881 г. зубковские рабочие видели в полицеймейстере как бы своего защитника и во время стачки обратились к нему за помощью. То же самое сделали дербеневские ткачи во время стачки в феврале 1882 г. Неразвитые в политическом отношении рабочие возлагали в то время надежды на губернаторов, министров и на царя, направляя к ним ходоков со своими жалобами.

Но отдельные рабочие давно ненавидели царя, понимая, что он стоит не на стороне рабочих. Вот, например, какой случай произошел на ситцевой фабрике Посылина в г. Шуе в январе 1826 г. Приказчики этой фабрики привели в шуйскую полицию рабочего Николая Рогожкина, который — по словам приказчиков — рассказывал на фабрике о восстании декабристов, бывшем в Петербурге 14/26 декабря 1825 г., и «дерзновенно говорил, будто его императорское величество вступил на престол усильно»; будто присяга «требована была на верность подданства посредством пушечных выстрелов»; что, наконец, если бы он, Рогожкин, «в то время был в Петербурге, то также взял бы ружье и убил бы кого-нибудь, так как в то время и генералов били». Рогожкина отдали под суд.

Но в то время таких Рогожкиных было очень мало...

Спустя шестьдесят лет после агитации Рогожкина широко развернулось рабочее движение, и отсталые в политическом отношении рабочие начали «просвещаться». Рабочие убеждались на деле, что власти защищают исключительно интересы фабрикантов. В самом деле: как только начинается стачка, тотчас же на помощь к фабрикантам спешит губернатор с казаками и солдатами. Начинается расправа с рабочими — казаки пускают в ход нагайки и давят рабочих, а солдаты действуют прикладами. Правда, случаев расстрела рабочих в Ивановском районе не было до 1905 г. Но в 1895 г. в Ярославле во время продолжительной стачки (с 17 апреля по 4 мая) на Большой Ярославской мануфактуре солдаты Фанагорийского полка убили рабочего Леонтия Соловьева и четырнадцать рабочих тяжело ранили. За зверскую расправу с рабочими царь Николай II поблагодарил солдат. «Высочайшая» резолюция была напечатана во всех газетах и с очевидностью показала рабочим, что царь находится в союзе с фабрикантами и защищает их интересы.

Главной особенностью стачек в 80-х годах в Ивановском крае был их массовый характер. Следует сказать, что текстильщики в царской России одни из первых вступили в борьбу с капиталистами и по числу участников заняли первое место в стачечном движении. Одна из первых стачек текстильщиков была 22 мая 1870 г. на Невской бумагопрядильне в Петербурге. Несомненно, под влиянием этой стачки 6 июля 1870 г. министерство внутренних дел предписало губернаторам в случае стачки на фабрике «не доводя дела до судебного разбирательства... высылать зачинщиков». В 70-х годах прошлого века участвовало в стачках 112 тысяч рабочих, из коих текстильщиков было 45 629 человек; в 80-х годах участвовало в стачках 154 200 человек, из них 120 тысяч текстильщиков и, наконец, в 90-х годах бастовало 431 254 рабочих, среди них текстильщиков было 177 тысяч.

В каждой стачке принимали участие тысячи рабочих, преимущественно ткачей и прядильщиков, что вытекало из условий производства. На ткацких и отчасти на прядильных фабриках

массы рабочих заняты в громадных помещениях, где им легче сговориться, и при однообразной сдельной оплате все рабочие заинтересованы в каждом изменении расценка. На ситцепечатных фабриках, наоборот, рабочие разбросаны небольшими группами по многим отделам и притом каждая группа получала свое особое, чаще месячное или поденное вознаграждение. Понятно, насколько условия работы на ткацкой и отчасти на прядильной фабриках соединяли рабочих, настолько работа на ситцепечатных фабриках разобщала их. В этих условиях производства и в более высокой оплате крылась в значительной степени причина отсталости ситцепечатников, впервые примкнувших к забастовке в Иванове только в декабре 1897 г.

Во время стачек переодетые жандармы, полицейские и шпики усердно работали, вылавливая среди стачечников руководителей, главным образом тех, кто объяснялся с начальством, излагал требования рабочих, произносил речи. Нередко шпик протискивался через толпу к оратору и незаметно для других ставил мелом на его спине какой-нибудь знак, а затем, когда по окончании сходки выступавшие отделялись от толпы, их арестовывали. Рабочим приходилось прибегать к разным хитростям, чтобы спасти от ареста своих руководителей: меняли головные уборы (как было, например, в Иваново-Вознесенске во время стачки 1895 г.), иногда оратора окружали плотным кольцом, надевали на него женское платье и повязывали на голову платок.

Но вот кончалась стачка. Возобновлялись работы и с арестованными во время стачки рабочими начиналась расправа. По существовавшему в то время закону рядовые участники стачки подвергались аресту от семи дней до трех недель, «зачинщики» — аресту от трех недель до трех месяцев. По закону 1886 г. наказания за стачки были значительно усилены. Но судебное разбирательство при открытых дверях суда и с возможным участием защитников связывало руки правительству. Поэтому дела о стачках стали разрешаться в административном порядке, т. е. без всякого судебного разбирательства. Руководителей стачек стали ссылать на два-три года, чаще всего в северные губернии, а рабочих, активно участвовавших в стачке и не пожелавших брать расчета с фабрики, высылали под надзор полиции на «родину» — в деревню, где у рабочего, потерявшего связь с землей, порою не оставалось «ни кола, ни двора». Позднее, 12 августа 1897 г., министерство внутренних дел издало довольно откровенный, правда секретный, циркуляр. По этому циркуляру все дела о стачке должны разрешаться «в порядке охраны», так как — говорилось в этом циркуляре — «судебное преследование не всегда бывает возможно, ввиду весьма частого отсутствия признаков этих преступлений». Следовательно, в порядке охраны можно было ссылать и тех, кто не нарушил ни одной статьи уголовного кодекса, кто был ни в чем не виновен, а лишь вызывал малейшее подозрение у полиции. Мало того,

правительство принимало меры к тому, чтобы скрыть сведения о происходивших стачках: печати запрещалось писать о стачках. Поэтому описания стачек издавались тогда нелегально, сначала в рукописном виде, а впоследствии печатались на гектографе и имели широкое распространение среди рабочих в виде агитационного материала.

В восьмидесятых и девяностых годах прошлого столетия вплоть до 1897 г. стачки в Ивановском крае носили исключительно стихийный характер, за отсутствием какой-либо широкой организации среди рабочих, предварительной подготовки, планомерного и твердого руководства во время стачки. Были случаи, когда доведенные до отчаяния озлобленные рабочие мстили фабрикантам, особенно жестоким мастерам, выбивая стекла в их квартирах, а иногда и на фабриках. Но в общем фабричное имущество не подвергалось разгрому. И только в селе Тейкове на фабрике братьев Каретниковых 5 мая 1895 г. рабочие в количестве 3000 человек разгромили квартиру директора, англичанина Иосифа Крошо, и убили самого его за то, что он вместе со старшими мастерами, тоже англичанами, издевался над рабочими и мучил их чрезмерными штрафами. Жалобы рабочих на Крошо не имели успеха, и рабочие решили проучить директора. Крошо убежал на свою квартиру, заперся и через окна стал стрелять в рабочих: троих ранил, одного (Петра Кулева) убил. Возмущенные рабочие решительно расправились с директором. После бури настала тишина: рабочие 10 мая принялись за работу. Явился губернатор с жандармами, с батальоном солдат и сотней казаков. Арестовали 57 человек (среди них 13 женщин и 18 подростков) как участников убийства и разгрома. Дело это, возникшее тотчас же после ярославской стачки и под ее влиянием, очень взволновало рабочих. Фабриканты мечтали о военном суде, о виселицах для тейковских рабочих, но Петербург решил иначе, опасаясь новой волны движения рабочих. Дело разбиралось весной 1896 г. в окружном суде с участием присяжных заседателей. Часть рабочих была приговорена к каторге, другие — в арестантские роты.

Не мешает при этом сказать об «отзыве» владимирского губернатора, свидетельствующем о выдержанности тейковских рабочих. «Несмотря на чрезвычайное возбуждение буйствовавшей толпы рабочих, ярость ее ограничилась убийством директора фабрики, разгромом его дома, разграблением и уничтожением его имущества; затем никому из лиц фабричной администрации, а равно и другим служащим на фабрике, даже брату директора Якову Крошо (чесальному мастеру), никаких насилий причинено не было; самая фабрика осталась совершенно нетронутой», — доносил губернатор министру внутренних дел.

После убийства брата Яков Крошо был назначен директором фабрики и тотчас же ввел некоторые улучшения: сократил рабочий день, несколько повысил расценки...

Последняя стихийная стачка, бывшая в Ивановском районе,

происходила в октябре 1895 г. на фабрике Товарищества Иваново-Вознесенской мануфактуры. Некоторую организованность пытались внести в эту стачку тт. М. А. Багаев и Н. И. Махов: они выступали с речами перед двухтысячной массой и помогали стачечникам вырабатывать требования. Всеобщая стачка 1897 г. происходила в Иванове уже под руководством членов Иваново-Вознесенского рабочего союза. Начиная с 1897 г. все последующие стачки носят организованный характер и происходят под руководством партийной организации, которая состояла почти из одних рабочих и никогда не отходила от революционного марксизма, а с 1903 г. стала твердо большевистской.

В заключение следует сказать, что в то время стачки в Ивановском районе носили почти всегда оборонительный характер. Фабриканты стремились ухудшить положение рабочих, понижая расценки, увеличивая рабочий день и пр. Рабочие поднимались на борьбу, прекращали работы и таким путем стремились дать отпор своим угнетателям. И только сравнительно редко бывало, когда рабочие были нападающей стороной. Таков был общий характер стачек, бывших в Ивановском районе.

А теперь посмотрим, за что и как боролись наши текстильщики.

Морозовская стачка 1885 года[1]

Обзор стачек, бывших в пределах Владимирской губернии, я начинаю с замечательной морозовской стачки, происходившей 7—13 января 1885 г. на фабрике «Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова и Компания» в местечке Никольском, близ Орехово-Зуева.

В. И. Ленин (т. I, стр. 367—369) придавал громадное значение этой стачке и, как указано выше, просил меня собрать материал и написать о ней брошюру. Каждому рабочему, и в особенности молодежи, необходимо знать историю этой стачки; знать, чем она была вызвана, чем кончилась и чего удалось добиться морозовским рабочим.

Савва Морозов был крепостным крестьянином и в 1820 г. вместе с пятью сыновьями откупился на волю, уплатив помещику Рюмину 5600 рублей. В 1830 г. Савва Морозов построил в местечке Никольском ручную ткацкую фабрику, которая постепенно расширялась и к 1885 г. превратилась в громаднейшую фабрику с несколькими отделениями. На фабрике работало тогда до 8000 человек. Если присоединить к рабочим служащих и неработающих членов рабочих семей, то получим 11 тысяч человек, находящихся в полной экономической зависимости от Морозова. Сначала ручной ткач, затем мастерок и, наконец,

---

[1] В основу настоящего раздела положена моя брошюра „Десятилетие морозовской стачки“, нелегально изданная заграницей в 1897 г. „Союзом борьбы за освобождение рабочего класса“ и в 1901 г.— ленинской „Искрой“.

фабрикант, Савва Морозов умел выжимать пот и кровь из своих рабочих.

На фабрике отношение к рабочим было самое жестокое. Так, например, до половины 60-х годов прошлого столетия на фабрике существовала сторожка с железными решетками в окнах, куда сажали провинившихся в чем-либо рабочих. Для «усмирения» рабочих в этой сторожке пускались в ход плети и палки с железными наконечниками, а директор фабрики, англичанин Риг, при разговоре с рабочими часто делал «внушения» с помощью кулаков (Архив Владимирского губернского правления 1864 г., д. № 54).

Таким же, как Савва Морозов, был и его сын Тимофей — главный пайщик, директор-распорядитель товарищества. При Тимофее рабочие поднимались на борьбу несколько раз, чтобы облегчить свое тяжелое положение. Первая стачка на этой фабрике была в 1865 г., когда рабочие потребовали сокращения рабочего дня и некоторого увеличения расценок. Морозов ответил отказом и тотчас же выбросил из фабричной казармы нескольких рабочих, заподозренных в «подстрекательстве». В 1876 г. забастовали 500 прядильщиков, и они с теми же требованиями снова обратились к Морозову. Последний не пошел ни на какие уступки, ибо в запасе у него имелось много рабочих рук. Он так и сказал прядильщикам: «Убирайтесь, на ваше место найдутся другие...». Рабочие взяли расчет. Но голод, самый неумолимый и жесткий враг бедняков, опять погнал их на фабрику, и они приступили к работе на прежних условиях. А условия эти с каждым годом ухудшались: с 1882 г. по 1884 г. заработная плата сбавлялась пять раз и в результате понизилась на 25%. Но этого казалось Морозову мало: он приказывал браковщикам как можно строже штрафовать рабочих. «Мало, мало, прогорю», — твердил он браковщикам, а те, под угрозой штрафов с них, немилосердно штрафовали рабочих. Сам Морозов, разглядывая хорошо сработанную материю, говорил нередко браковщикам: «Хорошо, хорошо сработано; запиши-ка ему 50 коп. штрафа, будет еще лучше работать». Если рабочий был недоволен браковщиком и приходил жаловаться к ткацкому мастеру Шорину, то последний, обругав рабочего, приказывал браковщику: «Прибавь ему еще двугривенный». Каждый год Морозов собирал с рабочих путем штрафов несколько десятков тысяч рублей. Эти деньги шли в карман фабрикантов. В то время хозяин по закону имел право налагать на рабочего по любому поводу какой угодно штраф. Например, за курение штрафовали у Морозова по 3—4 и даже по 5 рублей, за прогульный день вычитали трехдневную плату да еще 50 копеек. «Не вольничай, не смей гулять», — говорили рабочему, не вышедшему на работу хотя бы по уважительной причине. Испорченный (испорченный по мнению браковщиков) товар даже не показывали рабочему. Взыскивая штраф полностью, контора записывала в расчетную книжку только две трети

штрафной суммы. А если у рабочего все-таки набиралось много штрафов и они составляли половину заработка, то рабочего «увольняли»: отбирали и уничтожали старую книжку, выдавая в тот же день новую, как вновь принятому. Так фабриканты стремились скрыть свои грабительские действия.

Морозов пускался на всякие хитрости, чтобы поменьше уплатить рабочему. Пустят пошире товар или внесут незначительное изменение в него, а рабочему говорят, что это новый товар, и назначают новую, более низкую плату. На суде было установлено, что был введен новый товар «молескин», а плату назначили такую, что на этом «молескине» ткач зарабатывал всего два рубля с полтиной в месяц.

Кроме низких расценок и штрафов рабочих донимали разными вычетами. В местечке Никольском частных домов не было, и рабочие жили в фабричных казармах. Морозов ухитрился и тут поживиться на счет рабочих: за баню, освещение каморок и уголь для самоваров вычитали с каждого рабочего по 35 коп. в месяц. За пользование казармами каждый лишний человек (не рабочий) облагался в пользу Морозова податью в 35 коп. Родится, скажем, у ткачихи ребенок, — и за него брали подать, так как, по мнению Морозова, только рабочие могут бесплатно пользоваться каморками, а их дети — живи, где хочешь: они не нужны фабриканту, пока малы.

Сколько же Морозову удавалось урвать в свой карман из заработка рабочего? Рабочий Никифоров показывал на суде, что в месяц у него удерживают по 3 руб. и 3 руб. 50 коп., а у Макарова — даже по 8 рублей. Бывали случаи, когда рабочему во время дачки ничего не выдавали: весь его заработок уходил на штрафы. Ткацкий мастер Шорин, особенно свирепо относившийся к рабочим и штрафовавший их по всякому поводу, вынужден был признать на суде, что из каждого заработанного рубля вычитали в пользу Морозова от 30 до 50 коп., от одной трети до половины заработка.

Это был чистый грабеж. Но Морозову казалось, что он грабит меньше, чем другие фабриканты. Он указывал, например, на Лепешкинскую мануфактуру, где незадолго перед тем была стачка рабочих вследствие того, что фабрика сократила число рабочих дней в неделю до четырех с половиной, а он позволяет работать на своей фабрике все шесть дней. Как мы видели, на морозовской фабрике путем произвольных штрафов не менее четвертой части заработка отнималось у рабочего и шло в карман Морозова. Таким образом выходило, что морозовский рабочий, проработав в неделю шесть дней, получал вознаграждение только за четыре с половиной дня, а полтора дня работал совершенно даром на Морозова, тогда как на лепешкинской фабрике эти полтора дня рабочие совершенно были свободны. Стало быть, Морозов сильнее пользовался даровым трудом рабочих, чем лепешкинская мануфактура. А в общем один другому не уступал в выжимании соков из рабочих.

Рабочие морозовских фабрик работали или в две смены по двенадцати часов, или в одну смену с 5 часов утра до 8 часов вечера с полуторачасовым перерывом на обед, а заработок их составлял от 8 до 12 рублей в месяц. За простой машин по вине фабрики рабочим ничего не платили, а за уход рабочих до срока найма с них удерживалось 25% со всего заработка, считая со дня найма.

В оправдание необходимости снижения заработной платы Морозов ссылался на «заминку в делах», говорил, что фабрика дает чуть ли не убыток. А вот что показывали отчеты: за 1880/1881 г. Морозов положил себе в карман чистой прибыли 596 тысяч рублей, за 1881/1882 г. — 495 тысяч рублей, за 1882/1883 г. имел убыток в размере 283 тысяч рублей и за 1883/1884 г. опять получил 540 тысяч рублей чистой прибыли. Таковы прибыли Морозова по его отчетам, а действительная прибыль была еще выше, ибо фабриканты принимали все меры к тому, чтобы не показать точно прибыли и уплатить казне меньше налога.

Так наживался Морозов, а его рабочие в то же время говорили: «Морозов задушил нас штрафами, моченьки нет, деться с семьей некуда». Женщины «отводили душу» в слезах, а мужчины — в ругани и проклятиях.

Горючего материала накопилось много, и недоставало только искры, чтобы разжечь пламя. Роль этой искры сыграл рабочий Петр Анисимов (Моисеенко), прекрасный пропагандист и агитатор, прошедший к этому времени большую революционную школу. Это был низенький, приземистый, но ловкий, белокурый человек, с открытым добродушным лицом, задушевным голосом и сероголубыми маленькими глазами, в которых светились насмешливые искорки. В то время ему было тридцать два года. Один зуб спереди у него выпал, другой наполовину был сломан, поэтому рабочие нередко называли его «Щербатым» и «Щербаковым». Жизнь этого рабочего-революционера чрезвычайно интересна. Анисимов родился в 1852 г. в деревне Обыденной, Кривцовской волости, Сычевского уезда, Смоленской губернии, в семье бедного крестьянина, занимавшегося частью сельским хозяйством, а частью работавшего ткачом на разных фабриках. Мальчик в школе не учился: грамоту постиг самоучкой. Петр Анисимов с двумя братьями уже окончательно порвал связь с землей. С тринадцати лет он пошел на фабрику сначала в Москву, а затем на фабрику Зимина в селе Зуеве, Московской губернии. Уже в 1873 г. Анисимов с близкими товарищами читает нелегальные брошюры, привезенные из Нижнего-Новгорода: «Сказку о четырех братьях», «Хитрую механику», «Сказку о копейке», «Революционный песенник». У Анисимова появляется страстное желание учиться, и он в 1875 г. с братом едет в Питер, поступает ткачом на фабрику, знакомится с народовольцами Пресняковым, Чубаровым, Лизогубом, Халтуриным (позднее все четверо повешены царским правительством). Вместе

с Халтуриным и Обнорским Анисимов принимает участие в организации «Северного союза русских рабочих» и много читает. Плеханов ведет с ним регулярные занятия. В конце 1877 г. на Новой бумагопрядильне, где тогда работал и Анисимов, началась стачка, и он принял в ней горячее участие: расклеивал прокламации и распространял среди рабочих отчеты о стачке, которые печатались в газетах. В январе 1878 г. Анисимов был арестован, просидел в тюрьме до мая, а затем на него надели наручники и погнали этапом на родину — под гласный надзор полиции на три года. Сюда же приехала из Питера его жена, Екатерина Созонтовна, никогда не покидавшая мужа. В деревне делать было нечего, а паспорта поднадзорным не выдавали. Тогда Анисимов без паспорта опять махнул в Питер. Ночевал — где ночь, где две — у своих товарищей и снова поступил работать на ту же Новую бумагопрядильню. В 1879 г. здесь снова началась забастовка, и Анисимова вторично арестовали и заключили в дом предварительного заключения, где в то время была недурная библиотека. Первая книга, которую дали ему в тюрьме, была «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, книга, в то время запрещенная. Анисимов усердно засел за чтение и много прочитал по истории (Костомарова и Соловьева) и по художественной литературе («Войну и мир» Толстого и др.). Читал он также журналы «Отечественные записки» и «Вестник Европы», где особенно понравилась ему драматическая хроника «Стенька Разин» Навроцкого. Из этой хроники Анисимов выучил наизусть значительные отрывки и впоследствии декламировал их рабочим. В то же время под влиянием казней революционеров Анисимов написал следующее стихотворение, которое при всех своих недостатках хорошо передаст настроение рабочего-революционера 70-х годов:

Я хочу вам рассказать,
Как нас стали обирать
Дармоеды, кулаки,
Полицейские крючки.
А министры да цари
На нас смотрят издали.
Указов [illegible] написали,
Чтобы чище обирали,
Попы пьяные орали,
Народ бедный надували:
„Царь наш батюшка-спаситель,
Нашей шайки предводитель,
Хорошо ты управляешь:
Честных в каторгу ссылаешь,
Суд военный утвердил,
Полны тюрьмы понабил,
Запретил всему народу
Говорить ты про свободу.
Кто осмелится сказать,—
Велишь вешать и стрелять“.

В конце июня 1880 г. Анисимова отправили этапом в Сибирь вместе с партией политических, среди которых был и его товарищ Лука Иванов (Абраменков), тоже участвовавший в стачке на Новой бумагопрядильне. Анисимова поселили в селе Янцыре, Канского округа, Енисейской губернии. За Анисимовым с разрешения властей последовала и его жена. Сюда же через некоторое время был переведен и наш владимирец Орест Эрнестович Аппельберг, поселившийся с Анисимовым в одной избе. Аппельберг лечил крестьян, а Анисимов батрачил в лесу и в поле, а в свободное время ходил на охоту. Анисимовы на двоих получали от казны пособие в размере 12 рублей.

В июне 1883 г. кончился трехлетний срок ссылки. Лука Иванов и Анисимов с женой приехали в Зуево, где на фабрике Зимина работал отец Анисимова. Жить с проходным свидетельством было нельзя, и Анисимов отправился на родину за паспортом. До сих пор он, как и многие крестьяне Смоленской губернии, фамилии не имел, а по документам значился просто Петром Анисимовым. Под фамилией Анисимова он сидел в тюрьме и отбывал ссылку. Возможно, что фамилия «Анисимов» значилась и в морозовской «книге порочных». Петр, желая переменить фамилию, обратился в деревне к писарю с просьбой включить в новый паспорт деревенское прозвище их семьи «Мосеенки». Писарь согласился, но по небрежности написал «Моисеенко». Так Петр Анисимов превратился в Моисеенко и с тех пор назывался только по этой фамилии. Теперь у Петра Анисимовича был чистый паспорт с новой фамилией, и он мог поступить на любую фабрику. Проработавши некоторое время у Морозовых и на фабриках в окрестностях Орехова, Моисеенко в ноябре 1884 г. снова вместе с женой поступает ткачом на фабрику Саввы Морозова. Обладая необычайно живым характером, в свободное время он ходит по фабричным казармам и читает вслух своего излюбленного «Стеньку Разина» Навроцкого и другие книги, говорит о тяжелом житье рабочих и о том, как им улучшить свое положение. Моисеенко многие знают, приветливо встречают его приход в казармы и все считают его «студентом». Он быстро сошелся со многими рабочими и особенно с ткачом Василием Сергеевичем Волковым из серпуховских мещан. В противоположность Моисеенко, Волков, — с черными вьющимися волосами и черными глазами, — был высок, строен и красив. Обладая страстным темпераментом агитатора и неустрашимым характером, Волков хорошо говорил, за что рабочие называли его «адвокатом». Как и Моисеенко, его все знали, так как он принимал горячее участие в агитации. Бывало, — вспоминали некоторые рабочие, — Моисеенко и Волков зайдут в уборную. Вонь, масса народа, курят, зубоскалят, рассказывают нескромные анекдоты, от густого дыма ничего не видать, а Волков или Моисеенко вынут из кармана какую-нибудь газету и начинают «читать»: «доколе, мол, вы будете терпеть эту каторгу? Ведь хозяин опился вашей кровью, лопнет скоро, не бараны же

П. А. Моисеенко (в арестантском халате).
Снимок 1885 г.

мы, которых только свежуют» и т. д. Все слушают с затаенным дыханием. «Как вольно нынче стали писать в газетах», — говорят одни, а другие обращаются к чтецу: «И как это ты, братец, разбираешь буквы в такой темноте, не иначе у тебя «котиные глаза». После чтения все оживляются, ругают Морозова. Никто не идет к станкам, пока не прогонит мастер.

Так агитировали Моисеенко и Волков. Настроение все больше повышалось, стали говорить о стачке. Хотели было приступить к стачке перед рождественскими праздниками, но отказались от этого плана только потому, что пришлось бы остаться на праздник без денег. Решено было начать стачку после рождества. 5 января 1885 г. по приглашению Моисеенко собралось девятнадцать рабочих в с. Зуеве в ренсковом погребе Конфеева. Сдвинули столы, для отвода глаз взяли четверть водки, уселись

кругом и стали тихо совещаться. Больше других говорил Моисеенко. Он указывал на притеснения и грабежи, которым подвергаются рабочие. «Нам остается только одно, — говорил он, — как можно теснее и дружнее сплотиться и общими силами повести борьбу против ненасытного вампира, который высосал всю нашу кровь. Для этого у нас одно оружие — стачка. Стачка дружная, общая, солидарная во всех отношениях, чтобы все не только бросили работу, но и другим не позволяли работать».

Волков тоже присоединился к Моисеенко: «Мы тоже бастовали в Серпухове, дружно поддерживали друг друга, выиграли дело, и теперь там лучше».

Лука Иванов (Абраменков) заметил: «Хотя я и не работаю у Морозова (он работал на Ликинской фабрике в девяти километрах от местечка Никольского), но все-таки советую переговорить с другими товарищами и действовать сообща».

«Клянемся, — ответили присутствующие ткачи и прядильщики, — мы остановим свои отделения и не дадим никому работать».

После этого стали обсуждать, как лучше всего приступить к стачке. Одни говорили: надо с утра пораньше встать, занять места у входных дверей и никого не пускать в фабричные корпуса. Другие предлагали взять гвоздей и забить двери фабричных корпусов. Третьи, наоборот, говорили, что надо собраться внутри корпусов, сорвать все наряды и бросить работу. Спорили долго, но ни к чему определенному не пришли; решили еще подумать и собраться на следующий день, тем более, что по случаю церковного праздника фабрики в этот день не работали.

Шестого января группа рабочих собралась уже в местечке Никольском в трактире Трофимова, куда явилось пятьдесят человек ткачей и прядильщиков. На собрание явился также и Лука Иванов. Он прочитал сохранившееся у него старое нелегальное воззвание к московским рабочим, говорил о задачах «Северного союза русских рабочих», который объединяет всех рабочих и помогает в борьбе за их лучшее будущее. «Не унывайте, — говорил Волков, — будем стоять твердо и мы победим». Моисеенко снова призывал присутствующих к дружной борьбе. «Мы, — говорил он, — раз навсегда должны помнить лозунг «один за всех и все за одного». Без воли и свободы мы равны скотам. Волю-мать искоренить нельзя: гонимая, забитая, повсюду она в душах таится и дожидается кровавого расчета».

«Верно, верно говоришь», — ответили все и приняли первое, выдвинутое накануне, предложение — пораньше встать у дверей и никого из рабочих не пускать в фабричные корпуса.

Моисеенко, Волков и Лука Иванов пошли в камеру Моисеенко и долго там беседовали.

Наступило 7 января. На соседней фабрике у Викулы Морозова не работали, раньше этот день у Саввы Морозова тоже праздновали.

Г. С. Волков (в арестантском халате).
Снимок 1885 г.

Но теперь работали, как обычно. Рано утром «будило» прошел с колотушкой по казармам и разбудил спящих. Бросились к корпусам, а там уже огни, и у входных дверей стоят чернорабочие (торфяники) с дубинами, ломами и оглоблями, не позволяют останавливаться на улице и всех гонят в корпуса. Оказывается, о решении рабочих пронюхал конторщик Гарапин и донес директору Дианову, который и приставил к входным дверям торфяников. План был сорван. Казалось, что в этот день забастовки не будет. Все шло по заведенному порядку: в рожках горел газ, станки пущены, ткачи стоят на местах. Но такое спокойствие продолжалось недолго. Уже в шестом часу утра стало заметно некоторое волнение в новоткацком корпусе: рабочие отходили от станков, собирались кучками, переговаривались. Захотели узнать мнение ткачих и постучали им в отделение, а они в ответ: «Вы хуже баб, бараны, бросайте работу!». Мои-

сеенко, Волков, Федор Шелухин, Павел Кузнецов, Алексей Ходков, Герасим Холконов, Леонтий Васильев, Феофил Елизаров, Ефим Спиридонов и Михаил Данилов бегали по трем этажам этого корпуса и кричали: «Гасите свет, кончайте работать, выходите вон из фабрики!».

Стали завертывать нижние газовые рожки, но основной кран газа был высоко, а лестниц не было. Моисеенко в раздумьи посмотрел на кран и сказал, что нужно достать лестницу. К нему подскочил мальчуган-подросток: «мы и без лестницы сумеем завернуть». В один момент трое мальчуганов вскочили друг на друга и быстро завернули основной кран. Настала темнота. По всем трем этажам раздавались призывные крики: «бабы, выходите вон, все кончайте работать, сегодня праздник!». С громкими криками «ура» несколько сот рабочих вышли на улицу и под предводительством Михаила Козлова двинулись к соседнему прядильному корпусу, где работа еще продолжалась. Войдя в прядильный корпус, ткачи разбились на четыре группы и разбежались по четырем этажам, где стали завертывать газовые рожки. Прядильщики были на стороне ткачей, и тотчас же во всем корпусе раздались крики «кончайте работу», при этом тушили газ, рвали пряжу и разбивали газовые фонари, бросая в них катушками. Работы в прядильном корпусе прекратились. Подскочили опять мальчуганы с предложением своих услуг — завернуть главный кран, но в этом не было нужды: прядильщики уже выходили из корпуса. Прядильщики присоединились к ткачам и вышли на улицу. Собралось около трех тысяч рабочих.

Пошли к красильному корпусу, чтобы привлечь на свою сторону и красильщиков, но ворота красильного отделения оказались запертыми. Разбили ворота, часть рабочих ворвалась в паровое отделение и заставила паровщика остановить паровую машину, после чего из всех этажей красильного отделения рабочие вышли на улицу. Образовалась толпа более пяти тысяч человек и заполнила улицу. Появился красный флаг. Это был первый случай во Владимирской губернии, когда рабочие подняли красное знамя. В одном месте раздался женский крик: «наших бьют!». Показалась толпа торфяников, вооруженных дубинами. Рабочие разобрали изгородь у пруда и, вооружившись палками, рассеяли торфяников. После этого торфяники более не нападали на рабочих.

Остановились все отделения морозовской фабрики. Все было спокойно. Моисеенко зашел в с. Зуево в ренсковой погреб, а там уже сидел Волков с товарищами. Стали обсуждать положение и дальнейшие шаги, как вдруг прибежало несколько человек рабочих с криками: «на фабрике погром!». Волков, Моисеенко и их ближайшие помощники до этого уговаривали рабочих не устраивать погромов, но эти уговоры, как оказалось, не подействовали: слишком много горя испытали рабочие, чтобы сохранить спокойствие в то время, когда они представляли из себя грозную силу, могущую все преодолеть, когда они почув-

ствовали, что могут, наконец, излить накипевшую ненависть, сбросить с себя тяжелое иго хозяина и заставить дрожать всемогущего миллионера. «Не могли сдержать себя от гнева», — говорили потом рабочие. Как оказалось, рабочие напали на квартиру ненавистного им ткацкого мастера Шорина, который, чувствуя за собой вину, спрятался на чердаке. В этой квартире буквально все было разбито и уничтожено. Влезли на чердак, чтобы разделаться с самим Шориным, но он и оттуда куда-то скрылся. После этого подверглись разгрому харчевая лавка и хлебопекарня. В квартирах директора Дианова, прядильного инженера Лотарева и бухгалтера Ануфриева были только выбиты растекла. Как было точно установлено на суде, морозовские рабочие только кое-что разрушили, но в расхищении разгромленного имущества не принимали участия. Расхищали примкнувшие к рабочим «золоторотцы» (в Орехове их было несколько сот человек), мальчишки и жители села Зуева и окрестных деревень, из которых некоторые приезжали за «добром» на подводах.

Фабричная администрация растерялась и никаких мер к предотвращению погрома не приняла. Сам Морозов отсиживался в Москве, засыпая владимирского губернатора и министра внутренних дел телеграммами с мольбами о присылке войск. Директор фабрики Дианов скрылся в Павловский посад. Когда царю Александру III доложили о стачке, он «глубокомысленно» начертал на докладе министра: «Я очень боюсь, что это дело анархистов» и требовал подробных сведений о течении стачки. Министр внутренних дел граф Д. А. Толстой, известный мракобес и душитель России, телеграфировал владимирскому губернатору: «Потребуйте побольше войск из Москвы», а командующему войсками Московского военного округа предлагал «послать на фабрику Морозова войск, сколько потребует владимирский губернатор». Встревожились все власти во главе с царем и приняли все меры к охране Морозова.

Уже вечером 7 января из Владимира прибыл владимирский губернатор И. М. Судиенко, прокурор Владимирского окружного суда П. С. Товарков и два батальона Великолуцкого пехотного полка под командой полковника Кобардо, а через день из Москвы прибыл батальон гренадерского Перновского полка под командой подполковника Сухомлинова и первый казачий полк под командой офицера Кутейникова и войскового старшины Протопопова. На защиту Морозова против рабочих было выставлено целое войско.

Утром 8 января по распоряжению губернатора были призваны ткачи, как инициаторы стачки. На двор главной конторы явилось около ста человек. Губернатор стал расспрашивать их о причинах стачки. Ткачи в один голос заявили: «Нас замучили штрафами, придираются в каждой штуке товара. Нитка оборвалась — и то штраф, а чем тут виноват ткач. На Шорина все имеем обиду: просто ограбил нас. По капризу хозяина не работаем несколько дней — ничего не платят, а захочешь уйти — не

пускают: подписка взята работать до пасхи. Делают вычеты за баню, больницу, отопление, освещение. Во время дачки получаем половину, пища у нас плохая, а станешь жаловаться, — говорят: «уходи».

Более всех и очень толково говорил с губернатором Волков.

На вопрос губернатора, пойдут ли работать, отвечали: «Мы ходим полуголодные, хотим и пойдем работать, но пусть дадут нам возможность прокормить свои семьи».

После этих довольно обстоятельных переговоров губернатор приказал Морозову, только что приехавшему из Москвы, уволить Шорина и сделать уступки рабочим. В тот же день Морозов вывесил объявление: «Все взыски, которые сделаны с рабочих за плохие работы с 1 октября 1884 г. по 1 января 1885 г., им возвращаются, но рабочие должны встать на работу на прежних условиях».

Рабочие сорвали объявление Морозова, а после этого на улицах в нескольких местах от имени рабочих появились рукописные бумажки-объявления. В них рабочие требовали прибавить расценки или рассчитать, уплатив по пасху, а если не разочтешь, «то мы будем бунтоваться до самой пасхи», — говорилось в объявлениях.

Морозов ответил на объявление рабочих, что более никаких уступок не сделает, а если рабочие не хотят работать, то пусть приходят за расчетом.

Через своих уполномоченных рабочие заявили губернатору о своих требованиях: 1) расценки должны быть установлены те, которые существовали до пасхи 1884 г.; 2) штраф не должен превышать пяти копеек с заработанного рубля; 3) если хозяин хочет рассчитать рабочих, то обязан выдать расчет по пасху 1885 г.; 4) удовлетворить всех хлебом, так как «пекарные» листки ими оплачены за месяц; 5) плата за простои по вине хозяина и 6) убавить работу «малолеток».

Губернатор обещал эти требования отослать в Москву в правление фабрики.

9 января рабочие толпами собирались на улицах в разных местах, порою над толпою развевался красный флаг. Рассеянные войсками в одном месте, они собирались в другом и кричали «ура». Впереди толпы, управляя ею, всегда шли Волков и Федор Козлов и уговаривали товарищей не вставать на работу. Во избежание столкновения с войсками и бесцельного кровопролития Моисеенко и Волков обходили все казармы и просили зря не выходить на улицу и спокойно сидеть дома. Много пришлось беседовать с молодежью, которая рвалась на улицу.

Была мысль отправить прошение царю, но под влиянием Моисеенко ее отбросили. Решили сообщить в Питер, чтобы выслали комиссию для проверки действий Морозова, так как местным властям, «подкупленным Морозовым», рабочие не доверяют. Прошение составил Моисеенко и отправил на имя «члена государственной полиции».

Моисеенко и Волков решили в письменном виде представить требования, о которых они говорили губернатору. После обсуждения с более близкими товарищами они засели за работу: Волков написал первую, а Моисеенко следующие две страницы. Написанное обсуждали «всем народом». Сначала требования читали по всем мужским и женским казармам, а затем на общем собрании. Волков и Моисеенко, чтобы слышали все, влезли на пожарную кадку для воды, читали и объясняли. Требования были одобрены всеми.

Эти «требования» имеют громадное историческое значение и их можно разделить на две части: во-первых, требования местного значения, которые могли быть удовлетворены Морозовым, и, во-вторых, требования общего характера, которые могли быть удовлетворены только в законодательном порядке, «по государственному закону», как значилось в требованиях. Эти требования прокурор Товарков на суде называл иронически «законами рабочих».

Требования местного характера были следующие: 1) возврат штрафов не с 1 октября 1884 г., как предлагал Морозов в своих объявлениях, а с пасхи 1884 г.; 2) выдача харчей до тех пор, пока требования рабочих не будут удовлетворены; 3) введение расценок, которые существовали в 1881 и 1882 гг., так как расценки 1885 г. не дают возможности содержать семью; 4) увольняемых в настоящее время рабочих рассчитать по пасху 1885 г.; 5) недоброкачественность работы должна быть установлена путем предъявления товара свидетелям из рабочих; 6) запись в книгу излишней меры в куске; 7) увольнение всех служащих, которые обижали рабочих и были им неприятны...

Требования по так называемому государственному закону были следующие: 1) штрафы за плохую работу не должны превышать 5% заработка; 2) штраф за прогул не должен превышать 1 рубля за прогульный день; 3) простой работы по вине хозяина оплачивается по 40 коп. за каждый день; 4) предупреждение за 15 дней в случае увольнения рабочего, а равным образом и рабочий может уволиться с фабрики, предупредив хозяина за 15 дней; в противном случае и рабочий и фабрикант платят вознаграждение в размере полумесячного заработка рабочего; 5) государственный контроль над заработной платой; 6) уплата заработка не позднее 15 числа каждого месяца или в первую субботу после 15 числа и проч.

10-ое января прошло спокойно, а утром 11 января с красным знаменем, которое нес Волков, рабочие направились от казарм к железнодорожному переезду, чтобы пройти к фабричным корпусам. У переезда рабочие были остановлены войсками. В 10 час. утра к переезду явился губернатор с прокурором окружного суда Товарковым и приехавшим из Москвы прокурором судебной палаты Н. В. Муравьевым (с тем самым кровожадным прокурором, который требовал смертной казни для Желябова, Перовской и других участников покушения на царя Александра II).

Губернатор потребовал, чтобы рабочие или согласились работать на объявленных Морозовым условиях, или же шли в контору за расчетом. Ткач Федор Шелухин от имени всех заявил губернатору: «Условий Морозова не принимаем». Толпа закричала: «не согласны работать, расчет по пасху». Тогда Волков, стоявший впереди толпы, поднял руку, как он делал всегда, когда нужно было успокоить волновавшихся рабочих. Вмиг все смолкли. Волков подтвердил слова Шелухина и попросил составленные требования рабочих. Ему подали тетрадь, но губернатор не принял тетради от Волкова и предложил вручить ее прокурору Товаркову. Волков потребовал, чтобы требования рабочих были тут же прочитаны. Но в это время Шелухин и Волков были окружены войсками и оттеснены от остальной массы рабочих. Окруженный войсками, Волков крикнул товарищам: «Мы перед капиталистами говорить не можем. Пропадать, так пропадать всем. Я за всех или все за меня?». — «Все, все», — ответили рабочие и двинулись за арестованными, но в это время на них налетели казаки с нагайками и по распоряжению губернатора арестовали еще 51 человека. Арестованных под усиленным конвоем отвели в помещение главной конторы, где все они были переписаны (при опросах назывались вымышленными именами) и заключены в так называемую «мальчишечью» казарму, где столовались рабочие-подростки. Казарма эта была на третьем этаже и состояла из двух громадных комнат, соединявшихся между собой особой дверью, которую забили. В одну из этих комнат поместили арестованных и к наружным дверям приставили военный караул. Другая лестница, ведущая в свободную комнату, была оставлена без охраны. Несмотря на противодействие войск и казаков, рабочие все-таки подошли к фабричным воротам, но солдаты и казаки во двор их не пустили. Тогда ткач Венедикт Зубрилин стал ударять в набатный колокол, чтобы собрать побольше народа. Рабочие со всех сторон бежали на звуки набатного колокола, но никто не знал, куда отведены арестованные. В это время прибежал мальчуган и сказал Моисеенко: «Я знаю, где сидят арестованные».

— Есть ли там караул и можно ли пройти?

— Нет никого, — ответил мальчик.

По указанию мальчика собравшиеся рабочие бросились в свободную комнату «мальчишечьей» артели, попробовали дверь — заперта. Тогда Моисеенко взял большую скамью и с помощью подростков разбил дверь. «Выходите, ребята», — крикнул он арестованным. Все арестованные бросились вниз по лестнице. В это время прибежали солдаты с соседней лестницы. Началась свалка, несколько рабочих получили штыковые раны. Моисеенко тоже был слегка ранен штыком в грудь, но вгорячах сразу даже не заметил этого и только вечером увидал на груди запекшуюся кровь. Из ранее арестованных солдаты задержали снова только двенадцать человек и отвели их во двор главной конторы, где в особом здании содержались Волков и Шелухин.

Часу во втором этого же дня собравшиеся рабочие подошли к зданию, где остановился губернатор, и требовали от него освобождения «Василия» (Волкова), но его не освободили. В тот же день, в шестом часу вечера, когда уже стемнело, толпа рабочих в несколько тысяч заняла всю Никольскую улицу и двинулась к главной конторе, где в то время собралось все начальство. Подвигаясь все ближе и ближе к этому зданию, рабочие настойчиво требовали освобождения всех арестованных, в особенности «Васьки — нашего человека». «Он наш родной отец», — кричали рабочие.

Несмотря на присутствие войск, рабочие не отступали и продолжали требовать освобождения арестованных. Губернатор распорядился оттеснить собравшихся военной силой. Казаки бросились на рабочих, пустили в ход нагайки и устроили страшное побоище. Рабочие защищались камнями, но против вооруженной силы устоять не могли.

Волнения и стычки с войсками продолжались и на следующий день. По распоряжению губернатора полиция начала массовые аресты. Более 600 человек были арестованы и отправлены по этапу под конвоем на родину. Эта высылка положила конец неравной борьбе рабочих. С 14 января фабрика начала работать. В первое время к работе приступили только около 800 человек вместо 8000.

Когда министр Толстой доложил царю о прекращении стачки, тот облегченно вздохнул и написал в докладе: «Дай бог, чтобы так и продолжалось».

Через несколько дней были арестованы Моисеенко, Тимофей Яковлев и Лука Иванов.

Рабочие приступили к работе на условиях, ранее предложенных Морозовым, однако это не означало, что морозовские рабочие потерпели поражение. «Каждая стачка, — писал В. И. Ленин, — напоминает капиталистам, что настоящими хозяевами являются не они, а рабочие, которые все громче и громче заявляют свои права. Каждая стачка напоминает рабочим, что их положение не безнадежно, что они не одиноки».[1]

После морозовской забастовки стачечная волна в центральном промышленном районе высоко поднялась. 15 января 1885 г. забастовали рабочие Измайловской бумагопрядильной мануфактуры, а 25 февраля того же года, под непосредственным влиянием рассчитанных Т. С. Морозовым рабочих, началась дружная, хорошо организованная стачка 5200 рабочих на Тверской мануфактуре Морозовых (родственников Т. С. Морозова). Причина стачки — чрезмерные штрафы, понижение зарплаты, кулачная расправа с рабочими и особенно ненавистная рабочим бесплатная чистка машин по праздникам. Рабочие сначала пытались легальным путем защищать свои интересы и обратились за помощью к адвокатам Малевич-Малевскому и Н. П. Рождественскому

[1] В. И. Ленин. Соч., т. II. стр. 57[illegible].

(впоследствии, как я уже говорил, он защищал шуйских рабочих, участвовавших в стачке 1888 г.). Первая серия дел была выиграна в суде. Тогда губернатор изъял дела рабочих из суда и направил дело о стачке в порядке охраны, а адвокатам предложил не принимать рабочих и не вести их судебных дел. Так тверской помпадур дико расправился с судом и адвокатурой. Рабочие заволновались, и стачка продолжалась вплоть до 11 марта, когда 1000 ткачей под влиянием голода и выселения из фабричных казарм, вынуждены были встать на работу. Часть требований рабочих (между прочим требование об отмене праздничной чистки машин) была удовлетворена.

В стачке видное участие приняли рабочие А. Я. Щербаков и И. Ф. Семенов, а рабочие Кузьма Павлов и Дмитрий Васильев, как «подстрекатели», по «особому совещанию» были сосланы в Вологодскую губернию.

Когда царю Александру III сообщили об этой стачке, он на записке министра внутренних дел написал одно, но роковое для себя слово: «Эпидемия!». Да, действительно, в России началась революционная «эпидемия», которая в короткий исторический срок — с небольшим тридцать лет — уложила в могилу самодержавие вместе с фабрикантами и помещиками.

После Твери пламя забастовки перебросилось в Иваново, где в июне того же 1885 г. забастовали 5000 ткачей.

Всемогущие владельцы фабрик, находящихся в окрестностях Орехова, присмирели: увеличили расценки и стали возвращать штрафы. Так они были напуганы морозовской стачкой. Вместе с фабрикантами испугалось и самодержавное правительство, которое вынуждено было пойти на уступки рабочим и в некоторой степени сократить произвол фабрикантов. Уже 11 февраля 1885 г. известный реакционер, министр внутренних дел граф Д. А. Толстой пишет царю подробный доклад по поводу морозовской и других стачек, бывших в Московской и Владимирской губерниях. Министр прежде всего признает, что забастовки, бывшие в этих губерниях, выяснили «крайне угнетенное положение фабричных рабочих». «Заработная плата, — говорил министр, — по сравнению даже с предшествующим годом уменьшилась на 20%, а фабриканты путем штрафов сократили ее еще на 40% и, кроме того, заставляют рабочих брать продукты в своих харчевых лавках, где цены иногда до 45% выше обыкновенных рыночных цен».

В результате «рабочий вместо чистого дохода остается еще должен фабриканту». Рабочие, по мнению министра, стремятся избавиться от произвола хозяев. Но законное средство — право жаловаться в суд — для них почти недоступно: чтобы судиться, надо отлучаться с фабрики, а за отлучку полагается большой штраф. «Поэтому единственно пригодным в глазах рабочих средством являются стачки и всякого рода насилия». Использование военной силы для прекращения забастовки министр не считает «нормальным средством для восстановления поруганного права»,

так как «в глазах раздраженных современными условиями фабричного быта рабочих военная сила является будто бы с целью защиты произвола фабрикантов», а такая точка зрения вредит авторитету правительственной власти. Поэтому министр считал необходимым образовать особую комиссию под председательством своего товарища, сенатора Плеве, тоже известного реакционера того времени. Эта комиссия должна была точнее определить взаимные отношения между фабрикантами и рабочими. Царь немедленно одобрил предложение Толстого. Спешно заскрипели бюрократические перья. Выработали законопроект, переданный впоследствии на рассмотрение государственного совета. В отчете совета прямо говорится, что следствие по делу о волнениях на некоторых фабриках Московской и Владимирской губерний раскрыли такие дурные стороны наших фабричных порядков, которые неизбежно вызывают со стороны рабочих постоянное недовольство, склонность к стачкам и беспорядкам и «восприимчивость к преступным деяниям, направленным к ниспровержению государственного общественного порядка».

Призрак революции не давал покоя сподвижникам царя.

Так, под влиянием стачек, был выработан закон от 3 июня 1886 г., превративший «в государственный закон» требования морозовских рабочих.

Силу рабочего движения показал и сам судебный процесс морозовских рабочих. Правительство готовило арестованным суровую расправу. Первую групппу в девятнадцать человек обвиняли в буйстве и устройстве стачек. Дело это подсудно было мировому судье, но Морозову захотелось, чтобы оно рассматривалось в окружном суде. Через адвоката Фальковского он предъявил к рабочим иск в сумме более 500 рублей (иски свыше 500 руб. были подсудны окружному суду) и добился своего. Но в последний момент Морозов отказался от гражданского иска. Морозов исчислял свои убытки в 35 тысяч рублей от простоя фабрики во время стачки и в сумме 11 тысяч рублей за разгромленное фабричное имущество, в том числе три с половиной тысячи рублей за... разбитые стекла.

Дело рассматривалось во Владимирском окружном суде 7 и 8 февраля 1886 г. без участия присяжных заседателей. На защиту рабочих приезжал знаменитый московский адвокат Ф. Н. Плевако. В своей речи Плевако требовал оправдания рабочих на том основании, что сам Морозов своими притеснениями принудил рабочих отказаться от работы. Но судьи не согласились с защитником и оправдали только двоих. Остальные были осуждены на разные сроки: Моисеенко, Волков и Шелухин, как руководители стачки, — к аресту на три месяца, Федор Козлов и Филипп Титов — на два месяца, Тимофей Яковлев, Филипп Чугунов, Михаил Козлов, Василий Курочкин (он же Васягин), Павел Кузнецов, Иван Никифоров, Алексей Ходков, Герасим Холконов и Ефим Спиридонов — на один месяц,

Михаил Данилов и Венедикт Зубрилин — на две недели и Леонтий Васильев — на десять дней.

Вторая группа составилась из тридцати трех человек. В нее входили и некоторые из вышеназванных товарищей. Они обвинялись в «более тяжких преступлениях»: в нападении на караул с целью освобождения арестованных, в разрушении фабричных зданий и в разграблении фабричного имущества. Прокуратура, составлявшая обвинительный акт, не в меру переусердствовала: обвиняла рабочих во многом таком, чего и не было в действительности. Например, разбитие стекол в фабричных корпусах квалифицировалось как разрушение зданий. На суде прокурор вынужден был отказаться от обвинения в грабеже и обвинял рабочих только в расхищении продуктов из харчевой лавки.

По предъявленным обвинениям рабочим грозило лишение всех прав и каторга от пятнадцати до двадцати лет, но, к счастью рабочих, дело рассматривалось во Владимирском окружном суде с участием присяжных заседателей, которые окончательно, без судей, решали вопрос о виновности подсудимых. В числе двенадцати присяжных заседателей, судивших морозовских рабочих, не было ни одного фабриканта. Среди присяжных были четыре чиновника, учитель, два крестьянина, два мещанина, три купца, т. е. главным образом представители мелкой буржуазии.

Дело рассматривалось во Владимире 23—27 мая 1886 г. Моисеенко, Волков и Яковлев все время содержались в тюрьме, пробыв в ней в ожидании суда более одного года и четырех месяцев.

Защищали рабочих московские адвокаты Холщевников и Н. П. Шубинской, произнесший на суде блестящую речь. «Этим процессом, — говорил Шубинской, — поднимается завеса с фабричного мира в России, с быта рабочего, положения его труда и отношения к нему фабриканта». Шубинской говорил далее о бесчеловечных порядках, которые скрывались от глаза посторонних «за высокими каменными стенами и железными решетками фабричных корпусов». Указав, что Моисеенко и Волков бескорыстно принесли себя в жертву интересам товарищей, Шубинской в заключение говорил присяжным заседателям: «Чем-то совсем забытым была там великая мысль о народном благе. Своим оправдательным приговором вы напомните о ней людям, забывшим ее, и тем безвозвратно осудите порядки, доведшие рабочих до волнений. Вы скажете всей России, что истинными виновниками волнений должны считаться не рабочие, а те, кто забыл, что и рабочие такие же люди, с правами, если не на все блага жизни, то на одно священное и бесспорное между нами — на сколько-нибудь сносное и человеческое существование».

На разрешение присяжных заседателей был поставлен 101 вопрос о виновности подсудимых, и на все эти вопросы был получен один ответ: «нет, рабочие невиновны».

Этим приговором присяжные заседатели осудили Морозова, а вместе с ним и всех фабрикантов России. Такого приговора не.

ожидали ни фабриканты, ни правительство, ни разные мракобесы, вроде редактора «Московских ведомостей» Каткова, давно метавшего «громы и молнии» против рабочих, против революционеров, против суда присяжных. На другой же день по получении оправдательного приговора в Москве Катков со злобой и ненавистью писал: «Вчера в старом богоспасаемом граде Владимире раздался сто один салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса. Итак, да здравствует рабочий вопрос и droit au travail!».[1]— восклицал Катков с злобной иронией... «Суд вообще бывает у нас судом не столько над преступниками, сколько над потерпевшими, и в данном случае суд происходил не столько над рабочими, привлеченными к ответственности за буйство, сколько над дирекцией фабрики, которая якобы донимала рабочих чрезвычайными штрафами... Итак, мы дозволяем себе спросить, нужно ли было и зачем было нужно предавать бунтовавших рабочих суду? Что ожидалось от нашего суда? Чего иного можно было ожидать, кроме нового скандала...».[2]

Из статьи Каткова следовало, что вместо суда надо прибегать к административной расправе, и правительство, внимая советам этого мракобеса, решило попрать приговор суда. Суд сообщил в тюрьму об освобождении арестованных, но там уже лежало испрошенное губернатором распоряжение «особого совещания» при министре Толстом о высылке в административном порядке на три года: Моисеенко — в Архангельскую, а Волкова — в Вологодскую губернии. Лука Иванов еще раньше был выслан в административном порядке на три года на родину в Смоленскую губернию.

Правительство, пренебрегая оправдательным судебным приговором, прибегло к более надежному средству борьбы — к административной высылке.

Во время суда 27 мая 1886 г. прокурор Товарков с язвительной насмешкой называл требования морозовских рабочих «законами рабочих», а через семь дней после суда, 3 июня 1886 г., был издан закон, который действительно превратил в «государственный закон» целый ряд требований морозовских рабочих: штраф за прогул не может превышать 1 рубля за прогульный день, при найме на неопределенный срок каждая сторона может отказаться от договора, предупредив другую сторону за две недели, выдача заработной платы должна производиться не реже одного раза в месяц и т. д. Все эти требования, как мы видели, были перечислены в той тетради, которую Волков вручил прокурору 11 января 1885 г.

Несмотря на увеличение наказания за стачки, закон от 3 июня 1886 г. был все-таки значительной уступкой требованиям пролетариата и имел громадное значение в смысле некоторого

[1] Право на труд.
[2] „Московские ведомости“ № 146 от 29 мая 1886 г. (статья, приведенная в сочинениях Ленина, том I, стр. 474—476).

ограничения чрезмерного произвола, царившего на фабриках. Фабриканты, особенно московские и владимирские, с негодованием встретили закон: особенно их возмущала статья закона, по которой штрафы за неисправную работу должны итти в штрафной капитал на нужды рабочих, а не в карман фабриканта. Фабриканты придумали сотни хитроумных лазеек для обхода закона, но все-таки главное преимущество этого закона осталось в силе: штрафы, служившие ранее доходной статьей фабриканта, теперь должны итти в особый капитал, предназначенный на удовлетворение нужд рабочих. Капиталист отныне был уже не так заинтересован в штрафах, как прежде, и в результате количество штрафов уменьшилось почти в три раза. В одной Владимирской губернии штрафы за первый год действия нового закона уменьшились почти на 200 тысяч рублей. Количество стачек, вызванных штрафами, во всей Европейской России резко уменьшилось до одного с небольшим процента всех стачек. Морозовский ткач Волков был прав, когда говорил товарищам: «Мы пострадаем, зато другим будет лучше жить...».

Таковы были результаты знаменитой морозовской стачки, хорошо организованной Моисеенко и Волковым. Нельзя при этом забывать одного очень важного момента: стачка была проведена только силами одних рабочих без какого-либо участия со стороны интеллигенции.

Моисеенко и Волков до ссылки долго сидели во владимирской тюрьме и, несмотря на это, не падали духом. Они вместе читали в тюрьме политическую экономию Милля с примечаниями Чернышевского, а Моисеенко задумывал даже издавать в тюрьме газету «Голос заключенного» и устроить там «бунт» против тюремных порядков. После двухмесячного этапного путешествия, 26 ноября 1886 г., Моисеенко прибыл в Архангельск, где власти до середины декабря продержали в тюрьме не только его самого, но и его друга — жену Екатерину Созонтовну, добровольно следовавшую за мужем. А затем, по распоряжению департамента полиции, муж и жена Моисеенко были водворены в «отдаленнейшем» городке Мезени с 1500 жителей. Долгое время им не выдавали казенного пособия (28 коп. на семью в сутки): жена стала заниматься стиркой, а муж принялся за столярную работу, хотя раньше не держал в руках рубанка. Полиция всячески издевалась над ссыльными, назойливо следила за каждым их шагом и под угрозой «ссылки в Сибирь» запрещала местному населению (не только взрослым, но даже детворе, прибегавшей поиграть с детьми ссыльных) иметь какое-либо общение с политическими ссыльными. В Мезени, а затем уже в г. Пинеге Моисеенко в свободное время много читал и в частности с ссыльным Александром Серафимовичем Поповым (теперь известный пролетарский писатель Серафимович) с большим усердием изучал первый том «Капитала» Маркса. Ссыльная молодежь (три студента и две курсистки) в зимние долгие вечера, начинавшиеся чуть не с 12 часов дня, порою скучала.

вспоминая оставленных на родине товарищей и родных, а Моисеенко, сохранявший всегда необыкновенную жизнерадостность, шутливо говорил: «Эх, живи — не тужи, хлеба нет — говей до звезды, рубашка черна — вывсроти да носи».

Когда Моисеенко был в мезенской ссылке, Волков умер в Вологодской губернии.

Во время ссылки у Моисеенко было два обыска: один — в 1887 г. в связи с его перепиской с членами нашего владимирского кружка В. Н. Буяковичем и Д. И. Яковлевым, а другой — тотчас же по выезде Моисеенко из Пинеги (полиция хотела узнать, нет ли запрещенной литературы в двух сундуках с книгами, оставленными Моисеенко в Пинеге).

29 июня 1889 г. Моисеенко закончил ссылку и вместе с женой и родившейся в ссылке девочкой Инной переселился в г. Челябинск, куда вслед за ним из Пинеги полетело полицейское сообщение: «Моисеенко взял с собой много книг».

Житейские невзгоды, тюрьмы, этапы и ссылки не сломили этого замечательного борца за рабочее дело: он и после архангельской ссылки продолжал вести революционную работу. После долгих скитаний Моисеенко удалось, наконец, поступить на работу в Ростове-на-Дону, где он примкнул к социал-демократии. Здесь в 1893 г. он снова был арестован и в третий раз сослан на три года в Вологодскую губ., где он прожил до 1898 г. Впоследствии он принял видное участие в революции 1905 г., а в 1916 г. в Донбассе руководил горловской забастовкой, в которой участвовало 30 000 рабочих. Незадолго до смерти он побывал в Орехово-Зуеве. Умер Моисеенко в ноябре 1923 г. и похоронен в Орехово-Зуеве возле фабрики «Дворец стачки», у подножия памятника «Морозовской стачке 1885 года».

Стачки за ликвидацию ночных работ и за сокращение рабочего дня

Самая упорная и продолжительная борьба в Ивановском районе велась за прекращение ночных работ и за сокращение рабочего дня. Ткачи и прядильщики неустанной и дружной борьбой во второй половине 80-х и в начале 90-х годов прошлого века добились отмены ночных работ. Раньше работа на ткацких и прядильных фабриках производилась круглые сутки двумя сменами, из которых каждая работала или по двенадцати часов в два приема, или же одну неделю по восьми часов, а другую — по шестнадцати часов. Вот, например, какое было распределение работ в 1885 г. на ткацкой фабрике товарищества Шуйской мануфактуры: с 4 часов утра до 10 часов утра работали женщины и подростки; с 10 часов утра до 4 часов дня работали мужчины; с 4 часов дня до 10 часов вечера — опять женщины и подростки, а на ночь с 10 часов вечера до 4 часов утра снова вставали к станкам мужчины. При таком распределении рабочего времени, работая в сутки два раза по шести

часов, никто не мог отдохнуть, а мужья видались с женами и детьми-подростками только по воскресеньям, когда не было работы на фабрике. Ночная работа, особенно тяжелая для рабочих, вызвала в 80-х годах прошлого века целый ряд волнений и стачек. Правительство пошло на некоторые уступки и 3 июня 1885 г. издало закон, воспрещающий для женщин и подростков, не достигших семнадцатилетнего возраста, ночную работу на хлопчатобумажных, льняных и шерстяных фабриках. Победе рабочих способствовали общий кризис, охвативший промышленность, и борьба между более передовыми питерскими фабрикантами, у которых в большинстве случаев ночных работ не было, и более отсталыми московскими и владимирскими фабрикантами. Первые имели дело с чистыми пролетариями: им надо было платить более высокую плату по сравнению с нищенской платой, которую получали московские и владимирские текстильщики, тогда еще в значительной степени связанные с землей. Кризис обострял конкуренцию между фабрикантами, поэтому петербургские текстильные фабриканты высказывались за отмену ночных работ.

Половинчатый закон 1885 г., естественно, не мог удовлетворить рабочих, и они начали требовать полного прекращения ночных работ. Так, в сентябре 1887 г. в Кохме на ткацкой фабрике Ясюнинских 445 рабочих потребовали прекращения ночных работ и производства работ в две смены — от 4 часов утра до часу дня и с часу дня до 10 часов вечера. В Шуе тоже было несколько стачек, где рабочие выставили такие же требования, причем особенно замечательна была стачка, начавшаяся 26 сентября 1888 г. В этой стачке приняли участие ткачи всех шуйских фабрик (около 5000 человек). Они настойчиво потребовали прекратить ночные работы и повысить расценки, пониженные с 1 октября 1888 г. на 25%.

В апреле 1889 г. снова началась стачка ткачей, охватившая все ткацкие фабрики, находившиеся в Шуе, Иваново-Вознесенске, Коврове, Горках и Лежневе. Поводом к этой грандиозной забастовке, объединившей более 10 тысяч ткачей, послужило следующее: фабриканты, отменив по требованию рабочих ночные работы для всех рабочих, решили с весны 1889 г. перейти к работе вместо двух в одну смену — с 5 часов утра до 8 часов вечера с перерывом на два часа на отдых. В связи с этим распоряжением половина рабочих не была принята на фабрики. Непринятые рабочие запротестовали, но фабриканты, ссылаясь на застой в торговле хлопчатобумажными товарами, не шли на уступки. И только ткацкие фабриканты в Коврове, Лежневе и Горках уступили рабочим, введя на своих фабриках работу в две смены по восьми-девяти часов каждая, но расценки не были повышены, поэтому месячный заработок ткачей снизился до 8 — 9 рублей.

Власти испугались такого громадного количества забастовавших голодных рабочих в Шуе и Иванове и выдвинули про-

тив них целое войско: три батальона пехоты и 200 казаков.

Дела о стачке 1889 г. были переданы в суд. В Шуе двадцать четыре участника стачки были приговорены к аресту на полтора-три месяца. В Коврове были привлечены по делу двое и в Иванове — одиннадцать рабочих.

Ткачи выражали резкое недовольство слишком продолжительным рабочим днем (тринадцать часов чистой работы в сутки), но неблагоприятные условия рабочего рынка не позволяли им начать борьбу за сокращение рабочего дня. Воспользовавшись этим, фабриканты начали нажимать на рабочих и прежде всего увеличивать рабочий день. По правилам внутреннего распорядка работа на фабриках в одну смену должна была начинаться с пяти часов утра и кончаться в восемь часов вечера с двухчасовым перерывом на обед. Но по просьбе шуйских ткацких фабрикантов услужливая фабричная инспекция разрешила им увеличить рабочий день на один час «ввиду усиленного спроса на товар».

Кроме того, фабриканты по взаимному соглашению стали прибегать к такому жульничеству: при начале работ стрелка фабричных часов переводилась вперед, а перед окончанием работ она передвигалась назад. Благодаря этому рабочий день увеличивался нередко еще на один-два часа. Таким образом тринадцатичасовой день работы превращался в пятнадцатичасовой. Другими словами, работа на фабриках начиналась уже в четыре часа утра и кончалась только в девять часов вечера. К этому надо прибавить ежедневный четырехкратный приход рабочих на фабрику и обратно с тревожной мыслью «как бы не опоздать на работу?». Особенно тяжело доставалось женщинам, которые во время обеденного перерыва должны были исполнять целый ряд домашних работ.

Громадное большинство шуйских рабочих того времени жило по окрестным деревням в трех-семи километрах от Шуи. Такая продолжительная работа вместе с переходами довела ткачей до полного изнурения. Терпение истощилось, и они решили прибегнуть к забастовке. 21 июня 1893 г. забастовали ткачи с фабрики Товарищества Шуйской мануфактуры Павлова, а на следующий день к ним присоединились ткачи с фабрик Терентьева, Небурчилова и Тезинской мануфактуры — всего более 5000 человек. Требования их сводились к сокращению рабочего дня до десяти часов.

Из Владимира немедленно приехали губернские власти: жандармский полковник и старший фабричный инспектор во главе с престарелым губернатором Терениным, а следом за ними — два батальона гренадерского полка. С прибытием войск рабочие стали собираться в прилегающих к Заречной части города лесах и решили не начинать работы, пока не будет сокращено рабочее время. Губернатор вызвал к себе представителей с каждой фабрики, выслушал их жалобы и потребовал, чтобы рабочие немедленно приступили к работе, а иначе их жалобы будут ос-

тавлены без рассмотрения. Понимая серьезность положения, губернатор несколько раз собирал фабрикантов и упрашивал их сократить рабочий день. Фабриканты упорствовали и не шли ни на какие уступки. Между тем настроение рабочих повышалось, стачка грозила перекинуться на другие шуйские фабрики и даже в Иваново. Угроза всеобщей стачки напугала Теренина, и он стал действовать более настойчиво. В результате фабриканты уступили рабочим, согласившись с 1 октября 1893 г. сократить рабочий день до двенадцати часов чистой работы. Время начала и окончания работ по требованию фабричного присутствия должно теперь определяться по железнодорожным часам.

Рабочие, не имея ни организации, ни руководства, согласились на эти условия и с 30 июня 1893 г. полностью приступили к работе (во время стачки были арестованы и затем высланы на родину около двадцати пяти человек). Эта дружно проведенная стачка ободрила рабочих и укрепила в них веру в свои силы для дальнейшей борьбы с фабрикантами.

Но и двенадцатичасовой рабочий день был чрезвычайно велик. В 1897 г. снова началось брожение, которое не вылилось в стачку только потому, что фабриканты согласились уменьшить рабочий день.

Таким образом, благодаря неустанной борьбе рабочих, в 80-х и 90-х годах в Шуе и Иваново-Вознесенске ни па одной фабрике уже не было совсем ночных работ.

Борьба за уничтожение ночных работ из Иваново-Вознесенска и Шуи перешла и на фабрики, расположенные в глухих деревнях, где рабочие, связанные с крестьянским хозяйством, были более покорны капиталистам и довольствовались меньшей зарплатой. Борьба и на этих фабриках велась довольно успешно. Так, в сентябре 1896 г. 500 ткачей на фабрике «Товарищества мануфактур Н. Дербенева сыновья» (при селе Камешкове, Ковровского уезда) после семидневной забастовки добились отмены работы с 10 часов вечера до 4 часов утра. Весной 1897 г. такую же победу одержали 1270 ткачей на фабрике «Т-ва Горкинской м-ры» при деревне Горках, Ковровского уезда. Так рабочие Ивановского района своей борьбой дополнили половинчатый закон 1885 г. о воспрещении для женщин и подростков ночных работ на текстильных фабриках. По требованию рабочих ночные работы повсюду были отменены и для взрослых мужчин.

Борьбу за сокращение рабочего времени вели не только, конечно, рабочие Владимирской губернии. Следует особенно отметить дружную стачку 30 000 петербургских ткачей, которая началась 24 мая и кончилась только 17 июня 1896 г. Этой стачкой руководил В. И. Ленин и созданный им «Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса». Одно из главных требований стачечников было сокращение рабочего дня до десяти с половиной часов. В январе 1897 г., хотя и в меньших размерах, стачка в Петербурге повторилась.

Под влиянием этих стачек, а также благодаря борьбе владимирских и московских рабочих за сокращение рабочего дня, правительство на этот раз также пошло на некоторые уступки. 2 июня 1897 г. был издан закон, впервые установивший на фабриках и заводах максимальный рабочий день в одиннадцать с половиной часов в сутки. Если же работа захватывала хотя отчасти ночное время, т. е. время от 10 часов вечера до 4 часов утра, то работа в течение суток не должна была продолжаться более десяти часов. Работы в воскресенье и праздничные дни были запрещены.

Вслед за опубликованием нового закона шуйские ткацкие фабриканты, под давлением борьбы рабочих, перешли к работе двумя девятичасовыми сменами и при этом, по требованию рабочих, повысили сдельные расценки на 25—40%. Таким образом рабочий день шуйских ткачей с двенадцати часов сократился до девяти часов и зарплата не уменьшилась, а даже повысилась.

К концу девяностых годов прошлого века ивановские ткачи и прядильщики, как общее правило, работали в две смены по девяти часов каждая. Но рабочие ситцепечатных фабрик до издания закона 1897 г. работали с 5 часов утра до 8 часов вечера с перерывом на обед на полтора-два часа, т. е. имели 13—13½-часовой рабочий день. С изданием закона 1897 г. ситцепечатники начинали работу на один час позднее и кончали на один час раньше.

Как и все фабричные законы царского правительства, этот закон оставлял лазейки фабрикантам для обхода его. Закон 1897 г. вместе с последующим циркуляром министра финансов от 14 марта 1898 г. разрешал «сверхурочные» работы в неограниченном размере. Фабриканты стали вводить «сверхурочные» работы и этим фактически лишили закон всякой силы, а «сверхурочные» работы были добровольны только по форме, а по существу были обязательны для рабочих.

Таким образом мы видим, что фабричные законы 1885—1897 гг. издавались царским правительством исключительно под давлением требований рабочих, подкрепленных стачками. Правда, законы эти в большинстве случаев носили половинчатый характер и исполнялись фабрикантами постольку, поскольку сами рабочие тем или другим путем настаивали на их исполнении.

Первая всеобщая ивановская стачка 1897 г.

Закон 1897 г. запретил работу по воскресеньям и в некоторые праздничные дни — всего в течение 66 дней в году, а празднование остальных дней, посвященных различным «святым», предоставил усмотрению фабрикантов. Воспользовавшись этим, иваново-вознесенские фабриканты прежние 85—89 нерабочих дней сократили до 66 дней, значительно уменьшив и без того весьма краткое время отдыха при долгом рабочем дне.

Как только 21 декабря 1897 г. было объявлено рабочим о сокращении праздников, на другой же день забастовали рабочие «Товарищества мануфактур Ив. Гарелина». К ним присоединились рабочие соседней фабрики «Товарищества мануфактур Н. Дербенева» и затем скоро примкнули к забастовке ткачи всех остальных фабрик, кроме маленькой фабрики Щапова. К ткачам присоединились вскоре все прядильщики. Пламя стачки быстро перекинулось и на ситцепечатные фабрики Фокина, Витовых и др. Это был первый в Ивановском районе случай, когда в забастовке приняли участие и рабочие ситцепечатных фабрик. Число стачечников с каждым днем увеличивалось и быстро дошло до 15 тысяч человек. Тогда хозяева немногих фабрик, еще не примкнувших к стачке (фабрики «Товарищества Куваевской мануфактуры», Полушина и др.), сделали уступки своим рабочим.

Это была первая всеобщая стачка в Иваново-Вознесенске. Были вызваны два батальона солдат и сотня казаков, но насилий со стороны войск не было. Как и всегда, ткачи держались дружнее других рабочих: они встали на работу только 13 января 1898 г., после того как фабриканты в значительной степени удовлетворили требования рабочих в отношении количества нерабочих дней. Ситцепечатники уступили скорее, потому что многие из них, пользующиеся хозяйской квартирой, были немедленно лишены ее, как только примкнули к стачке. Стачка продолжалась три недели.

Настроение у рабочих было самое бодрое; на некоторых фабриках не было «расчета святых», как тогда в шутку говорили рабочие, тем не менее рабочие этих фабрик примкнули к стачке в силу своей сознательности и долга пролетарской солидарности.

Местная социал-демократическая организация, разгромленная в июне 1897 г., не успела оправиться к началу этой стачки и не могла осуществить своей руководящей роли. Попытка издать во время стачки листок не удалась из-за отсутствия технических средств. Пущенные по рукам рукописные воззвания были написаны с опозданием и поэтому не могли иметь широкого распространения; влияние их было незначительно.

Несмотря на слабость организации, члены нашего Союза — Дмитрий Семенович Яшин и ткач Кирилл Николаевич Отроков, Грачев, Бутин и др. — приняли участие в агитации среди рабочих и скоро выдвинулись в качестве руководителей стачки. Эти товарищи вступали в сношения с забастовавшими рабочими, выясняли и формулировали их требования, объяснялись с начальством и распространяли среди стачечников соответствующую нелегальную литературу. По вечерам они собирали по домам сходки, говорили о выставленных требованиях, о классовой борьбе и особенное внимание обращали на рабочих, которые по своим личным качествам могли бы быть руководителями стачки по отдельным фабрикам. Отроков и Яшин обладали особым уменьем говорить на языке, понятном массам, и влиять даже на

отсталых рабочих. Как руководители стачки, оба товарища были арестованы в числе сорока других рабочих и постановлением «особого совещания» от 2 апреля 1898 г. в административном порядке были приговорены к ссылке в Олонецкую губернию: Отроков на три года и Яшин на два года. К такому же наказанию были приговорены и не состоявшие в организации Захаров, Карцев, Хренов и Владимир Романов. Десять человек были приговорены к двум годам надзора полиции в избранных ими местах жительства или на родине; двадцать один человек были приговорены к году надзора полиции и только трое, в том числе член Союза К. Макаров, от наказания освобождены. Яшин по отбытии ссылки в Олонецкой губернии поселился в Харькове, где уже по делу «Северного рабочего союза» получил ссылку в Восточную Сибирь на пять лет, но ввиду войны с Японией (1904—1905 гг.) вместо Сибири был отправлен в Тотьму, Вологодской губернии.

Увеличить число нерабочих дней до прежнего количества было основным требованием стачечников. Но кроме этого, рабочими были предъявлены и другие общие требования: улучшение медицинской помощи, сокращение предпраздничной работы, освобождение арестованных товарищей, уплата за время стачки, плата за простой машин, ежемесячный контроль рабочих над расходованием штрафного капитала и, наконец, освобождение женщин-рожениц на один месяц от работы с уплатой 8 рублей из штрафного капитала. Последнее требование вполне понятно, если вспомнить, что среди рабочих на ткацких фабриках женщин в возрасте пятнадцати—сорока лет было значительно больше половины, и что роженицы в то время освобождались от работы только на три недели с уплатой из штрафного капитала пособия в размере 4 рублей. В этой стачке, как и во всех других, женщины принимают участие наравне с мужчинами.

Организованность, сплоченность, солидарность, проявленные иваново-вознесенскими рабочими во время этой стачки, удостоверяют и наши враги. Департамент полиции 4 февраля 1898 г. за № 193 вот что писал об этой стачке в министерство финансов: «Из полученных в департаменте полиции сведений усматривается, что 14 минувшего января стачку ткачей (ткачи играли в стачке передовую роль и потому департамент говорит только о ткачах, не упоминая о прядильщиках и ситцепечатниках — **С. Ш.**) в г. Иваново-Вознесенске можно считать прекратившейся, так как местные фабрики приступили уже к работе полным составом. 15 числа отозваны находившиеся в Иваново-Вознесенске войсковые части, за исключением одной казачьей сотни, оставленной в городе еще на некоторое время. Окончившаяся забастовка, по полученным в департаменте указаниям, должна быть отнесена к разряду наиболее серьезных. Не говоря уже о ее продолжительности и распространении на значительное число фабрик почти с 14 тысячами рабочих, обращает на себя

особое внимание и то еще, что в настоящем случае забастовка носила характер образцовой сплоченности и организации. На это указывают необычное упорство забастовавших рабочих, сдержанное в общем их поведение, отсутствие особых побудительных причин к неудовольствиям, бесцельное прекращение работ на тех фабриках, где все осталось по-старому, и образцовая дисциплина среди забастовавших» (разрядка моя—**С. Ш.**).

Участие в стачке фабрик, где не было «расчета святым», департамент полиции считает «бесцельным», не понимая того, что это было проявление классовой солидарности: ивановцы боролись не только за интересы своей фабрики, но и за интересы всего рабочего класса...

Всеобщая стачка 1897—1898 гг. — яркая страница в истории нашего рабочего движения: она сплотила рабочих Иваново-Вознесенска и закалила их на дальнейшую борьбу. Тяжелое положение рабочих создало благоприятную почву для «восприятия революционных идей», и вместе с этим началась организованная классовая борьба рабочих за свое политическое освобождение и за социализм.

Только стоящий перед глазами правительства призрак грозной революции и неустанная стачечная борьба рабочих вынуждали правительство делать уступки рабочим и издать фабричные законы 1882, 1885, 1886 и 1897 гг., несколько облегчавшие положение рабочих. Вся наша стачечная и революционная борьба ярко свидетельствует, что только она обусловливала развитие фабричного законодательства.

От первых марксистских ячеек в шесть-восемь человек в начале девяностых годов прошлого столетия до первых исторических выборов в Верховный Совет СССР на основе Сталинской Конституции прошло всего сорок пять лет. Ничтожный отрезок времени в жизни каждого народа, а между тем в жизни советских народов за это короткое время произошла такая коренная перемена, которая при других условиях потребовала бы сотни лет. Только у нас имеется настоящая свобода, только у нас уничтожена эксплоатация одних людей другими. У нас нет безработицы и нищенства, у нас «человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб» (Сталин). Мы идем к окончательному установлению социалистического строя. Только наше государство печется о каждом гражданине до глубокой старости. Сотни и тысячи миллионов рублей тратятся у нас на ясли, детские сады, школы, дома отдыха, санатории, пособия по беременности, по болезни, пенсии и пр. А ведь всего сорок — пятьдесят лет тому назад ничего этого не было. Каторжный труд, полуголодное существование в деревне и на фабрике, бесправие и смерть, как желанный конец всех страданий, — вот прежний удел громадного большинства людей, а теперь наша

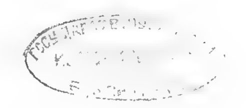
родина — самая свободная и счастливая страна. Вспоминая «горечь прежних бед», будем ценить нашу теперешнюю радостную жизнь. Мы бодро идем вперед к еще более радостной, счастливой, культурной жизни, к окончательному установлению социалистического строя, к полной победе коммунизма во всем мире. Теперь даже глубокие старики не хотят умирать: на головах у них белоснежный декабрь, а в сердце горячо бьется радостный май.

Почти сто лет тому назад наш великий писатель В. Г. Белинский, предвидя величие нашей славной родины, писал: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 г. стоящею во главе образованного мира, дающею законы и науке, и искусству и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества...».

Пророческое предсказание сбылось с изумительной точностью.

Великий Советский Союз, руководимый партией Ленина — Сталина, стал самой передовой страной в мире. Наша родина прокладывает новые пути науке и искусству. Она стала надеждой угнетенных всего мира и, как маяк, притягивает к себе взоры всего прогрессивного человечества.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ



ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Редактор *А. П. Азерьянов.* Технический редактор *Ф. В. Жуков.* Художник *И. Г. Колочков.* Корректоры *А. И. Макаров* и *Н. А. Смирнова.* Сдано в производство 26/IX 1939 г. Подписано к печати 6—27/VII 194[illegible] г. Изд. [illegible] 45. Индекс П — 1-в. КЕ № 19754. Формат 60 × 92/16. Печ. л. 15[illegible]. Уч.-изд. л. 15,97. В печ. л. 43 904 тип. зн. Тираж 5000 экз.

Типография издательства Ивановского облсовета депутатов трудящихся. Иваново, Типографская, 4. Заказ № 8065.

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует	По чьей вине
206	1 снизу	Лишулина	Микулина	Изд.
243	14 сверху	ервый	Первый	Тип.

5859аф10